

1856—1906.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ
ШКОЛЫ
К. И. МАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.
1907.

Карлъ Ивановичъ
МАЙ

(1824—1895).

Основатель и первый директоръ
уч. зав. его имени.

XI - 32

127
318

I.

Юбилейный актъ 29 октября 1906 г.

РЪЧИ. АДРЕСА. ТЕЛЕГРАММЫ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
О 1974 г. ВП - 35/12

Юбилейный актъ Гимназіи и Реального Училища К. Мая по случаю пятидесятилѣтія со дня основанія школы К. И. Мая начался молебномъ, совершеннымъ прот. Д. К. Падалкой, и лютеранской молитвой пастора К. К. Доннера.

Передъ молитвословіемъ прот. Д. К. Падалка произнесъ слѣдующее слово:

„Празднуя нынѣ полувѣковой юбилей нашей школы,—это рѣдкое событіе въ жизни частнаго учебнаго заведенія,—мы собственно празднуемъ честь и славу двухъ лицъ, преемственно стоявшихъ во главѣ школы Мая и руководившихъ ею въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтія ея жизни. Это—К. И. Май, основавшій нашу школу и управлявшій ею болѣе четверти вѣка, и В. А. Кракау, продолжавшій его дѣло до конца прошедшаго учебнаго года.

Кто изъ непрічастныхъ нашей школѣ знаетъ этихъ людей? Кому изъ постороннихъ вѣдомы ихъ труды, ихъ дѣятельность? Мы же хорошо знаемъ ихъ. Сейчасъ проходятъ они предъ нами, какъ два гиганта педагогическаго труда, какъ два великіе подвижника на святомъ поприщѣ служенія истинному благу ближняго. И славны они своею живою, искреннею любовію къ малымъ симъ и самоотверженною преданностію тому дѣлу, которому служили здѣсь. Во имя этой любви оба они отреклись отъ личнаго блага, отъ личнаго счастья и принесли въ жертву школѣ не только свои силы, но и всю жизнь свою. Вотъ то зерно, изъ котораго возникла наша школа, вотъ та сила, которая устроила ее, сдѣлала ее крѣпкою и долгожизненною, снискала любовь и уваженіе къ ней въ обществѣ, снискала ей извѣстность въ столицѣ и славу за предѣлами ея.

Вотъ почему наша молитва въ настоящія торжественныя минуты должна выразиться прежде всего въ благодареніи Господу за то, что онъ даровалъ нашей школѣ такихъ дѣятелей-подвижниковъ и помогъ имъ въ ихъ незабвенномъ для школы подвигѣ.

Ихъ уже нѣтъ съ нами, имъ школа не можетъ выразить своей признательности, и благодарная память о нихъ побуждаетъ наше нравственное чувство почитать ихъ молитвою.

Но, молясь о нихъ, помолимся и о томъ, чтобы та закваска, которую положилъ въ основу нашей школы приснопамятный основатель ея, не потеряла своей силы, чтобы тотъ духъ, который возженъ былъ имъ и который такъ самоотверженно поддерживалъ его преемникъ, не угасалъ, чтобы и въ будущемъ „Господинъ жатвы посылалъ достойныхъ дѣлателей на жатву свою“ (Лука, 10, 2). Тогда благо будетъ намъ: тогда и трудъ нашъ будетъ продуктивенъ, и долголѣтня будетъ школа Мая на землѣ“.

Religionslehrer K. Donner hielt über 1. Mos. 28,17 (Wie heilig ist diese Stätte! Hier ist nichts Anderes denn Gottes Haus und hier ist die Pforte des Himmels) eine Ansprache folgenden Inhalts:

Diese Worte sprach Jacob, der Stammvater des jüd. Volkes, nachdem ihm Gott im Traume zu Bethel erschienen war und ihn gesegnet hatte. Einmal nur war ihm Gott an dieser Stelle erschienen u. sofort nannte Jacob den Ort heilig, ein Haus Gottes und eine Pforte des Himmels.—Den Lehrenden u. Lernenden dieser Schule ist Gott viele Male erschienen. Jesus Christus hat ja gesagt, dass Gott ein Geist und dass er die Wahrheit ist. Jedes Mal also, wenn in den Stunden von Gottes Geist und von seiner Wahrheit gegeben wurde, jedes Mal ist dann auch Gott erschienen und jedes Mal hat er dann auch Lehrer und Schüler gesegnet. Eine Fülle von Segen hat sich also im Laufe von 50 Jahren über die Schule ergossen u. hat sich dann von ihr aus über Stadt und Land ausgebreitet. Die Schule ist darum auch eine heilige Stätte, sie ist wahrhaftig auch Gottes Haus, sie ist wirklich auch eine Pforte des Himmels.—Dankgebet und Segen schlossen die Ansprache.

К. И. Май.

(воспоминания и характеристика).

Отъ имени Педагогическаго Совѣта и своего привѣтствую вдову основателя сей школы—Агнесу Альбертовну Май, дочь Карла Ивановича Мая—Анну Карловну Кемпе, родственниковъ К. И. и всѣхъ лицъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ сегодняшній актъ.

Какъ много лѣтъ и прежде, собрались мы 29 октября, въ день рожденія покойнаго К. И., для воспоминаній о пройденномъ пути, отчета въ своей дѣятельности и закрѣпленія ея благихъ результатовъ на будущее.

На первомъ мѣстѣ воспоминанія объ основателѣ школы и ея первомъ директорѣ—К. И. Маѣ, а затѣмъ о его преемникѣ В. А. Кракау, только къ началу нынѣшняго учебнаго года сложившемъ, по крайне разстроенному здоровью, тяжелое бремя управленія школой.

Желаніе возстановить въ памяти, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, дѣятельность лицъ, имѣвшихъ такое значеніе во всемъ обществѣ внутренней жизни школы, израсходовавшихъ на нее такой капиталъ крови и труда, является не только нашей нравственной обязанностью, естественной данью признательности и уваженія къ памяти трудившихся раньше насъ на той же нивѣ и на той же бороздѣ, но—эти воспоминанія о хорошемъ прошломъ ободряютъ насъ и на будущее, даютъ поучительные уроки.

Учесть количество пользы, принесенной тѣмъ или другимъ дѣятелемъ, очень трудно; несомнѣннымъ является, что дѣятельность полезна, если человѣкъ въ своей сферѣ жизни, какъ бы она ни была мелка, въ избранномъ имъ кругѣ дѣятельности дѣлаетъ все, что можетъ, въ смыслѣ стремленія къ лучшему, къ воплощенію своихъ идеаловъ въ дѣйствительности.

Дѣятельность педагога-практика, а такими именно были К. И. Май и В. А. Кракау—слагается изъ массы мелочей, но это обстоятельство не можетъ умалить значеніе дѣятелей, лишь бы у нихъ была „живая душа“. Вѣдь, изъ неизмѣримо малыхъ частицъ состоятъ всѣ

вещества; изъ безконечно малыхъ толчковъ составляются самыя громадныя массы.

У меня немного личныхъ воспоминаній объ основателѣ школы, но я горжусь, что я вступилъ въ эту школу преподавателемъ еще при К. И. Среди фотографій, украшающихъ сосѣднія комнаты, есть одна для меня особенно дорогая, гдѣ я—рядомъ съ К. И. Маемо, В. А. Кракау и другими старшими товарищами, изъ которыхъ имена покойныхъ В. П. Постникова, М. Е. Доброписцева, Ф. I. Винда останутся навсегда незабвенными не для меня одного, но и для школы.

Въ послѣдніе четыре года жизни К. И., когда я его зналъ, онъ былъ только почетнымъ попечителемъ школы, ея добрымъ гениемъ. Но такова уже сила обаянія хорошихъ людей: одно ихъ присутствіе дѣйствуетъ благотворно. Своимъ любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу преподаванія, взглядомъ на тяжелый трудъ воспитанія, какъ на высокій подвигъ, достойный всѣхъ нашихъ усилій, всей нашей жизни вплоть до могилы, К. И. создалъ особую среду въ школѣ, въ которой такъ легко дышалось, такъ свѣтло, несмотря на всѣ жизненныя невзгоды, вѣрилось въ будущее. Необыкновенно мягкій, ровный, даже сдержанный въ личныхъ отношеніяхъ К. И. обнаруживалъ съ перваго же раза одну любовь, пылкую и постоянную, къ избранному дѣлу, которое по серьезности и радости, съ какою совершалось, могло показаться священнодѣйствіемъ. Я вступалъ въ эту среду въ ту пору человѣческой жизни, когда особенно обостряется вопросъ о смыслѣ существованія, когда съ такимъ нетерпѣливымъ волненіемъ человѣкъ бросается отъ одной задачи къ другой, когда мучительно, съ тоскою ищетъ наилучшаго, въ общественномъ, а не личномъ только смыслѣ, приложенія своихъ силъ. И я нашелъ удовлетвореніе своимъ запросамъ въ этой средѣ, сплоченной и проникнутой духомъ К. И. Я остался въ ней. Преклонные годы, а особенно болѣзнь—тяжелая и мучительная—не позволяли ему послѣдніе годы часто показываться въ школѣ, но онъ не бѣжалъ отъ нея, и она искала его. 29 октября неизмѣнно вся школа бывала у него на шеколадѣ; въ шумѣ привѣтствій сливались звонкіе голоса школьниковъ съ не менѣе искренними и сердечными пожеланіями бывшихъ „майцевъ“. Привязанность ихъ къ своему любимому наставнику и другу особенно рѣзко сказала на похоронахъ К. И., отличавшихся рѣдкой торжественностью для простаго учителя—и по числу провожавшихъ, и главное—по отношенію ихъ къ покойному.

Мы снова здѣсь друзья, (говорилъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ К. И.),
да узрять поколѣнья,

Что всѣ мы повторить готовы вновь и вновь,—

Какъ крѣпки узы тѣ, какъ прочны были звенья,

Что изваяла въ насъ къ покойному любовь!

(Гильт.).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти К. И., Комитетъ фонда его имени обратился ко всѣмъ бывшимъ ученикамъ и преподавателямъ школы К. Мая съ просьбой сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія какъ о самомъ К. И., такъ и о жизни школы въ его время. Комитетъ получилъ немного матеріаловъ, но все-таки получилъ и вскорѣ ихъ напечатаетъ.

Въ своей краткой рѣчи я воспользуюсь нѣкоторыми данными изъ этихъ матеріаловъ для обрисовки характера К. И. Онъ въ этихъ воспоминаніяхъ, конечно, на первомъ планѣ.

„Карлъ Ивановичъ Май... Кто изъ насъ, бывшихъ его учениковъ и воспитанниковъ, не улыбнется, даже при мимолетномъ о немъ воспоминаніи...

28 лѣтъ отдѣляютъ меня отъ выпускного экзамена и 34 года отъ момента поступленія въ его гимназію. Трудно было бы для человѣка, не обладающаго особенною остротою памяти, что-либо припомнить, на такомъ разстояніи, изъ гимназической жизни, если бы не было въ ней „духа жива“, если бы она была обыденно-сѣренькая, не была бы озарена немеркнущимъ лучемъ животворной любви къ намъ, тогда еще дѣтямъ, и къ тѣмъ идеаламъ, вѣрнымъ служителемъ которыхъ былъ нашъ незабвенный Карлъ Ивановичъ“!.. (Гильт.)

Одинъ и тотъ же тонъ свѣтлой радости лежитъ на воспоминаніяхъ о К. И. и учениковъ перваго призыва, собравшихся 10 сентября 1856 г. въ квартирѣ К. И. въ надворномъ флигелѣ дома Ершова на I линіи Вас. Остр., и послѣдующихъ выпусковъ, и, наконецъ, вступившихъ въ гимназію, когда К. И. угасалъ. Отъ поколѣнія къ поколѣнію передавалась, видно, слава о К. И. и его школѣ.

„Не такъ давно (вспоминаетъ одинъ „маецъ“) мнѣ довелось видѣть, какъ бывшій ученикъ привелъ на экзаменъ младшаго братишку. Мальчуганъ не выражалъ на своемъ лицѣ ни смущенія, ни робости; напротивъ, его лицо сіяло веселой доверчивой улыбкой. Должно быть онъ слышалъ (прибавляетъ авторъ воспоминаній) отъ своего брата про гимназію и создавшаго ее К. И. одно только доброе и хорошее“.

Сводя всѣ разсѣянные въ этихъ воспоминаніяхъ черты К. И. къ общей характеристикѣ, нельзя не выдѣлить нѣкоторыхъ его особенностей.

Прежде всего, конечно, его безпредѣльную любовь къ дѣтямъ, которая сказывается въ самомъ внимательномъ отношеніи къ ихъ личности. На одинъ изъ вопросовъ анкеты: „кого изъ педагоговъ особенно цѣнилъ К. И.“—дается въ воспоминаніяхъ согласный отвѣтъ: Песталоцци, Пирогова, Ушинскаго. Дѣйствительно, К. И. по духу своему подходилъ къ нимъ и исходной точкой бралъ указаніе Ушинскаго, что ребенокъ тоже человѣкъ, хотя еще и маленькій; у него такая же

душа и такое же тѣло, какъ и у другихъ людей; у него есть своя воля, свои желанія, свое мнѣніе; поэтому не угнетать личность ребенка, это драгоцѣннѣйшее, что есть въ человѣкѣ, а развивать и воспитывать надо. „Только какъ личность человѣкъ можетъ быть изобрѣтателемъ въ мысляхъ, свѣжъ въ своихъ чувствованіяхъ, упоренъ, твердъ въ стремленіяхъ“ (В. Розановъ). „Воспитатель долженъ, говоритъ Ушинскій въ одномъ мѣстѣ, стремиться узнать человѣка, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, со всѣми его слабостями и во всемъ его величіи, со всѣми его будничными мелкими нуждами и со всѣми его великими духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ съ своею совѣстью; во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и въ болѣзни, среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово человѣческаго утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера. Тогда только онъ будетъ въ состояніи почерпать въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія—а средства эти громадны“.

К. И. Май слѣдовалъ этому завѣту и съ перваго же момента поступленія ученика въ школу старался подмѣтить, къ чему было способно и склонно каждое изъ дѣтей, и согласно съ этимъ воздѣйствовалъ на него; не „человѣка вообще“ воспитывалъ К. И., а опредѣленную индивидуальность—и только такимъ путемъ могъ найти онъ вѣрный ключъ къ сердцу учениковъ, задѣтъ живыя струны ихъ души, пробудить лучшее, что дремлетъ въ ней. Изъ этого вниманія къ человѣку родилась прославленная доброта К. И.—слово со спорнымъ значеніемъ и очень простымъ, для всѣхъ понятнымъ смысломъ. Чтобы пріобрѣсти любовь и довѣріе дѣтей, укрѣпить въ нихъ доброе чувство, онъ не читалъ только „нотацій“, а останавливался на явленіяхъ близкихъ дѣтямъ, ежеминутно происходящихъ у нихъ на глазахъ, и дѣлалъ осязательными, реальными идеи любви къ людямъ, благотворности труда и пр. Точно, въ школѣ, которую изобразилъ Песталоцци въ „Лингардѣ и Гертрудѣ“.

„Когда меня привели въ школу и я увидалъ К. И., то она мнѣ показалась далеко не столь страшной и суровой, какою ее мнѣ или, лучше сказать, школу вообще рисовало мое дѣтское воображеніе“ (Д. П. Семеновъ). Это потому, что К. И. подходилъ къ „человѣку“, а не „ученику“.

До самаго послѣдняго времени К. И. сохранилъ привычку, стоя на верхней площадкѣ лѣстницы, встрѣчать и провожать учениковъ, подавая каждому руку, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда кѣмъ-либо изъ мальчиковъ онъ былъ недоволенъ.

И въ требованіяхъ программы К. И. какъ бы приспособлялся къ личности учащихся. „Онъ рѣшалъ вопросъ о пріемѣ не на основаніи минимальныхъ познаній (требуемыхъ официальной программой), а на основаніи чего-то средняго между познаніями ученика въ тѣхъ предметахъ, гдѣ онъ ушелъ впередъ и гдѣ онъ отсталъ отъ сверстниковъ, уже находящихся въ классѣ“. Эта гибкость внутреннихъ порядковъ—одно изъ благихъ преимуществъ частной школы.

К. И. слѣдилъ за всей жизнью учениковъ. Больныхъ учениковъ К. И. лично навѣщалъ на дому, и, насколько это остается въ памяти, доказывается тѣмъ, что уже старики вспоминаютъ о такихъ посѣщеніяхъ. „Я его узналъ, говоритъ одинъ, но мнѣ трудно было ему отвѣчать и я, кажется, отвѣчалъ да невпопадъ, такъ какъ былъ въ бреду“ (Д. П. С.).

Посѣщалъ своихъ учениковъ К. И. и въ радости ихъ. „Помню, что, для отпразднованія дня рожденія матери одного изъ учениковъ, сынъ желалъ устроить домашній спектакль. Карлъ Ивановичъ принялъ живое участіе, хотя съ родителями былъ почти не знакомъ, указывалъ выборъ пьесъ, руководилъ со своей сестрой репетиціями и представленіемъ. Когда между учениками старшихъ классовъ возникла мысль читать нѣмецкихъ классиковъ съ распределенными ролями, Карлъ Ивановичъ предлагалъ свои услуги и нѣсколько разъ участвовалъ при чтеніи“ (Тамъ же).

Такими путями К. И. подходилъ къ семьѣ учениковъ. „Навсегда останется для меня—говоритъ одинъ бывший ученикъ—дорога память К. И., ибо онъ избавилъ насъ отъ казенщины, сдѣлалъ переходъ изъ семьи въ школу незамѣтнымъ“ (В. Оль). Объ этой связи семьи и школы К. И. говорилъ неоднократно (Д-р. Блессигъ) и относился къ родителямъ всегда дружески, хотя и независимо (Епанчинъ). К. И. былъ увѣренъ, что, стоя ближе къ семьѣ, школа можетъ лучше исполнить требованіе принципа сохраненія индивидуальности.

Забота К. И. объ ученикахъ сказывалась и въ его вниманіи къ успѣхамъ cadaго изъ нихъ и умѣнь „воздѣйствовать на хорошую сторону самолюбія мальчика съ цѣлью побудить его къ болѣе серьезнымъ занятіямъ“ (Д. П. С.). А какъ тревожился К. И. за экзаменъ!

К. И. охотно приходилъ на помощь ученикамъ и въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ: „нуждающимся онъ старался достать занятія на каникулы“ (К. К. Саковскій), многіе бывшіе ученики говорятъ о своемъ обязательствѣ въ этомъ отношеніи къ К. И. (Е. Розенблатъ). Эти поистинѣ „отеческія отношенія“ (К. К. С.) К. И. къ ученикамъ не прекращались и по выходѣ послѣднихъ изъ училища. (Сем., Гильт).

Оттого такая простота и искренность царила въ школѣ К. И., и дѣла школы были общими.

Оттого и царило въ школѣ такое довѣріе и уваженіе къ К. И. и послушаніе.

„Я какъ сейчасъ помню, говоритъ б. ученикъ, какъ однажды одинъ изъ моихъ товарищей замыслилъ устроить какую-то шалость и какъ весь классъ запротестовалъ: „К. И. будетъ этимъ недоволенъ“ (Гаддъ).

„Многое не дѣлалось нами, говоритъ другой маецъ, изъ нежеланія обидѣть и доставить огорченіе К. И.“ (В. Оль).

Среди присланныхъ въ Комитетъ Фонда имени К. И. Мая матеріаловъ есть ученическіе журналы, сатиры, рисунки. Острая дѣтская наблюдательность во всемъ подмѣчаетъ смѣшныя стороны, прежде всего, конечно, въ своихъ учителяхъ и товарищахъ, но—могу засвидѣтельствовать—я не встрѣтилъ ни одного рисунка, ни одной строки, въ которой бы проявилось неуваженіе къ личности К. И. Подсмѣивались надъ привычкой К. И. нюхать табакъ, пѣть себѣ подъ носъ что-нибудь (чаще всего *Dessauer Marsch*), особенно „когда онъ останавливался передъ висѣвшей въ залѣ большою стѣнною таблицею съ распредѣленіемъ уроковъ по всѣмъ классамъ“ (Д. П. С., Епанчинъ)—и только.

Бывалъ К. И. и „въ сердцахъ“ за шалости, но скоро отходилъ, когда убѣждался, что это только дѣтскія выходки (Сем., Гилтъ., Епанчинъ), но необходимо замѣтить, и въ „строгости“ К. И. никогда не былъ „грубъ“: чувства долга и законности внушались безъ оскорбленія личности учениковъ (Епанч.).

Къ одному былъ К. И. нетерпимъ—ко лжи.

„Когда одинъ отецъ спросилъ сына, какое наказаніе полагается за допущенную ученикомъ ложь (ученикъ былъ въ школѣ К. И.), сынъ изумился. За ложь? Нѣтъ, папа, этого нельзя сдѣлать—К. И. бы огорчился“ („Н. В.“ 21 марта 1895). Не могу не привести одного яркаго факта изъ воспоминаній.

„Былъ ясный сентябрскій день; окна нашего класса (въ 3-мъ этажѣ) были открыты; черезъ дворъ, во флигелѣ помѣщались квартиры; въ то время во всѣхъ, кажется, учебныхъ заведеніяхъ были въ ходу такъ наз. „рогатки“, нашлась такая и въ нашемъ классѣ, у одного „опытнаго“ второгодника. Въ одну изъ перемѣнъ, желая показать намъ силу своего инструмента, онъ пробилъ стекло въ одной изъ квартиръ противоположнаго флигеля и ранилъ въ кровь щеку работавшей тамъ кухарки, едва не попавъ ей въ глазъ. Разумѣется, пришли жаловаться, указывая прямо на нашъ классъ. Почуявъ бѣду, рѣшено было „не выдавать“ товарища; самъ же онъ не пожелалъ сознаться. Послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ опросовъ, Карлъ Ивановичъ рѣшилъ запереть классъ, не выпуская, пока виновникъ не сознается самъ, и предупредивъ, что не желаетъ, чтобы его кто-либо выдалъ. Прошло часа три по окончаніи уроковъ, результата не получилось. Неоднократно возвращался Карлъ Ивановичъ, выясняя всю неблаговидность поведенія виновника, изъ за эгоистичной трусости заставляющаго сидѣть товарищей; наконецъ, онъ опросилъ честнымъ словомъ cadaго изъ насъ—нѣтъ ли рогатки и не

стрѣлялъ ли изъ чьей-либо чужой. Отвѣтъ отъ всѣхъ получилъ отрицательный.—Тогда уже съ извѣстнымъ раздраженіемъ въ голосъ онъ объявилъ, что вынужденъ приступить къ *позорной* провѣркѣ *честнаго* слова каждого изъ насъ, и сталъ обыскивать наши парты... Я и до сихъ поръ помню то жуткое чувство, охватившее всѣхъ насъ, когда рогатка нашлась у виновника этой продѣлки!..

Дрожащей рукою схватилъ К. И. рогатку... „Трусъ и лжецъ“! и звонкая пощечина раздалась по классу, послѣ чего онъ вытолкнулъ провинившагося изъ класса... Мы были ошеломлены. Вернувшись въ классъ, Карлъ Ивановичъ взволнованный, со слезами, обратился къ намъ: „вы жалѣете, конечно, вашего товарища; но наказаніе, которое понесъ несчастный при васъ, пусть запечатлится въ сердцѣ каждого изъ васъ и знайте, что для позорной лжи нѣтъ мѣста въ этихъ стѣнахъ“.

Много лѣтъ спустя послѣ окончанія курса привелось мнѣ слышать, что потерпѣвшій это наказаніе съ любовью вспоминаетъ покаравшую его руку“!.. (Гилтъ.).

Менѣе всего, конечно, К. И. соображалъ, какое званіе носить отецъ ученика. Въ министерство Д. А. Толстого К. И. не постѣснился уволить изъ своей школы родственника министра (ученика М. М-ва), довольно распушеннаго юношу (Епанчинъ).

Рисуя приведенными чертами личность К. И., не трудно сказать, каковъ онъ будетъ какъ преподаватель. Его *вторымъ принципомъ* будетъ цѣльность, связь обученія и воспитанія. Конечно, не формальное знаніе будетъ цѣнить онъ, не искусно вышколенныхъ техниковъ готовить, а главной задачей поставить возбужденіе интереса къ знанію, какъ средству самопознанія, и къ внутренней связи изучаемаго. Цѣнны не голыя свѣдѣнія, а внутренняя просвѣщенность, чутье правды, сила воли. К. И. преподавалъ географію и придавалъ ей большое значеніе именно какъ „наукѣ, ассоціирующей знанія изъ другихъ наукъ, развивающей въ дѣтяхъ наблюдательность относительно окружающихъ явленій природы и жизни человѣка, заставляющей ихъ улавливать взаимодѣйствіе и гармонию силъ природы, тѣсную зависимость человека отъ природы, свойства его страны и побѣду его надъ природою“. Видное мѣсто занимало въ его преподаваніи—черченъе картъ съ цѣлью дать болѣе живое и вѣрное представленіе страны. И въ преподаваніи К. И. то же, что и въ воспитаніи,—стремленіе приблизить ученика къ живому, конкретному. (Д. П. С.).

Не избѣгалъ К. И. на своихъ урокахъ и бесѣдъ съ учениками по волновавшимъ ихъ вопросамъ; такъ, напримѣръ, одинъ „маецъ“ вспоминаетъ, какъ въ школѣ обсуждался вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ классической и реальной системъ образованія; событія войны 1870—71; говорили о крымской войнѣ и реформахъ Александра II и пр. „Во время такихъ бесѣдъ—говоритъ авторъ, нынѣ руководящій

однимъ воен.-учебнымъ заведеніемъ,—вырабатывался критическій взглядъ на событія и дѣйствія людей и невольно прививалась способность разсуждать по возможности объективно, спокойно, освѣщая факты и дѣйствія лицъ со всѣхъ сторонъ“. (Епанчинъ).

Третьей основной чертой К. И. я бы назвалъ стремленіе къ созданію *единства настроенія въ школѣ*, при полной свободѣ индивидуальности. Этой цѣли К. И. достигалъ прежде всего нравственнымъ вліяніемъ своей гуманной личности, непрерывающейся связью съ учениками, всяческимъ поощреніемъ духа товарищества между учениками, широкой терпимостью, религіозной и политической, наконецъ, такими средствами, какъ спектакли, экскурсіи и т. п.

Какъ сильно было товарищество въ школѣ, говоритъ не одно воспоминаніе; и первымъ защитникомъ его былъ К. И.: „доносы на товарищей не поощрялись и не принимались никогда“ (Д. П. С.). Виновный долженъ былъ самъ сознаться. „Дружескія отношенія продолжались и послѣ выхода изъ школы, и теперь, когда изъ бывшихъ учениковъ сдѣлались отцы и дѣды, я, по крайней мѣрѣ, всегда съ особенной радостью встрѣчаю своихъ бывшихъ товарищей“. („Восп. майскаго жука съ 1856 по 1864 годъ“). Образовывались иногда болѣе тѣсные кружки товарищей, особенно если они происходили изъ семей одной профессіи (купцы, художники и пр.). Духъ терпимости былъ полный. На учениковъ не могло не производить впечатлѣнія, что въ „нѣмецкой“ школѣ (сперва языкъ преподаванія былъ нѣмецкій, молитвы передъ ученіемъ пѣлись по-нѣмецки, составъ учениковъ былъ первоначально также б. ч. изъ нѣмецкихъ семействъ)—всѣ преподаватели нѣмцы, не говоря уже о К. И., относились съ уваженіемъ къ русскому „батьшкѣ“, къ препод. рус. яз. М. Е. Доброписцеву, ярому руссаку. Однажды пріѣхавшій изъ Берлина преподаватель древнихъ языковъ позволилъ себѣ какъ-то, въ раздраженіи на шалость одного ученика, рѣзко отозваться о воспитаніи русской молодежи; обиженные заявили объ этомъ К. И., который, разобравъ, въ чемъ дѣло, заставилъ преподавателя извиниться передъ классомъ.

Въ русско-турецкую кампанію К. И. раздѣлялъ съ русскими учениками всѣ ихъ патріотическія волненія.

Не буду распространяться о спектакляхъ и экскурсіяхъ. Въ воспоминаніяхъ бывшихъ учениковъ очень много объ нихъ говорится, какъ „о лучшихъ впечатлѣніяхъ“ прошлаго. Отмѣчу только, что во всѣхъ школьныхъ предпріятіяхъ участвовалъ и самъ К. И., возбуждая въ дѣтяхъ энтузіазмъ и своими чтеніями изъ Шиллера, любимаго поэта К. И., и репетиціей съ учениками пьесъ Шекспира, и постановкой античныхъ произведеній. (Въ душѣ К. И. былъ классикъ на романтической подкладкѣ). Идеализмъ К. И. заражалъ и объединялъ. Конечно, болѣе объединяющее, спланивающее, чѣмъ научное, значеніе имѣли и

экскурсії за городъ, туда, гдѣ просторъ и тишина, небо и солнце, лѣсъ, поля и рѣки...

Боюсь утомить слушателей, особенно въ виду еще предстоящаго отчета о развитіи школы. Скажу, что такую школу не могли не замѣтить: въ нее шли семьями—показатель *довѣрія къ ней*, существованія живой традиціи школы (см. списокъ быв. учениковъ); цѣнили ее даже за границей: „когда я вступалъ въ высшее техническое училище въ Карлсруэ—говорить г. Тишбейнъ—то былъ принятъ безъ обязательнаго вступительнаго экзамена лишь на основаніи аттестата Майской школы“. Одинъ изъ учителей школы К. Мая—Уртель—былъ приглашенъ впослѣдствіи директоромъ Страсбургской гимназіи, куда обыкновенно назначали лучшихъ педагоговъ.

Въ 1890 году К. И. принялъ самое тяжелое рѣшеніе во всей своей жизни—вышелъ въ отставку.

Это рѣшеніе было принято послѣ долгой борьбы: „я долго откладывалъ его—говорить К. И.—несмотря на болѣзненное состояніе, которое прекращало мою дѣятельность или значительно ее сокращало, Я припомню здѣсь изреченіе Арнольда Томаса, ректора Регби: „если я не буду въ состояніи взбѣжать по лѣстницѣ къ моимъ классамъ, я буду думать, что настала пора прекратить мою дѣятельность“. Для меня также наступила пора выйти въ отставку“.

Въ своей прощальной рѣчи, исполненной необыкновенной простоты и задушевности, К. И. даетъ какъ бы духовный завѣтъ своей школѣ. Онъ поздравляетъ окончившихъ учениковъ съ успѣшно выдержаннымъ экзаменомъ: „Ваша удача—лучшая награда намъ, вашимъ учителямъ, за труды и заботы“. Остающимся въ школѣ ученикамъ онъ напоминаетъ, что „онъ неотступно искалъ и находилъ величайшее удовлетвореніе своей дѣятельности въ развитіи идеальныхъ стремленій въ ученикахъ“. „Въ арсеналѣ учебнаго заведенія есть орудія для достиженія прилежанія, повиновенія и любви къ порядку; такими орудіями являются: строгость, твердость и взыскательность, но въ груди человѣка существуетъ еще глубоко скрытая струна, которая отзывается только при нѣжномъ соприкосновеніи—это стремленіе ко всему честному, доброму, истинному и прекрасному. Пробудить и поддержать это стремленіе и составляло задачу учебнаго заведенія“. „Все ваше прилежаніе, всѣ знанія мало помогутъ, если ваше сердце—говорилъ К. И. ученикамъ—недостаточно чисто, если духъ недостаточно покоренъ и кротокъ“. Далѣе К. И. благодаритъ сослуживцевъ за дружную поддержку: „Вы помогли возникнуть и удержаться хорошему направленію школы, такъ часто выставляемому родителями и бывшими учениками“. Благодаритъ К. И. и родителей за довѣріе и обращается къ нимъ съ всепокорнѣйшей просьбой: „Вліяніе школы на вашихъ дѣтей ограничено; много условій должно содѣйствовать, чтобы достичь намѣченной вами цѣли—

нравственного и умственного развитія дѣтей. Одно изъ главныхъ вліяній— семья: гдѣ она не помогаетъ, тамъ вся наша работа напрасно потраченный трудъ“. Наконецъ, сердечными напутствіями на дальнѣйшій жизненный путь провожалъ К. И. избраннаго имъ директора В. А. Кракау и просилъ учениковъ, товарищей и родителей помочь въ его нелегкой задачѣ. „Я достаточно узналъ—говорилъ онъ В. А.—Вашу склонность къ педагогическому призванію, Вашу способность къ неустанному труду, Вашу добросовѣстность и вѣрность въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. Отъ Васъ, В. А., я могу надѣяться и ожидать, что духъ школы останется неизмѣнно старымъ. Я могу поэтому спокойно и съ чистой совѣстью довѣрить Вамъ дорогое мнѣ дѣло“.

Всѣмъ извѣстно, какъ свято выполнилъ В. А. К. завѣтъ К. И., но я не могу здѣсь говорить о В. А. Кракау. „По дѣламъ ихъ узнаете ихъ“. Онъ слишкомъ еще близокъ намъ. Не хочется даже вѣрить, что вмѣсто самого В. А. мы видимъ сейчасъ лишь его портретъ, какъ *бывшаго* директора этой школы.

16 лѣтъ я вмѣстѣ съ В. А. проработалъ въ этихъ стѣнахъ, но онъ раньше меня вышелъ на работу, усталъ и ушелъ, но ушелъ не безъ завѣтовъ, которые бы поддерживали насъ, его сотрудниковъ и его учениковъ, до момента, когда полная потеря силъ заставитъ и насъ смѣниться другими дѣятелями.

Эти завѣты: во 1-хъ, трудъ, честный, благородный, во имя нравственного долга и общественнаго блага; во 2-хъ, непреклонная вѣрность идеальнымъ началамъ жизни, стремленіе ко всему доброму и прекрасному.

Свѣтите же намъ—основатель и руководители этой школы до насъ—какъ путеводная, вдохновляющая звѣзда, на нашемъ дальнѣйшемъ пути!

Я же съ своей стороны—въ этотъ торжественный день—даю слово вѣрно хранить девизъ школы, начертанный К. И. Маемо: „сперва ато (люблю), потомъ досео (учу)“.

А. Липовскій.

Краткій очеркъ развитія учебнаго заведенія имени К. И. Мая.

Открытіе учебнаго заведенія имени К. И. Мая относится ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда вопросы образованія и воспитанія сдѣлались одними изъ самыхъ животрепещущихъ среди оживившагося общества; интересъ къ школьному дѣлу и воспитанію охватилъ и перво-степенныхъ ученыхъ и совсѣмъ юную молодежь;—охватилъ все общество. Возникають самостоятельныя педагогическіе журналы; открывается педагогическое собраніе. Периодическія изданія, повидимому, совершенно чуждыя педагогикѣ, обсуждаютъ вопросы о воспитаніи человека. Въ ту именно эпоху нѣкоторые нѣмецкія семейства, принадлежащія къ биржевому купечеству, предложили К. И. Маю открыть школу, предложили также и матеріальныя средства, если это будетъ нужно. Чувствуя потребность примѣнить теоретическія положенія педагогики къ дѣлу, нѣкоторые опыты, произведенные ранѣе при одиночномъ обученіи, произвести въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Карлъ Ивановичъ съ большою готовностью и съ большимъ жаромъ принялъ предложеніе родителей воспитывать ихъ дѣтей въ школѣ, отказавшись отъ пособія на ея устройство.

Вызванное довѣріемъ родителей къ воспитателямъ училище было открыто 10-го сентября 1856 года съ 10 учениками, при ближайшемъ сотрудничествѣ друзей Карла Ивановича. Въ теченіе перваго года число учениковъ возросло до 31; они были раздѣлены на два класса по возрасту и познаніямъ.

Открывая свою школу, Карлъ Ивановичъ поставилъ себѣ цѣлью образовать школьный міръ съ такими воззрѣніями, складомъ жизни, порядковъ, различныхъ отношеній, которые были ему желательны; рѣшилъ вести своихъ питомцевъ такъ, чтобы въ школѣ сложилась собственная традиція. Съ этой цѣлью Карлъ Ивановичъ въ теченіе перваго года не принималъ учениковъ, которые потребовали бы устройства 3-го класса, и предоставилъ развитіе школы ея естественному ходу.

При образованіи высшихъ классовъ, Карлъ Ивановичъ руководился планомъ, составленнымъ и осуществленнымъ Магеромъ въ Эйзе-

нахской реальной гимназіи. Русская гимназія, исключавшая реальные предметы, и реальное училище, преслѣдовавшее исключительно утилитарныя цѣли, Карла Ивановича не удовлетворяли. Онъ вполне раздѣлялъ взглядъ Магера на школу, въ которой должны были найти мѣсто и реальные науки и древніе языки.

Въ учебномъ планѣ гимназіи К. И. Мая рядомъ съ математикой было отведено значительное мѣсто и естественнымъ наукамъ; рядомъ съ новыми языками былъ введенъ латинскій, а вскорѣ затѣмъ и греческій языкъ. Отступленіе отъ реальной гимназіи Магера было сдѣлано только относительно древнихъ языковъ, которые, по тогдашнему строю и составу училища, не могли сдѣлаться обязательными. Карлу Ивановичу пришлось уступить требованіямъ времени и жизни и ограничить занятія по древнимъ языкамъ только тѣми учениками, которые сами имѣли къ нимъ охоту, или родители которыхъ того пожелали.

Образовалось двѣ категоріи учениковъ: латинисты и нелатинисты или, какъ теперь выражаемся, реалисты и гимназисты. Преподаваніе для тѣхъ и другихъ было общимъ, за исключеніемъ древнихъ языковъ, вмѣсто которыхъ реалистамъ преподавались естественная исторія, химія, рисованіе и въ большемъ размѣрѣ новѣйшіе языки. Отъ совмѣстнаго обученія почти по всѣмъ предметамъ и гимназисты и реалисты, по наблюденіямъ Карла Ивановича, только выигрывали.

Представивъ Господину Попечителю Округа учебный планъ, Карлъ Ивановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его о дозволеніи допустить два языка преподаванія — русскій и нѣмецкій; первый — для преподаванія отечественнаго языка, литературы, исторіи и реальныхъ предметовъ, а нѣмецкій — при обученіи остальнымъ предметамъ. Планъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія съ классическимъ и реальнымъ отдѣленіями былъ утвержденъ Господиномъ Попечителемъ Округа 15 ноября 1860 года, и училище получило официальное названіе: „Реальное училище на степени гимназіи“.

Въ 1863 году три ученика окончили шесть классовъ училища; всѣ они поступили въ политехническое училище въ Карлсруэ.

До 1875 года ученикамъ реального отдѣленія не было разрѣшено держать выпускныхъ экзаменовъ. Чтобы пріобрѣсти это право, Карлъ Ивановичъ, съ дозволенія Господина Попечителя Округа, открылъ дополнительный классъ; но на первыхъ порахъ ходатайство Карла Ивановича относительно правъ не было уважено.

Въ 1882 году Господинъ Попечитель Округа князь Волконскій предоставилъ учебному заведенію право на выдачу окончившимъ реальное отдѣленіе ученикамъ свидѣтельствъ, доставляющихъ льготу по отправленію воинской повинности.

До 1891 года реальное отдѣленіе, соотвѣтствуя по курсу и правамъ коммерческому отдѣленію при правительственныхъ реальныхъ

училищахъ, играло лишь второстепенную роль, наполняясь главнымъ образомъ учениками слабыми, которымъ трудно было слѣдить за курсомъ гимназіи. Курсъ былъ общимъ съ курсомъ гимназіи по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ древнихъ языковъ и математики съ V-го класса. Уроки по этимъ предметамъ замѣнялись уроками по естественной исторіи, коммерческимъ наукамъ, а также добавочными уроками по чистописанію, новымъ языкамъ и рисованію. При этомъ добавочные уроки распредѣлялись большею частью по соображеніямъ удобства, а не по требованіямъ программы (ученики направлялись въ младшій классъ на тотъ урокъ, который тамъ давался).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія развитія реального отдѣленія до 1891 года, т. е. до преобразования его, при В. А. Кракау, въ равноправное гимназіи реальное училище.

Что касается классическаго отдѣленія, то оно свою полную организацію получило въ 1865 году.

Въ первые четыре года окончившіе курсъ гимназіи, желавшіе поступать въ университетъ, должны были держать испытаніе въ казенныхъ гимназіяхъ. Прежде офиціального экзамена они подвергались предварительно тщательному испытанію по всѣмъ гимназическимъ предметамъ въ своей школѣ. На эти испытанія приглашались, кромѣ начальства, родители учениковъ и друзья училища.

Въ 1868 году воспитанники частныхъ гимназій получили право на поступленіе въ университетъ, по выдержаніи испытанія, производимаго преподавателями этихъ гимназій, при участіи и подъ надзоромъ учебнаго вѣдомства.

Въ 1869—1872 годахъ испытанія для воспитанниковъ частныхъ гимназій происходили въ помѣщеніи учебнаго заведенія К. И. Мая.

Въ 1873 году въ виду того, что число частныхъ гимназій возросло до шести, было признано болѣе удобнымъ собирать всѣхъ учениковъ частныхъ гимназій въ помѣщеніи одной изъ правительственныхъ гимназій.

Въ 1878 году учебному заведенію К. И. Мая было снова дозволено для экзаменовъ своихъ абитуриентовъ пользоваться собственнымъ помѣщеніемъ.

Дарованныя частнымъ гимназіямъ въ 1868 году права не возлагали на нихъ новыхъ обязательствъ. Распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ попрежнему было предоставлено самимъ учебнымъ заведеніямъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, курсъ гимназіи К. И. Мая былъ продолженъ на годъ.

7 марта 1882 года гимназіи К. Мая были присвоены права, предоставленныя гимназіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на основаніи § 8-го Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства сего министерства. При чемъ Госу-

даръ Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія въ 8-й день іюля 1882 года Всемилоствѣйше соизволилъ на допущеніе въ гимназіи К. И. преподаванія древнихъ языковъ, всеобщей исторіи и географіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1890 году учебное заведеніе было передано К. И. Маему его ближайшему помощнику и сотруднику В. А. Кракау, подъ руководствомъ котораго гимназія и реальное училище К. И. Мая находились до самаго послѣдняго времени. К. И. Май считался почетнымъ попечителемъ и принималъ до 1895 года, т. е. года его смерти, дѣятельное участіе въ судьбѣ основаннаго имъ учебнаго заведенія.

Согласно изданнымъ въ 1890 году, Высочайше одобреннымъ, учебнымъ планамъ и программамъ гимназій, по требованію начальства учебнаго округа, были введены нѣкоторыя измѣненія и въ учебную программу гимназіи К. Мая. Отступленіе отъ программъ казенныхъ гимназій было допущено только относительно новыхъ языковъ; именно, по ходатайству В. А. Кракау, Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ удержать прежнее число уроковъ по новымъ языкамъ и начинать преподаваніе этихъ языковъ попрежнему съ 1-го и приготовительнаго класса.

Въ 1891—1892 году, идя навстрѣчу требованіямъ общества, Василій Александровичъ началъ развивать добавочное при гимназіи реальное отдѣленіе въ равноправное реальное училище.

Въ названномъ году усилено было преподаваніе математики и рисованія въ трехъ младшихъ классахъ, и добавочные уроки распределены согласно требованію программы правительственныхъ реальныхъ училищъ.

Въ 1892—1893 учебномъ году преобразованъ былъ IV-й классъ: заведены уроки черченія, а математика, рисованіе и физика поставлены самостоятельно. Въ V классѣ выдѣлена исторія, но въ общемъ V-й и VI-й классы оставались въ этомъ году на прежнемъ положеніи.

Въ 1893—1894 уч. году открытъ былъ V классъ, въ 1894—1895 уч. году—VI классъ основного отдѣленія, а въ слѣдующемъ 1895—1896 г.—дополнительный VII классъ. При V и VI классахъ для учениковъ, желающихъ обучаться коммерческимъ наукамъ, сохранялось коммерческое отдѣленіе. Основному отдѣленію реального училища въ 1895 году были присвоены всѣ права правительственныхъ реальныхъ училищъ.

Открытіе основного отдѣленія въ нравственномъ отношеніи подняло духъ учениковъ реального училища, такъ какъ на нихъ товарищи перестали смотрѣть какъ на слабыхъ и неспособныхъ; оно послужило также на пользу и коммерческому отдѣленію, которое, имѣя курсъ по большинству предметовъ общій съ основнымъ отдѣленіемъ,

было поставлено болѣе рационально, и курсъ его сталъ проходиться безъ всякихъ отступленій отъ программы.

Итакъ, въ 1895—1896 году учебное заведеніе К. И. Мая получило свою полную организацію. Съ этого времени и до нынѣшняго года оно состояло изъ гимназіи, реального училища и коммерческаго отдѣленія при V и VI классахъ реального училища. Въ 1905—1906 учебномъ году, въ виду незначительнаго числа учениковъ, пожелавшихъ обучаться въ коммерческомъ отдѣленіи, коммерческое отдѣленіе при V классѣ было закрыто, въ 1906—1907 уч. году закрыто коммерческое отдѣленіе и при VI классѣ. Реальное училище, такимъ образомъ, имѣетъ нынѣ одно основное отдѣленіе.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія гимназіи и реального училища К. Мая.

Развитіе учебнаго заведенія въ педагогическомъ отношеніи.

Основатель учебнаго заведенія К. И. Май заложилъ въ свое дѣтище тѣ начала, слѣдовать и развивать которыя считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ и преемникъ Карла Ивановича В. А. Кракау.

Предметомъ особой заботливости Карла Ивановича былъ методъ преподаванія.

Признавая себя послѣдователемъ Песталоцци, Дистервега и Фребеля, Карлъ Ивановичъ въ своей дѣятельности, въ своихъ отношеніяхъ къ преподавателямъ и ученикамъ руководился слѣдующими принципами: пусть пути будутъ различны, смотря по индивидуальности учителя, но образованіе и воспитаніе ученика во всякомъ случаѣ должно оставаться конечной цѣлью всякаго преподаванія; не объективное отношеніе къ воспитанію и преподаванію самое высшее, а субъективное; никому не слѣдуетъ говорить „досео“, если онъ въ то же время съ полнымъ правомъ не можетъ сказать „ато“. Сперва ато, а потомъ уже досео. Примѣръ преподавателя — самое дѣйствительное воспитательное средство. Несравненно большаго успѣха мы можемъ ожидать отъ примѣра, поданнаго дѣтямъ въ школѣ, чѣмъ отъ увѣщаній и наказаній. Работая неусыпно, мы тѣмъ самымъ исполняемъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ школы:—мы пріучаемъ воспитанниковъ къ труду.

Вотъ принципы Карла Ивановича.

Карлъ Ивановичъ стремился воспитать въ своемъ ученикѣ все-сторонне развитого человѣка. Умъ, нравственныя качества, эстетическое чувство, воля и здоровье питомцевъ вызывали одинаковыя заботы со стороны Карла Ивановича.

Карлъ Ивановичъ внимательно слѣдилъ за успѣхами каждаго ученика; переводные экзамены изъ класса въ классъ производились подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, обыкновенно во время уроковъ,

причемъ преподаваніе не прерывалось. Что касается выпускныхъ испытаній, то они носили офіціальный характеръ, такъ какъ приходилось подчиняться даннымъ инструкціямъ.

Своихъ питомцевъ Карлъ Ивановичъ стремился исподволь приучать къ самостоятельной работѣ. Проявленіе добрыхъ чувствъ со стороны учениковъ встрѣчало всегда теплое сочувствіе Карла Ивановича.

Въ цѣляхъ развитія эстетическаго чувства были введены въ программу рисованіе и пѣніе; поощрялось также исполненіе учениками музыкальных и драматическихъ произведеній.

Въ основѣ школьной жизни лежалъ строго опредѣленный характеръ. Слѣдить за исполненіемъ школьныхъ требованій, предупреждать такія дѣйствія, которыя нежелательны въ школѣ, иногда увѣщевать, иногда пригрозить, а въ крайнемъ случаѣ и наказать:—вотъ орудія, которыя употреблялись. При этомъ всегда принималось во вниманіе, что соблюденіе порядка еще не нравственность, а дисциплина еще не воспитаніе. Послѣднее имѣетъ цѣлью не сломить волю ребенка, а образовать ее. Нужно воспитывать такъ, чтобы молодой человѣкъ, покидая училище, слова „ты долженъ“ замѣнилъ словами „я хочу“.

На гимнастику, какъ важнѣйшій родъ тѣлесныхъ упражненій, обращалось особенное вниманіе. Она была введена въ учебный планъ въ первый же годъ открытія учебнаго заведенія, когда еще въ очень немногихъ здѣшнихъ школахъ обучали гимнастикѣ. Гимнастикой занимались въ такъ называемую большую перемену почти каждый день (5 разъ въ недѣлю). Кромѣ того, для поддержанія бодрости учениковъ, неизбѣжно утомляющихся во время долгаго сидѣнія на школьной скамьѣ, допускались бѣганье, возня, лазанье на гимнастическихъ приборахъ и въ короткія перемены.

Принявъ на себя завѣдываніе гимназіей К. Мая, В. А. Кракау поставилъ себѣ цѣлью неуклонно слѣдовать примѣру основателя этого учебнаго заведенія и стремиться къ совершенствованію какъ учебной, такъ и воспитательской части въ училищѣ.

Для поднятія успѣховъ учащихся, Василій Александровичъ прежде всего сократилъ, насколько можно было, число сводныхъ уроковъ для учениковъ разныхъ классовъ. Сводные уроки, будучи вызываемы малочисленностью учениковъ въ классѣ, мѣшали правильному и цѣлесообразному преподаванію учебнаго курса въ классѣ, мало способствовали и улучшенію успѣховъ учениковъ. Въ первый годъ завѣдыванія Василя Александровича гимназіей было еще оставлено нѣсколько общихъ уроковъ по древнимъ языкамъ и русскому яз., но съ 1892—1893 учебнаго года существуютъ сводные уроки лишь по новымъ языкамъ въ VII и VIII классахъ и отчасти по Закону Божію. Съ теченіемъ времени были уничтожены сводные уроки и по этимъ предметамъ, оставлены лишь общіе уроки по Закону Божію для VIII кл. гимназіи и VII класса реаль-

наго училища. Открывая въ 1891—1892 учебномъ году реальное училище, Василій Александровичъ оставилъ общіе уроки для гимназистовъ и реалистовъ одного и того же класса: во II классѣ по нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, чистописанію и рисованію; въ III классѣ по русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и исторіи; въ IV и V классахъ уроки по Закону Божію, исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ; въ VI-ыхъ классахъ — нѣсколько уроковъ нѣмецкаго языка.

Но уже со второго года открытія реального училища Василій Александровичъ сталъ стремиться отдѣлить гимназистовъ отъ реалистовъ сначала по нѣкоторымъ предметамъ, а затѣмъ и по остальнымъ, съ цѣлью улучшить преподаваніе, уменьшивъ численность учениковъ въ классѣ, хотя таковое дѣленіе и не требовалось различіемъ въ программахъ. Въ 1896 году раздѣленіе учениковъ гимназіи отъ учениковъ реального училища было окончено; общіе уроки оставлены были лишь въ I и II классахъ по русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, рисованію и чистописанію, гдѣ тождественность проходимаго курса не мѣшала правильности занятій, а общее преподаваніе было отчасти даже выгодно, такъ какъ давало возможность родителямъ отсрочить окончательный выборъ заведенія—гимназіи или реального училища—до III класса безъ особенно большихъ затрудненій. Въ настоящее время общіе уроки остаются почти для всѣхъ классовъ гимназіи и реального училища только по Закону Божію и новымъ языкамъ; причемъ на урокахъ Закона Божія ученики дѣлятся на православныхъ и лютеранъ; а по новымъ языкамъ—на слабое и сильное отдѣленія.

Методъ преподаванія, выработкѣ котораго удѣлялъ такъ много вниманія Карлъ Ивановичъ, сдѣлался предметомъ особой заботливости и со стороны Василія Александровича.

Методъ преподаванія, принятый въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, грѣшитъ большою отвлеченностью и недостаткомъ наглядности; ученики учатся исключительно по книжкамъ и почти не наблюдаютъ сами. Съ другой стороны, удѣляется много времени на предметы, служащіе исключительно средствами для развитія умственныхъ способностей и соотвѣтственно мало для сообщенія свѣдѣній, нужныхъ въ жизни всякому образованному человѣку. Эти послѣднія предоставляется каждому пріобрѣтать частнымъ путемъ, внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, а между тѣмъ часто у лучшихъ именно учениковъ и не остается времени на это. Часто, кромѣ того, наблюдается нынѣ явленіе пониженія интереса къ ученію въ среднихъ классахъ и полного почти исчезновенія въ старшихъ; въ связи съ этимъ замѣчается вообще уменьшеніе успѣховъ, меньшее развитіе оканчивающихъ учениковъ и вообще пониженіе общаго образованія.

Въ виду вышеизложеннаго становится желательнымъ измѣненіе метода преподаванія, оживленіе его посредствомъ введенія болѣе нагляднаго обученія. По трудности и новизнѣ дѣла нельзя было его начать во всемъ учебномъ заведеніи: оно требовало большой работы со стороны преподавателей и могло быть примѣняемо только въ нѣкоторыхъ классахъ, гдѣ самый курсъ это допускаетъ. Въ 1894—1895 учебномъ году для опыта были выбраны VII классъ гимназіи и V и VI классы реального училища, какъ самые подходящіе по курсу.

Предметами были выбраны физика, химія и естественная исторія.

По физикѣ предположено было, съ согласія Господина Попечителя Округа, выраженнаго устно, предложить ученикамъ VII класса гимназіи и VI класса реального училища особый курсъ самостоятельныхъ упражненій. На занятія опытами былъ отдѣленъ одинъ изъ трехъ уроковъ физики. Ученики дѣлились на группы—по два въ каждой группѣ. При занятіяхъ велся журналъ наблюденій, который вела каждая группа независимо отъ другихъ. Опыты касались всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики, кромѣ отдѣла о звукѣ, и большей частью рисовали предметы не только съ качественной, но и съ количественной стороны: опыты съ блоками различныхъ системъ, опыты съ наклонной плоскостью, съ машиной Атвуда, опредѣленіе относительнаго вѣса съ пикнометромъ, относительный вѣсъ по высотамъ жидкостей въ сообщающихся сосудахъ, опредѣленіе относительнаго вѣса по закону Архимеда, опыты съ воздушнымъ насосомъ, очищеніе ртути, законъ Бойль-Мариотта для упругостей большей или меньшей атмосферы, теплоемкость мѣди и свинца, скрытая теплота плавленія, скрытая теплота испаренія, опредѣленіе преломляющаго угла призмы, опредѣленіе главнаго фокуса стекла, опредѣленіе главнаго фокуса зеркала, спектральный анализъ, увеличеніе микроскопа. Продѣлывая эти опыты, ученики съ одной стороны пріучались къ рѣшенію задачъ, съ другой, достигая согласнаго съ теоріей числа, незамѣтно для себя и съ живѣйшей любознательностью усваивали основные законы, знакомились съ методами изслѣдованія и наглядно убѣждались въ томъ, что написанное въ книжкѣ не мертвая буква, а живое и глубоко интересное дѣло.

Въ V классѣ реального училища введены были практическія занятія по химіи: именно, была сдѣлана попытка ввести, если не въ полномъ объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлы аналитической химіи. Занятія, въ смыслѣ пріобрѣтенія познаній и развитія учащихся, дали удовлетворительные результаты.

По естественной исторіи въ IV и V классахъ одинъ урокъ былъ назначенъ послѣднимъ и притомъ съ 12 час. до 1 час. съ той, именно, цѣлью, чтобы время послѣ 1 час. употребить на демонстраціи, на посѣщеніе музеевъ и на экскурсіи. Экскурсіи совершались на Лахту, на Удѣльную, въ подвижной музей учебныхъ пособій при Постоянной

Комиссіи Русскаго Императорскаго Техническаго Общества, въ музей С.-Петербургской Біологической Лабораторіи и музей Императорскаго Горнаго Института. На микроскопическихъ препаратахъ ученики знакомились съ клѣточкой, группировкой клѣточекъ въ ткани и распределеніемъ послѣднихъ въ стеблѣ и другихъ частяхъ растений.

Въ 1895 — 1896 уч. году попытки измѣненія метода съ цѣлью ослабить догматическій характеръ преподаванія, увеличить самостоятельность ученика, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширить ихъ кругозоръ, продолжались. Въ этомъ году практическія занятія дали болѣе осязательные результаты, при чемъ выяснился вполне фактъ, что тотъ родъ практическихъ занятій дѣйствительно плодотворенъ, гдѣ требуется отъ учениковъ самостоятельность, а самыя занятія приурочены къ ихъ силамъ. Занятія эти были: въ IV классѣ реального училища (ботаника) въ V классѣ реального училища (ботаника и химія), въ VI кл. реального училища (физика), въ VII кл. гимназіи (физика).

Кромѣ того ученики, первыхъ классовъ гимназіи на урокахъ отсутствующихъ по той или другой причинѣ преподавателей ознакомились нагляднымъ образомъ, а также при помощи бесѣдъ, съ курсомъ естественной исторіи.

Практическія занятія по физикѣ, химіи и ботаникѣ съ небольшимъ измѣненіемъ въ общемъ носили тотъ же характеръ, какъ и въ предшествовавшемъ 1894 — 1895 уч. году. Вступая во второй годъ своего существованія, эти занятія оказались вполне пригодными для тѣхъ цѣлей, съ какими устраивались: ученики здѣсь дѣйствительно получали большее развитіе и пріучались критически относиться къ окружающему ихъ міру явленій. Обнаружилось это прежде всего на успѣшности занятій; внѣшнимъ образомъ это выразилось въ осмысленности даваемыхъ учениками отвѣтовъ, какъ въ теченіе года, такъ и на экзаменахъ. По ботаникѣ нѣкоторые ученики до того заинтересовались занятіями, что пріобрѣли собственные опредѣлители. Означенные ученики достигли того, что иногда давали опредѣленіе семейства, рода и вида растений до конца вполне самостоятельно. Другіе, если и не пріобрѣтали такого навыка, то по крайней мѣрѣ овладѣли методомъ опредѣленія по дихотомическимъ таблицамъ, примѣняемымъ и во всѣхъ другихъ естественно-научныхъ опредѣленіяхъ.

Намѣченныя и введенныя въ предшествоующіе два года практическія занятія по физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ, въ виду хорошихъ результатовъ, которые они дали, продолжались и въ слѣдующіе годы вплоть до настоящаго времени, преслѣдуя цѣль, главнымъ образомъ, пріучить учениковъ къ самостоятельности и наблюдательности.

По физикѣ практическія занятія съ небольшими измѣненіями носятъ въ общемъ тотъ же характеръ, что и въ первые годы опыта.

Занятія по естественной исторіи расширены и состоятъ въ слѣдующемъ: въ 3 классѣ по ботаникѣ—разборъ сухого матеріала по морфологіи и систематикѣ сѣменныхъ растений; по зоологіи—вскрытіе мыши, лягушки, рыбы и набивка чучелъ; въ 4 классѣ по ботаникѣ—а) разборъ сухого матеріала по споровымъ растеніямъ, б) демонстрація микроскопическихъ препаратовъ по споровымъ растеніямъ; по зоологіи—а) вскрытіе брюхоногого (аріона) и пластинчатожаберного (беззубки), моллюсковъ, таракана и рака; б) демонстрація микроскопическихъ препаратовъ по зоологіи беспозвоночныхъ животныхъ; в) опредѣленіе насѣкомыхъ; въ 5 классѣ по анатоміи растений—демонстрація микроскопическихъ препаратовъ; кромѣ того въ Дополнительномъ классѣ рядъ опытовъ по физиологіи растений и животныхъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ развитія наблюдательности учениковъ довольно широко, насколько позволяли средства и родъ занятій, были поставлены экскурсіи учениковъ. Экскурсіи совершались съ отдѣльными классами, подъ руководствомъ преподавателей специалистовъ: въ Левашево, Парголово, Шувалово, Озерки, на рѣку Поповку, въ Удѣльный и Лѣсной парки, Зоологическій музей Академіи Наукъ, въ Пулковое для осмотра обсерваторіи, въ Физическій Институтъ при СПб. Университетѣ, Этнографическій музей Академіи Наукъ, музей Императора Александра III, Императорскій Эрмитажъ; въ 1902—1903 уч. году ученики посѣтили Уральскую выставку и Международную выставку костюмовъ; 1904 — 1905 уч. году — выставку историческихъ портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ и т. д.

Въ связи съ измѣненіемъ метода преподаванія Василій Александровичъ въ 1900 году предложилъ на обсужденіе Педагогическаго Совѣта свой докладъ о самомъ преподаваніи, который, въ виду его особаго интереса, приводимъ почти буквально.

„Въ настоящее время, говорилъ въ докладѣ Василій Александровичъ, выполнѣ своевременно поднять вопросъ о преподаваніи, когда въ обществѣ и министерствѣ обсуждаются вопросы о подготовленіи учителей, о переутомленіи дѣтей, объ одичаніи юношества, о потерѣ серьезныхъ интересовъ...

Всѣ эти вопросы очень серьезны и, если мы интересуемся самымъ дѣломъ преподаванія и воспитанія, то обратитъ вниманіе на самихъ себя, проверитъ то, какъ мы преподаемъ, является дѣломъ необходимымъ.—Только строгая самокритика двигаетъ насъ впередъ.

Разбирая недостатки современнаго преподаванія, я не желаю и не могу никого обвинять въ недобросовѣстномъ отношеніи, въ небрежности къ обязанностямъ, но считаю своимъ долгомъ указать на погрѣшности.

Въ настоящее время несомнѣнно, что элементъ учениковъ въ общемъ хуже, чѣмъ онъ былъ нѣсколько времени тому назадъ; въ

столицѣ онѣ хуже, чѣмъ въ провинціи,—а у насъ отчасти хуже, чѣмъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Дѣти малокровны, худосочны или еще чаще нервны, иногда прямо аномальны.

Наши ученики болѣе интеллигентны по наслѣдственности, но они, благодаря своей слабой организаціи, весьма легко подвергаются усталости, переходящей затѣмъ въ переутомленіе (были въ старшихъ классахъ положительно случаи переутомленія. Теперь даже въ младшихъ классахъ приходится наблюдать головныя боли и мигрени). — Между тѣмъ самаго необходимаго для противодѣйствія усталости и вялости—воздуха и солнца—у насъ въ домахъ и городахъ не хватаетъ. Физическое движеніе, какъ противодѣйствіе сидѣнію, тоже доступно не для всѣхъ: самыя прилежныя дѣти не любятъ бѣгать и возиться, а гимнастика, какъ она у насъ поставлена, не ободряетъ умственно усталыхъ дѣтей, но еще болѣе утомляетъ.

Между тѣмъ требованія отъ учениковъ очень высоки:

1) Требуется, чтобы ученикъ усвоилъ положительныя свѣдѣнія программного курса;

2) развилъ при этомъ свои мыслительныя способности: память, логическое разсужденіе, способность владѣть даннымъ матеріаломъ, переработать его;

3) получилъ умственные интересы къ вопросамъ жизни, науки, литературы, сознательно и живо относился къ экономической и соціальной жизни;

4) расширилъ бы затѣмъ дома свой кругозоръ и свои познанія внѣкласснымъ чтеніемъ книгъ по предметамъ, которые не преподаются въ гимназіи, или по такимъ, на которые не хватаетъ времени въ классѣ (по естествознанію, сочиненія иностранныхъ и новыхъ русскихъ авторовъ);

5) занимался бы музыкой и другими искусствами, ручнымъ трудомъ, ремеслами;

6) выработалъ способность къ труду и

7) выработалъ свой характеръ.

Для успѣшности выполненія этихъ требованій, надо прежде всего, чтобы мальчики имѣли свѣжую голову и были поставлены въ возможность располагать достаточно свободнымъ временемъ. Данныя же для достиженія этихъ требованій въ самихъ ученикахъ первоначально имѣются. Всѣ преподающіе въ младшихъ и старшихъ классахъ подтверждаютъ, что интересъ къ ученію въ младшихъ классахъ живой, но слабѣетъ вообще съ классами, что воспріимчивость (усвояемость) къ преподаванію въ классѣ тоже слабѣетъ въ среднихъ и теряется въ старшихъ (въ младшихъ ученики легче запоминаютъ дополненія къ учебнику, въ старшихъ это для нихъ громадный трудъ). Въ

младшихъ охотно читають не одного Густава Эмара или Ксавье де Монтепена или разныхъ „современныхъ героевъ нашего времени“; въ старшихъ же у лучшихъ учениковъ интересъ исчезаетъ, а, если остается, то развѣ у лѣнтяевъ, получающихъ колы.

Лучше въ старшихъ классахъ занимаются тѣ, которые не отличались особымъ прилежаніемъ въ среднихъ.

Чѣмъ же объяснить такое явленіе, такое пониженіе воспріимчивости? Разсмотримъ, какъ идетъ обученіе. Мальчики 5 часовъ учатся въ школѣ—меньше считать нельзя, потому что многіе изъ нихъ въ малыхъ и большую перемѣну повторяють уроки; въ среднихъ и старшихъ классахъ это общее правило. Приходя домой, дѣти садятся за приготовленіе уроковъ и тратятъ на это весь вечеръ — данныя собраны мною въ IV классѣ... Лучшій ученикъ, головой стоящій выше класса, сидитъ вечеромъ за уроками 1½ часа обыкновенно; другой способный, быстро схватывающій—2 часа. Итакъ, даже у хорошаго ученика имѣется 7 часовъ умственной работы, не говоря о добавочныхъ занятіяхъ (музыка, языки), на которыя расходуется также умственная сила.—И это несмотря на то, что на одинъ урокъ ежедневно не задается вовсе.

Съ ученика, сидящаго 7—8 часовъ за уроками, нельзя требовать воспріимчивости, интереса къ умственнымъ занятіямъ, предприимчивости, живости. У него, естественно, является утомленіе и извѣстный *taedium* къ занятіямъ, и средній ученикъ, если только онъ не лѣнтяй, тупѣетъ и тупѣетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ строже у него родители и репетиторъ.

Приходится рѣшать вопросъ, производительно ли тратится время на этотъ громадный умственный трудъ?—Я убѣжденъ, что по крайней мѣрѣ 50% идетъ на бесполезную работу.

Часто, входя въ классъ, преподаватель не знаетъ точно, что задано; слѣдовательно, онъ не приготовился воспользоваться временемъ и ведетъ урокъ по вдохновенію. Преподаватель начинаетъ спрашивать урокъ несистематически, не расчленяя урока. Напримѣръ, я самъ потерялъ урокъ, употребивъ часть времени на спросъ данныхъ въ разбивку, чѣмъ спуталъ учениковъ. Надо было сначала спросить систематически, придерживаясь учебника. Свѣдѣнія благодаря этому не укрѣпились, а перепутались, и получилась провѣрка выученнаго, а не ученіе—укрѣпленіе въ памяти.

Спрашивая, преподаватель занимается съ однимъ ученикомъ, а не держитъ классъ въ напряженіи, заставляя перекрестными вопросами всѣхъ работать и внимательно слѣдить. Время для большинства теряется: они не принимаютъ непосредственнаго участія въ работѣ, остаются посторонними свидѣтелями затрудненій товарища и трепещутъ, ожидая очереди. Время и силы теряются непроизводительно. Препода-

ватель оканчиваетъ спросъ урока, начинается разъясненіе новаго. При этомъ или разъясняется заразъ весь урокъ, такъ что уловить и усвоить ученикамъ урокъ въ классѣ невозможно, и тѣмъ дѣло заканчивается, или вызываются для повторенія лучшіе ученики, а остальные слушаютъ и думаютъ, что поняли (вопросъ учителя: „поняли“? отвѣтъ всегда: „поняли“). Проверка усвоенія и разъясненіе отлагается на слѣдующій урокъ послѣ домашней работы, но тогда за отвѣты ставится уже отмѣтка.

Нерѣдко, когда преподавателемъ задается на домъ упражненіе, онъ въ классѣ только соображаетъ, что и сколько задать: какія слова, какія фразы и отдѣлы для перевода, какія задачи...

Такимъ образомъ, вся главная работа, а именно разучиваніе задаваемого наизусть (а въ младшихъ классахъ многіе учить не умѣютъ) отлагается на домашніе часы, а, какъ учить ученикамъ,—это дѣло родителей.—Урокъ въ классѣ разъясненъ, но углубиться въ разъясненіе, разработать (ибо въ классѣ средній ученикъ лишь думаетъ, что понялъ, а понять не понялъ) предоставляется домашней работѣ и опять урокъ разжевывается дома: репетиторъ становится необходимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящимъ учителемъ. И чѣмъ чаще и сильнѣе встрѣчаются недостатки такого веденія дѣла, тѣмъ домашняя работа становится серьезнѣе и продолжительнѣе.

При задаваніи учитель не взвѣшиваетъ цѣль задаванія, не знаетъ, сколько времени надо продѣлать урокъ, и не обращаетъ вниманія на другихъ преподавателей, которые тоже задаютъ.

На домашнія занятія преподаватель разсчитывать не долженъ.—Все дѣло должно вестись главнымъ образомъ въ классѣ и всякій потерянный (т. е. худо данный) урокъ является преступленіемъ со стороны преподавателя.

Преподаватель долженъ учить, для этого: 1) владѣть курсомъ: знать примѣрно, какой отдѣлъ курса къ какому времени пройти. Я смѣю думать, что многіе затруднятся опредѣлить мнѣ сейчасъ, что они пройдутъ къ Рождеству; 2) знать точно, что онъ хочетъ въ данный урокъ продѣлать въ классѣ, что проучить и выяснить; обдумавъ, что пройти, онъ рѣдко остановится на слишкомъ многомъ. Зная, что надо выучить въ мѣсяцъ столько-то словъ, онъ не станетъ задавать 25 на одинъ урокъ и затѣмъ, когда не выучатъ, задавать повторить и убѣждаться, что ученики опять ихъ плохо знаютъ. Повторить плохо выученное ученикамъ часто труднѣе, чѣмъ выучить вновь новое; 3) преподаватель долженъ разучивать урокъ—слова ли, стихи ли, переводъ ли—въ классѣ и задать лишь повторить разученное въ классѣ; ни одного слова не подученнаго нельзя задавать на домъ; 4) недостаточно объяснить урокъ (грамматическое правило, теорему) въ классѣ, надо разучить, разжевать его съ учениками и притомъ со средними учениками, а не лучшими, т. е.

та работа, которая дѣлается теперь послѣ домашней работы, должна дѣлаться до нея. Тогда только репетиторы станутъ излишними и сохранится самостоятельность ученика; 5) опросъ, какъ провѣрка выученнаго, есть ошибка: опросъ всегда долженъ быть укрѣпленіемъ разученнаго; поэтому въ вопросахъ должна быть строгая система; напр. при трудномъ мѣстѣ изъ грамматики слѣдуетъ сначала повторить съ учениками правило такъ, какъ разучено, съ тѣми же примѣрами, и затѣмъ лишь переходить къ вопросамъ въ иномъ порядкѣ и упражнять въ примѣненіи его къ новымъ примѣрамъ; 6) если (что впрочемъ допускаю лишь въ крайнемъ случаѣ) преподаватель задаетъ для упражненія напр. задачу, то долженъ продѣлать ее ранѣе самъ и задавать на домъ лишь такую, которая вполнѣ подходитъ къ разобраннымъ въ классѣ.

Разъясняя урокъ, преподаватель все время будетъ спрашивать всѣхъ учениковъ, сводя новое на извѣстное уже старое и по возможности заставляя ихъ самихъ додуматься до правила.—Спрашивая пройденное или разучивая, надо всегда вести дѣло со всѣмъ классомъ, убѣждаясь шагъ за шагомъ въ усвоеніи матерьяла всѣми, упражняя всѣхъ.

Такимъ образомъ будетъ сбережена масса времени, а головы учениковъ, занятые обязательной работой часовъ 5—6 въ день, останутся достаточно воспримчивыми и способными къ развитію.

Теперь останавлиюсь на двухъ возраженіяхъ. Скажутъ, если все учить въ классѣ, то нельзя исполнить программы.—Это невѣрно:—мы въ сущности „примѣрной“ программой уже вовсе не такъ стѣсняемся; стѣсняемся мы, можетъ быть, чаще учебникомъ; главная помѣха—это неясное представленіе, что именно, въ какой промежутокъ времени слѣдуетъ пройти; положивъ, напр., что надо въ годъ выучить, положимъ, 400 словъ, преподаватель, употребляя въ теченіе 25 недѣль 4 урока изъ 6 въ недѣлю на выучиваніе каждый разъ 4 словъ, разучить эти 400 безъ отягощенія. Тоже и относительно другихъ вопросовъ.

Серьезнѣе, быть можетъ, возраженіе, что домашняя работа приучаетъ къ труду. Но это возраженіе лишь кажущееся. Къ труду, т. е. вниманію, сосредоточенію и логическому размышленію, приучить и правильная классная работа; безсмысленное сидѣніе надъ книгой, спѣхъ и какъ попало исполняемая работа въ то время, когда ученикъ усталъ или стремится скорѣй освободиться, къ работѣ, къ труду приучаетъ плохо. Извѣстно, что письменныя домашнія работы зачастую списываются (что является уже безнравственнымъ), или даже дѣлаются другими (сестрами, репетиторами), а древніе авторы не разбираются, а переводятся по подстрочникамъ и т. п.

Въ идеальной новой школѣ ничего на домъ не задается.

Я никого не обвиняю, но опять повторяю, что дѣло обученія ведется безусловно неудовлетворительно. Понять, уяснить себѣ, выработать методы нелегко; вопросъ, какъ слѣдуетъ преподавать исторію, у меня сталъ выясняться, можетъ быть, черезъ 8—10 лѣтъ преподаванія, да и теперь я недоволенъ своими уроками, особенно въ VIII классѣ, хотя думаю, что многіе приемы у меня не худые...

Въ заключеніе, настаивая на томъ, что задаваніе на домъ должно свестись къ минимуму, я позволю себѣ указать на то, что:

1) обильное задаваніе на домъ никогда уровень знаній не поднимало, и что съ тѣхъ поръ, какъ положено въ младшихъ классахъ нѣсколькихъ уроковъ не задавать, успѣхи не понизились.

2) Обильное ученіе лишь вызываетъ крайнее утомленіе, порождаетъ стремленіе къ увеличенію праздничнаго времени.

3) Посторонніе интересы (театръ, концертъ) въ общемъ не ухудшали занятій, (конечно 2—3 раза не готовились уроки), а, по наблюденію нѣкоторыхъ педагоговъ, даже улучшали занятія.

4) При классныхъ занятіяхъ отмѣтки, какъ оцѣнка работы, должны потерять свою роль и преподаваніе можетъ вестись безъ отмѣтокъ. Преподаватель долженъ только время отъ времени указывать на слабыхъ учениковъ, затрудняющихся усваивать предметъ.

Свожу свои мнѣнія къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Необходимо тяжесть работы перенести на классное время, а не на домашнюю работу, которая можетъ служить лишь повтореніемъ и освѣженіемъ пройденнаго въ классѣ.

2) Необходимо задавать только то, что разобрано въ классѣ, разъяснено и выучено въ классѣ же.

3) Классная же работа должна захватывать весь классъ, а не отдѣльных учениковъ.

4) Классная работа должна вестись строго систематически и методически; система спросовъ должна быть не случайная, а строго обдуманная, а потому: а) учитель долженъ въ точности знать, на что онъ обратитъ вниманіе при спросѣ, б) что именно пройдетъ и задастъ и с) проходить новое понемногу, убѣждаясь, что пройденный кусокъ выученъ и усвоенъ.

5) Учитель долженъ сообразоваться съ уровнемъ класса, видоизмѣняя свои требованія сообразно классу, даже расширяя и сокращая программу, представляя болѣе или менѣе строгія требованія къ способностямъ учениковъ.

Въ текущемъ учебномъ году было бы желательно попытаться примѣнить на дѣлѣ эти указанія къ преподаванію въ младшихъ и среднихъ классахъ до 5-го включительно; въ старшихъ примѣненіе этой системы въ настоящее время пользы не принесетъ. Съ будущаго же

учебнаго года желательно бы было въ младшихъ классахъ отмѣнить всякое задаваніе на домъ“.

Предложенія Василя Александровича вызвали общее сочувствіе и живой обмѣнъ мнѣній. Педагогическимъ Совѣтомъ было постановлено: „принявъ къ свѣдѣнію всѣ т. н. методическія указанія доклада, сдѣлать опытъ въ 1900—1901 уч. году незадаванія на домъ уроковъ въ 3-хъ младшихъ классахъ“.

Какъ одно изъ послѣдствій предположеннаго исключительно класснаго обученія является отмѣна ежедневныхъ балловъ для тѣхъ же классовъ; Педагогическимъ Совѣтомъ было признано совершенно достаточнымъ указывать своевременно родителямъ лишь на учениковъ слабыхъ и затрудняющихъ общее прохожденіе курса въ классѣ. Четвертныя вѣдомости по нѣкоторымъ соображеніямъ признано необходимымъ оставить въ силѣ.

Результатами этихъ мѣръ Педагогическій Совѣтъ остался доволенъ. Въ томъ же духѣ высказалось и большинство родителей, когда они были опрошены.

Кромѣ измѣненія метода преподаванія, въ школѣ К. И. Мая много было положено труда на восполненіе официальныхъ программъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, съ ихъ формальнымъ характеромъ, формальнымъ развитіемъ.

Въ русской печати, общей и спеціально педагогической, и въ источникахъ официальныхъ неопровержимо установленъ былъ фактъ отсутствія общаго развитія у оканчивающихъ курсъ гимназій учениковъ. Сущность гуманитарнаго образованія — пробужденіе въ ученикахъ любви ко всему истинному, изящному, великому — едва ли достигалась. Постоянной въ циркулярахъ Попечителей Учебныхъ Округовъ являлась также жалоба на то, что ученики не умѣютъ излагать своихъ мыслей правильнымъ русскимъ языкомъ, въ надлежащей связи и послѣдовательности, что въ этихъ мысляхъ они обнаруживаютъ крайнюю умственную скудость, безотчетливость и легковѣсность. Отъ многихъ условій зависѣло такое печальное явленіе, и, конечно, не одна тутъ виновата школа, но школа все же была виновата въ томъ, что она не исчерпывала всѣхъ находившихся въ ея распоряженіи средствъ для подъема общаго развитія учениковъ, для поддержки въ нихъ идеальныхъ воззрѣній на жизнь.

Школа Мая старалась восполнить недочеты правительственныхъ программъ дополнительными занятіями по литературѣ, исторіи и исторіи искусствъ.

Важность преподаванія русской словесности въ гимназіяхъ была всѣми признана, но это преподаваніе имѣло въ виду, по смыслу утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебныхъ плановъ мужскихъ гимназій, научить правильно говорить и писать по-русски

о воспитаніи въ ученикахъ идеализма при посредствѣ матеріала, представляемаго лучшими образцами русской литературы, здѣсь не говорилось ничего; еще менѣе вниманія было обращено съ этой точки зрѣнія на литературу иностранную; лишь съ очень немногими образцами изъ этой литературы и то по находившимся въ хрестоматіи отрывкамъ знакомились ученики въ VIII классѣ при прохожденіи теоріи словесности.

Между тѣмъ, идейное содержаніе выдающихся произведеній русской и иностранной литературы, помимо разбора плана, грамматическихъ и лексическихъ выраженій, могло бы въ значительной мѣрѣ способствовать общему развитію учениковъ, и въ частности поднять ихъ успѣхъ въ русскомъ языкѣ. Одинъ формальный анализъ самаго геніальнаго произведенія мало чему научить; просвѣщаютъ и учатъ мысли генія, настроеніе его души. Знакомясь по литературнымъ произведеніямъ съ природой, взаимными отношеніями людей, развитіемъ въ человѣкѣ духовныхъ идеаловъ, сколько извлечетъ ученикъ живыхъ уроковъ, побуждающихъ къ полезной дѣятельности, честному образу мыслей! Въ дѣйствительности господствуютъ интересы практическіе; рѣдки и скрыты идеальные образы; тѣмъ болѣе обязана школа противодѣйствовать общественному равнодушію къ лучшему, что есть въ жизни,—ко всему доброму, разумному, прекрасному.

Въ разосланной СПб. учебнымъ округомъ „Объяснительной запискѣ къ программѣ русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности“ признавалось, что „чтеніе истинно-художественныхъ произведеній воспитаетъ литературный вкусъ учащихся, заложитъ прочныя основанія для ихъ эстетическаго развитія, будетъ содѣйствовать выработкѣ нравственныхъ идеаловъ и послужитъ главнымъ средствомъ для развитія устной и письменной рѣчи учениковъ“.

Къ сожалѣнію, ни въ этой запискѣ, ни въ практикѣ не было достаточныхъ указаній относительно осуществленія указанной задачи; приходилось, поэтому, не боясь неизбежныхъ ошибокъ, дѣлать первый шагъ.

Первымъ вопросомъ было,—что читать. Въ 1895—1896 г. подъ руководствомъ А. А. Липовскаго, были прочтены слѣдующія произведенія иностранной литературы:

Эсхиль.—Прикованный Прометей (переводъ Алексѣева).

Софокль.—Антигона (пер. Водовозова).

Еврипидъ.—Орестъ (пер. Чуйко).

Аристофанъ.—Облака (пер. Алексѣева).

Плавтъ.—Трехгрошевый день (пер. Эйгеса).

Ювеналь.—Нѣкоторыя сатиры въ пер. Фета.

Данте.—Адъ (пер. Петрова).

Шекспиръ.—1) Гамлетъ. 2) Король Лиръ. 3) Отелло.

Мольеръ.—1) Тартюфъ. 2) Скупой.

Мильтонъ.—1 п. изъ „Потеряннаго и возвращеннаго рая“.

Байронъ.—1) Чайльдъ Гарольдъ. 2) Манфредъ. 3) Мазепа.

Гете.—Фаустъ, ч. 1. (пер. Холодковского).

Преподаватель старался на этихъ бесѣдахъ углубить пониманіе произведенія учениками, ознакомить и сдѣлать доступной идеальную сторону произведенія,—развить эстетическое чутье. Занятія распадались на двѣ части: 1) Послѣ введенія, сдѣланнаго преподавателемъ, который сообщалъ ученикамъ біографію писателя, историческія условія, среди которыхъ жилъ писатель, значеніе даннаго литературнаго произведенія, произведеніе читалось, объяснялось, давались отвѣты на вопросы учениковъ; 2) затѣмъ представлялась работа ученика на предложенную преподавателемъ тему, читалась имъ и обсуждалась.

Въ 1896—1897 уч. году дополнительныя занятія сосредоточились исключительно на произведеніяхъ новѣйшей (послѣ Гоголя) литературы: Тургеневъ („Записки охотника“, „Дворянское гнѣздо“), Гончаровъ (Обломовъ), Достоевскій (Преступленіе и наказаніе), Островскій (Свои люди—сочтемся. Бѣдность не порокъ, Гроза), Л. Н. Толстой (Война и Миръ), лирика гр. А. Толстого, повѣсти Гаршина и др.

Занятія по иностранной и новѣйшей русской литературѣ продолжались и въ слѣдующихъ 1897—98—99 годахъ.

На дополнительныхъ занятіяхъ по исторіи въ 1895—1896 уч. году преподаватель знакомилъ учениковъ съ историческими источниками, по возможности, въ оригиналѣ и памятниками, характеризующими бытъ данной эпохи.

Нѣсколько бесѣдъ было посвящено ознакомленію съ древне-русскимъ искусствомъ, преимущественно архитектурой, какъ съ наиболѣе самостоятельно развившимся родомъ искусства у насъ на Руси.

Въ слѣдующіе годы дополнительныя занятія по исторіи велись только для учениковъ VIII класса, гдѣ была введена репетиціонная система по предметамъ, требующимъ по преимуществу запоминанія фактовъ въ ихъ постепенной послѣдовательности и связи, т. е. по исторіи, космографіи и Закону Божію. При такой системѣ преподаватели могли употреблять скудно отмѣренное на эти важные для общаго образованія предметы время для разъясненія многихъ интересныхъ и общественныхъ вопросовъ курса, откладывая проверку знаній учениковъ на извѣстные часы чрезъ извѣстные промежутки времени.

Дополнительныя занятія по исторіи искусствъ были введены въ 1894—1895 уч. году для учениковъ старшихъ классовъ и состояли въ чисто историческомъ обзорѣ развитія искусствъ. Курсъ доводился до XVII-го вѣка включительно, при чемъ для времени, начиная съ Возрожденія, приходилось останавливаться лишь на архитектурѣ и живописи, оставивъ въ сторонѣ скульптуру. Каждая бесѣда представляла изъ себя, по возможности, нѣчто законченное. Послѣ краткаго

очерка состоянія искусства на древнемъ востокѣ (главнымъ образомъ въ Египтѣ), вниманіе учениковъ было сосредоточено на античномъ искусствѣ, при чемъ больше всего приходилось останавливаться на греческой архитектурѣ и скульптурѣ, а изъ римскаго искусства говорить почти исключительно объ архитектурѣ. Далѣе слѣдовала бесѣда о древне-христіанскомъ искусствѣ (большая часть ея была посвящена катакомбной живописи). Изъ исторіи средневѣковаго искусства останавливались, главнымъ образомъ, на различныхъ архитектурныхъ стиляхъ: романскомъ, византійскомъ, магометанскомъ и готическомъ. При дальнѣйшемъ изложеніи главенствующее мѣсто занимала исторія итальянской живописи эпохи Возрожденія, тогда какъ для другихъ странъ и эпохъ приходилось ограничиваться лишь общими очерками біографическаго характера. Такіе очерки были посвящены Мурильо и Веласкецу, Рембрандту, Рубенсу и фламандской школѣ.

Бесѣды по исторіи искусствъ, для достиженія большей наглядности, сопровождались иллюстраціями образцовъ художественныхъ произведеній; кромѣ того, подъ руководствомъ преподавателя, ученики осматривали главнѣйшія оригинальныя произведенія искусствъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Академіи Художествъ и въ музеѣ при рисовальной школѣ барона Штиглица,

Вводя дополнительные бесѣды и занятія, преподавателямъ школы Мая приходилось до нѣкоторой степени пролагать путь, такъ какъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ этихъ занятій не было, а частный и общественный починъ въ дѣлѣ воспитанія былъ незначителенъ, да и многое, что дѣлалось въ стѣнахъ учебнаго заведенія, не публиковалось. Поэтому характеръ дополнительныхъ занятій въ школѣ Мая имѣлъ свои недостатки и измѣнялся.

Такъ, занятія по исторіи искусствъ, начавшись съ чисто историческаго обзора развитія искусства съ иллюстраціями по альбомамъ, перешли впослѣдствіи къ болѣе цѣлесообразному прохожденію исторіи искусства, съ болѣе детальнымъ изученіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ, и самое веденіе занятій перешло отъ преподавателей исторіи (А. Л. Липовскаго и М. А. Поліевктова) къ преподавателямъ рисованія (Н. Ф. Лоренцъ и М. Г. Горохову). Послѣдними ежегодно ученикамъ VII класса и отчасти VI класса реального училища въ видѣ описаній, рассказовъ и поясненій на рисункахъ давалась характеристика послѣдовательнаго развитія искусства съ древнѣйшаго времени до эпохи Возрожденія: греческіе ордера и скульптура, развитіе арки и сводовъ (римскихъ и византійскихъ), стрѣльчатая архитектура. Для лучшаго усвоенія принциповъ античной архитектуры и развитія вкуса по ея идеальнымъ пропорціямъ и деталямъ, для уясненія ея идеальной простоты, ученики по собственному выбору рисовали и чертили какой-нибудь достойный памятникъ въ большомъ видѣ.

Точно также съ теченіемъ времени измѣнились и даже прекратились дополнительныя занятія по новѣйшей литературѣ, когда стало главной задачей внимательное изученіе не только отдѣльных произведеній, но и отраженія историческихъ эпохъ въ художественномъ творчествѣ и вообще связь литературы съ жизнью, курсы стали отличаться болѣе общимъ характеромъ.

Для оживленія учебной жизни, развитія любознательности учениковъ, расширенія ихъ умственного кругозора и пополненія общаго образованія, взаимнъ дополнительныхъ занятій по литературѣ въ 1899—1900 уч. году были организованы чтенія болѣе общаго характера съ иллюстраціями при помощи волшебнаго фонаря. Такъ, были прочитаны преподавателями популярныя лекціи: о солнцѣ, о Малой Азіи, о паразитахъ. Въ 1900—1901 уч. году чтенія съ волшебнымъ фонаремъ были поставлены болѣе систематически, хотя отсутствіе необходимыхъ диaposитивовъ въ музеяхъ мѣшало полному успѣху. Всѣхъ чтеній въ названномъ году было 13. Въ 1901—1902 уч. году было 16 чтеній, въ 1903—1904 году 20 чтеній. Чтенія съ волшебнымъ фонаремъ были двоякаго рода. Для учениковъ старшихъ классовъ они носили научный характеръ: „Новѣйшіе взгляды на строеніе тѣлъ: а) опыты Герца и телеграфированіе безъ проводовъ, в) „О лучахъ радія“; „О Волгѣ“; „О подводныхъ работахъ“, „О машиностроеніи“, „О подвижномъ телеграфномъ сообщеніи между Европой и Америкой“; „Русское искусство и его памятники“. „О звѣздахъ, туманностяхъ и происхожденіи свѣтилъ“ и т. д. Для учениковъ младшихъ классовъ чтенія имѣли цѣлью популяризацію знаній и развитіе интереса къ художественнымъ произведеніямъ.

Въ 1904 — 1905 уч. году съ учениками VII класса гимназіи велись бесѣды о задачахъ общаго образованія. Главною цѣлью этихъ бесѣдъ было — выяснить общечеловѣческое значеніе науки вообще, остановиться на главныхъ основныхъ и важнѣйшихъ пунктахъ въ содержаніи различныхъ наукъ, притомъ такъ, чтобы изъ всѣхъ бесѣдъ получилось нѣчто цѣльное и связное, объединенное общей идеей. По первоначальному плану, бесѣды должны были обнять три большія области образованія: естествознаніе, ученіе о человѣкѣ и общественной жизни и изящную литературу. По различнымъ обстоятельствамъ послѣдній отдѣлъ не могъ быть проведенъ.

Заботы объ умственномъ развитіи учениковъ шли параллельно съ заботами объ эстетическомъ и физическомъ ихъ развитіи.

Почти ежегодно въ день рожденія Василя Александровича (7 декабря) устраивались литературные вечера. На этихъ вечерахъ учениками старшихъ классовъ разыгрывались сцены изъ драматическихъ произведеній А. Толстого, Пушкина, комедій Гоголя, Фонвизина и декламировались отрывки изъ лучшихъ произведеній знаменитыхъ пи-

сателей. Послѣдніе годы литературные вечера устраивались чаще (въ полугодіе два—три вечера), причемъ въ этихъ вечерахъ нерѣдко принимали активное участіе, кромѣ старшихъ учениковъ, также ученики среднихъ, а иногда младшихъ классовъ. Въ программу такихъ вечеровъ входили: 1) краткое вступленіе, сдѣланное преподавателемъ, 2) чтеніе учениковъ, иллюстрируемое свѣтовыми картинами, 3) декламація, 4) небольшія сцены и 5) музыка. Литературные вечера посвящались памяти русскихъ писателей, описанію дѣтскаго міра, характеристикѣ историческихъ эпохъ и русскихъ народностей, исключительно на основаніи произведеній художественной литературы.

Въ 1902—1903 и въ 1903—1904 уч. годы въ нѣкоторыхъ старшихъ классахъ было введено преподаваніе выразительнаго чтенія, которое, по словамъ покойнаго педагога В. П. Острогорскаго, 1) развиваетъ голосъ и укрѣпляетъ легкія; 2) исправляетъ произношеніе; 3) заставляетъ обращать вниманіе не только на цѣлое, но на каждое отдѣльное слово и выраженіе и, такимъ образомъ, усиливаетъ анализъ чтенія; 4) осмысливаетъ текстъ вполнѣ; 5) искусное чтеніе помогаетъ запоминанію и способствуетъ изгнанію изъ школы безсмысленной и машинальной долбни; 6) вообще развиваетъ интересъ къ художественнымъ произведеніямъ; 7) доставляетъ великое и благороднѣйшее удовольствіе и развлеченіе.

Для преподаванія выразительнаго чтенія былъ приглашенъ артистъ Императорскихъ театровъ Н. Л. Глазуновъ.

Серьезное вниманіе было обращено на предметъ рисованія. Чтобы дать возможность заниматься рисованіемъ не только ученикамъ реального училища, но и старшимъ ученикамъ гимназіи, не имѣющимъ уроковъ рисованія, согласно официальнымъ программамъ, были введены вечерніе классы рисованія два раза въ недѣлю. Въ вечернихъ занятіяхъ принимали участіе желающіе и наиболѣе способные ученики. Занятія состояли въ рисованіи съ гипсовъ, главнымъ образомъ, съ античныхъ бюстовъ, въ рисованіи съ орнаментовъ простыхъ формъ, съ масокъ и головъ, отчасти съ живой натуры. Для позированія приглашался натурщикъ изъ Академіи Художествъ, который каждый разъ мѣнялъ положеніе и костюмъ (татарина, крестьянина, черкеса, дворника, денщика, рыбака съ обнаженными руками, ногами и грудью).

Здоровье учениковъ, физическое воспитаніе учащихся въ учебномъ заведеніи К. Мая всегда было предметомъ особыхъ заботъ.

„Ученикамъ слѣдуетъ давать, говорилъ Василій Александровичъ, какъ можно больше движенія“. Одна гимнастика не можетъ создать противовѣсъ 5-ти часовому сидѣнію учениковъ въ классѣ. Гимнастика, развивая силы, гибкость, умѣнье пользоваться своими членами, требуетъ отъ ученика напряженнаго вниманія и утомляетъ нѣкоторыхъ своимъ однообразіемъ. Уроки гимнастики не заключаютъ, или лишь

въ рѣдкихъ случаяхъ, элемента духовнаго отдыха, свободы. Поэтому ученикамъ въ малыя и большую перемены дозволялось бѣгать, кричать, играть въ подвижныя игры и бороться, не допускалась лишь драка и ожесточеніе. Въ залѣ устраивались игры въ пятнашки, на дворѣ—въ городки, футболъ, зимой на дворѣ устраивались катокъ, горы, постройка крѣпости, снѣжки.

Для поддержанія здоровья, жизнедѣятельности и жизнеспособности учащихся, по предложенію Василя Александровича, на педагогическомъ совѣтѣ въ 1899—1900 учебномъ году было постановлено: перенести тяжесть ученія на классное время, а не на домашнюю работу, которая можетъ служить, особенно для учениковъ младшихъ классовъ, лишь повтореніемъ и освѣженіемъ пройденнаго въ классѣ.

Въ цѣляхъ развитія организма, ученики, за исключеніемъ физически неспособныхъ и больныхъ, занимались гимнастикой.

Воспитанники приготовительнаго и перваго классовъ упражнялись ежедневно во вторую перемену въ теченіе 15 минутъ, по системѣ Сандова, въ изолированномъ помѣщеніи легкими (фунтовыми или двухфунтовыми) гантелями и прыганьемъ; подвижныя игры были ихъ любимымъ развлеченіемъ въ остальные перемены.

Для воспитанниковъ 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ классовъ, кромѣ гимнастики, подъ руководствомъ преподавателя А. С. Садовскаго, состоявшей преимущественно въ разныхъ, такъ называемыхъ вольныхъ движеніяхъ, ритмически производившихся по особой командѣ преподавателя, были устроены физическія упражненія и подвижныя игры на плацу.

Воспитанники старшихъ классовъ, желающіе, посѣщали послѣдніе годы (два раза въ недѣлю) спеціальныя курсы физическаго развитія, находящіеся въ Атлетическомъ обществѣ, состоящемъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, или же участвовали въ ученическихъ кружкахъ футбола и лаунъ-тенниса, которые по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на плацу перваго кадетскаго корпуса и въ Петровскомъ паркѣ устраивали домашнія закрытыя состязанія.

Кромѣ уроковъ гимнастики, для желающихъ были введены въ 1890 году добавочныя уроки музыки, фехтованія и танцевъ; въ 1900 году—столярная мастерская подъ общимъ наблюденіемъ преподавателя. Занятіями руководилъ опытный мастеръ. Всѣ работы исполнялись по чертежу и имѣли обязательно какое-нибудь практическое примѣненіе. Интересъ къ занятіямъ мастерствомъ былъ всегда живой и не требовалъ особаго побужденія. Нѣкоторые воспитанники настолько заинтересовались работой, что, начавъ съ самыхъ простыхъ упражненій, къ концу года выполняли уже довольно сложныя работы, какъ напр., стулъ, шкафъ, этажерки.

Въ 1900—1901 уч. году ученикамъ предоставлена была возможность каждый праздникъ ѣздить въ 3-е Парголово (по Финлян. ж. д.), гдѣ была нанята для пансіонеровъ обширная дача. Здѣсь устраивались игры на свѣжемъ воздухѣ, предпринимались болѣе или менѣе дальніе бѣга на лыжахъ. (Въ 1899—1900 уч. году такая же дача была нанята въ Лѣсномъ для однихъ пансіонеровъ). Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволилъ учебному заведенію въ слѣдующіе года устраивать подобныя экскурсіи на дачу.

Заботясь о всестороннемъ развитіи учащихся, школа Мая всегда обращала самое серьезное вниманіе на ихъ воспитаніе. Приучить ученика къ откровенности, исполнительности, аккуратности и порядку, развитъ въ немъ сознаніе личности, отвѣтственности за свои проступки, помочь ему выработать въ себѣ твердость характера, пользоваться при этомъ мѣрами, вполне отвѣчающими индивидуальности каждого учащагося—такова задача школы Мая.

Въ своемъ обращеніи съ учениками Василій Александровичъ, преподаватели и воспитатели старались проводить слѣдующія положенія:

„Отъ учениковъ послушанія и исполнительности слѣдуетъ добиваться опредѣленностью и послѣдовательностью требованій и возможной добротой и примѣромъ. Наказанія должны быть рѣдки и примѣняться лишь къ болѣе загрубѣлымъ натурамъ. Наказывать должно соотвѣтственно винѣ, на примѣръ: излишняя рѣзвость въ перемѣну—немедленное лишеніе свободы въ перемѣну. Оно должно быть или средствомъ исправить непосредственное зло, или помѣшать злу. Ученики должны всегда чувствовать, что сами вынудили себѣ наказаніе. Наказаніе дѣлается излишнимъ, гдѣ нѣтъ сознанія проступка. Ребенокъ лучше старшихъ понимаетъ и чувствуетъ справедливое отношеніе къ себѣ и скорѣе послушается того, котораго любитъ и который добрѣе относится къ нему. Отъ учениковъ надо требовать только того, что они въ состояніи исполнить и что не превышаетъ силъ извѣстнаго класса и, по возможности, каждого въ отдѣльности. Только такая работа можетъ принести пользу, можетъ приучить дѣтей къ точному исполненію обязанностей, а не деморализировать ихъ, вынуждая легко относиться къ дѣлу и хитрить, иногда обманывать родителей и преподавателей“.

„Ученикамъ слѣдуетъ давать какъ можно больше свободы. Необходимо давать исходъ естественной живости ребенка: нормальный, не искалѣченный условіями воспитанія ребенокъ—всегда живой. Мальчикъ, сдерживаемый требованіями излишней внѣшней дисциплины, уходитъ въ себя, дѣлаясь скрытнымъ, часто апатичнымъ, или ищетъ исхода своей живости, вопреки воспитателю, за спиной его, становится сердитымъ и грубымъ. Однако свобода, предоставляемая ученикамъ, не исключаетъ требованія абсолютнаго повиновенія, аккуратности, порядка“.

Понятно, что при указанныхъ условіяхъ надзоръ за учениками очень труденъ и требуетъ большого воспитательнаго такта и напряженія; гораздо легче наблюсти, чтобы ученики не бѣгали, чѣмъ, чтобы они, бѣгая, не ушибали другъ друга.

Для улучшенія надзора, столь труднаго и необходимаго при даваемой ученикамъ свободѣ, въ 1893—1894 уч. году былъ приглашенъ 3-й гувернеръ. Въ 1894—1895 уч. году въ перемѣны за играми учениковъ слѣдили четыре наблюдателя, по двое въ каждомъ этажѣ; въ большую перемѣну на дворѣ также дежурили двое. Въ 1897—1898 г. во время рекреаций число наблюдающихъ за учениками было увеличено до 5 лицъ. Въ 1898—1899 уч. году институтъ воспитателей былъ реформированъ на совершенно новыхъ началахъ.

Одно изъ существенныхъ условій серьезнаго воспитанія—нравственный авторитетъ и примѣръ воспитателей; но обыкновенно, можетъ быть, вслѣдствіе ничтожнаго вознагражденія за тяжелый трудъ воспитательства, за это дѣло брались люди, недоучившіеся или иностранцы, неспособные вполне понять характеръ русскихъ дѣтей. Наблюдая лишь за исполненіемъ правилъ внѣшней дисциплины, они не заботились о правильномъ развитіи духовныхъ силъ учениковъ, да и не могли этого сдѣлать, отчасти по низкому уровню образованія, отчасти по недовѣрію къ нимъ учениковъ, по отсутствію точекъ соприкосновенія помимо рамокъ установленнаго внѣшняго порядка. Воспитатель былъ какъ бы чужимъ человѣкомъ, только стѣснявшимъ учениковъ. Не было того взаимнаго общенія, которое устанавливается при извѣстной свободѣ и инициативѣ въ дѣятельности воспитателя, при любви и довѣріи его къ ученикамъ; одни, хотя бы и идеально сформулированныя, правила не воспитаютъ, если не найдется убѣжденныхъ и даровитыхъ воспитателей, олицетворяющихъ эти правила.

Въ виду этихъ соображеній, В. А. Кракау предложилъ нѣкоторымъ преподавателямъ принять на себя и воспитательскія обязанности. Эти обязанности взяли на себя члены хозяйственнаго комитета. Несомнѣнно, что образовательный цензъ и преподавательское положеніе новыхъ воспитателей значительно подняли ихъ авторитетность среди учениковъ; уменьшилось число проступковъ; наконецъ, явилось болѣе теплое и довѣрчивое общеніе учениковъ и воспитателей, которое, все развиваясь и углубляясь, способно создать столь желанную внутреннюю дисциплину сознанія своего долга. Воспитатели, помимо дежурства на перемѣнахъ между уроками и исполненія обязанностей класныхъ наставниковъ, дежурили въ пансіонѣ по три человѣка ежедневно. Во время дежурства они находились безотлучно при ученикахъ, совершая съ ними прогулки, наблюдая за ихъ играми, провѣряя приготовленіе уроковъ и ночуя въ однѣхъ съ ними комнатахъ.

Учебныя пособія.

Въ тѣсной связи съ ходомъ учебнаго и воспитательнаго дѣла стоитъ вопросъ о состояніи физическаго кабинета, химической лабораторіи, кабинета естественныхъ наукъ, рисовальнаго класса и библіотеки, какъ учебно-воспитательныхъ пособій.

Физическій кабинетъ основанъ одновременно съ введеніемъ въ гимназіи преподаванія физики. Но особенно серьезное вниманіе на него было обращено со времени открытія основного отдѣленія реального училища, когда выдвинулось на первый планъ преподаваніе физики.

Съ начала 1894—1895 уч. года для физическаго кабинета было приспособлено обширное помѣщеніе. Оно было снабжено легкою подвижною мебелью, могущей служить при практическихъ занятіяхъ. Всѣ существовавшіе въ заведеніи учебные физическіе приборы были заново отремонтированы и каталогированы. Такъ какъ при этомъ обнаружился большой недостатокъ въ приборахъ для правильнаго веденія курса, то много приборовъ было заказано вновь; многіе приборы также были приобрѣтены въ магазинѣ Рихтера и др. Въ 1894—1895 уч. году имѣлось до 150 №№ приборовъ, расположенныхъ частью въ шкафахъ, частью на особыхъ, нарочно устроенныхъ, столикахъ въ помѣщеніи физическаго кабинета. Важнѣйшіе изъ вновь приобрѣтенныхъ приборовъ были слѣдующіе: калориметръ Реньо, гигрометръ Лимпрехта, модель паровой машины, спектроскопъ, фотометръ, гальванометры разныхъ системъ, электродвигатель, модель динамо-машины и т. д.

Въ 1895—1896 уч. году помѣщеніе для физическаго кабинета было расширено присоединеніемъ расположенной съ нимъ рядомъ небольшой кладовой. Мѣста было теперь вполне достаточно, и потому былъ устроенъ особаго типа столъ отъ одной стѣны кабинета къ другой. Рациональное устройство стола много облегчаетъ демонстрированіе опытовъ. Физическій кабинетъ продолжалъ пополняться новыми приборами. Нѣсколько приборовъ было пожертвовано А. А. Май. Изъ другихъ приборовъ слѣдуетъ отмѣтить приобрѣтеніе вѣсовъ Сарторіуса, дающихъ точность до 0,1 миллиграмма, и динамо-машины отъ Дюкрета изъ Парижа.

Въ 1896—1897 уч. году для физическаго кабинета былъ выпущенъ изъ Парижа отъ Дюкрета волшебный фонарь.

Въ 1898—1899 уч. году приобрѣтены школьный гальванометръ, реостатъ, вольтметръ, амперметръ.

Въ 1899—1900 уч. году приобрѣтено: 2 электроскопа Кольбе, измѣритель емкости, техническіе вѣсы и разновѣсы къ нимъ, паяльный

столъ, нѣсколько пикнометровъ, газометръ Митчерлиха, приборъ Лермонтова для провѣрки закона Бойля-Мариотта, приборъ его-же для опредѣленія коэффиціента расширенія желѣза и латуни, калориметръ, трубки Крукса и Гейслера; кромѣ того нѣсколько болѣе мелкихъ приборовъ для электрическихъ и магнитныхъ измѣреній, а также для химическихъ опытовъ.

Въ 1900—1901 уч. году—1) приборъ Розенберга для показанія электрическаго тока, 2) насосъ, 3) термометръ для низкихъ температуръ.

Въ 1901—1902 уч. году въ физическомъ классѣ сдѣланы приспособленія: 1) для пользованія фонаремъ съ Вольтовой дугой—трансформаторъ и ставни; 2) для зарядки аккумуляторовъ по способу Миткевича, и приобрѣтено приборовъ на 250 рублей.

Въ настоящее время въ физическомъ кабинетѣ имѣется 185 приборовъ на сумму 3.056 рублей.

Естественно-историческій кабинетъ до 1898—1899 уч. года находился въ зачаточномъ состояніи: имѣлся микроскопъ съ увеличеніемъ до 700 разъ, демонстраціонный штативъ къ нему, ботаническія таблицы, небольшія коллекціи, имѣлись простыя лупы, нѣсколько опредѣлителей, черепъ, чучелы птицъ, спиртовые препараты, образцы минераловъ. Но все это имѣлось въ недостаточномъ количествѣ и въ плохомъ видѣ.

Въ 1898—1899 уч. году кабинетъ былъ приведенъ въ порядокъ. Были приобрѣтены разборныя модели гортани человѣка, головного мозга, сердца, скелетъ *Vespertilio postula*; черепа собаки, кошки, зайца; скелеты курицы, ужа, лягушки съ надутыми легкими, окуня; гербарій споровыхъ растений (30 представителей), собраніе грибовъ, вредящихъ культурнымъ растеніямъ; стеклянныя модели: кубъ съ октоэдромъ, квадратная призма съ пирамидою, гексагональныя пирамиды, ромбическая пирамида съ пинакоидами, моноклиноэдрическая и триклиноэдрическая пирамиды. Получено въ даръ: отъ преподав. С. В. Мирошникова—часть бивня и зубы мамонта; отъ А. О. Графтіо—скорпионъ, крабъ, каменная соль, озокеритъ; отъ ученика V класса реального училища Михайлова—чучело черепахи; отъ А. К. Линко—нѣсколько моллюсковъ ракообразныхъ, ракообразныхъ пауковъ и др. Кромѣ того, составлена небольшая учебная коллекція насѣкомыхъ.

Въ 1899—1900 уч. году естественно-историческій кабинетъ пополнился слѣдующими предметами: приобрѣтена разборная модель человеческого уха, 7 моделей растений, серія микроскопическихъ препаратовъ по анатоміи растений и по споровымъ, 6 стѣнныхъ таблицъ по зоологіи; отъ препаратора Сольскаго—скелеты ноги лошади и свиньи, коллекція ногъ птицъ, скелетъ головы свиньи, скелетъ черепахи. Пожертвованы В. С. Ивановымъ—шкурка тушканчика, И. К. Тарнани—

чучело крота и летучей мыши; Д. К. Глазуновым—10 шкурокъ птицъ; А. О. Графтіо—шкурки ежа, суслика, спиртовяя ящерица и ужъ; преподавателемъ А. К. Линко составлена небольшая коллекція рыбъ и нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ.

Въ 1900—1901 уч. году естественно-историческій кабинетъ пополнѣлся цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ пріобрѣтеній, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить микроскопъ Лейтца съ двойнымъ револьверомъ, окулярами № 1 и № 3, и объективами № 3 и № 7. Далѣе, пріобрѣтены: по ботаникѣ—таблицы по морфологіи растений Генкеля, гербарій по морфологіи растений и систематикѣ споровыхъ; по зоологіи—черепъ, чучела, скелеты, спиртовые экземпляры безпозвоночныхъ. Кромѣ того, бывшій преподаватель А. К. Линко пожертвовалъ серію микроскопическихъ препаратовъ по анатоміи растений; ученикъ Плате—небольшую коробку съ бабочками; ученики Эссенъ, Римскій-Корсаковъ, Вилькицкій и нѣкоторые другіе—раковины разныхъ моллюсковъ.

Въ 1901—1902 уч. году былъ выписанъ изъ заграницы (Прага) полиграфъ Кнолля, заключающій различные фізіологическіе приборы по графическому методу (пневмографъ, кардіографъ и др.); пріобрѣтены: большой спирометръ Хутчинсона, таблицы по анатоміи и фізіологіи растений Генкеля, превосходная тройная инъекція (корризіонная) легкихъ барашка (работы Ф. Ф. Остермана), различные препараты по анатоміи позвоночныхъ животныхъ, чучела птицъ и т. п. Съ особенной благодарностью слѣдуетъ отмѣтить многочисленныя пожертвованія учениковъ и частныхъ лицъ, а именно: быв. ученикъ Майдель—чучело *Varanus* и *Uromastix* (громадныя тропическія ящерицы), уч. V класса Сидоровъ—таблицы къ ботаническому атласу; Г-жа Кларе—коллекцію минераловъ; Г-да Вреденъ и Жукъ—препараты по микроскопической анатоміи; Г-нъ Гаддъ — нѣсколько рыбъ, голотурій, ракообразныхъ и другихъ въ спирту; Г-нъ Сукачевъ—магнитный желѣзнякъ на сплойкѣ; Г-нъ Педашенко — нѣсколько роскошныхъ тропическихъ (изъ Явы) экземпляровъ различныхъ животныхъ.

Въ 1902—1903 уч. году наиболѣе крупнымъ пріобрѣтеніемъ является прекрасный микроскопъ фабрики Лейтца съ кремальерой, двойнымъ револьверомъ, сис. 3 и 7 и окул. 1 и 3 (прежній микроскопъ былъ украденъ во время лѣтнихъ каникулъ). На зоологической станціи въ Неаполѣ пріобрѣтена коллекція морскихъ животныхъ, которая въ теченіе зимы приведена въ порядокъ и установлена въ шкафы. Кромѣ того, пріобрѣтены: таблицы по анатоміи человѣка, превосходныя инъекціи кишечника пѣявки и кровеносной системы лягушки (работы К. А. Остермана). Нѣкоторыми учениками были сдѣланы пожертвованія; болѣе крупныя изъ нихъ:—коллекція жуковъ и бабочекъ изъ Воронежской губ. и 2 живыя черепахи, черепъ оленя съ рогами, коллекція минераловъ, прекрасный экземпляръ кактуса, живыя ящерицы, позвонки кита.

Съ 1902—1903 года естественно-историческій кабинетъ занимаетъ три комнаты, изъ которыхъ первыя двѣ отведены подъ демонстрируемыя коллекціи, а въ третью перенесены запасныя коллекціи. Въ послѣдней, кромѣ того, установлено 5 акваріумовъ и большой терраріумъ. Въ трехъ акваріумахъ устроена проточная вода, въ двухъ другихъ вода стоячая—для болотныхъ и озерныхъ обитателей.

Въ 1903—1904 уч. году особенно многочисленныя пріобрѣтенія были сдѣланы по зоологіи (позвоночныя и безпозвоночныя). Такъ, университетскимъ препараторомъ г-номъ Остерманомъ были изготовлены инъекціи кровеносной системы рака, печени кошки (превосходный коррозіонный препаратъ) и др. Кромѣ того, большая зоологическая коллекція была выписана изъ Halle a/S отъ фирмы Schlüter; среди этой коллекціи особенное вниманіе обращаютъ на себя тройная инъекція ужа, сухой желудокъ овцы со всѣми отдѣлами и нѣсколько препаратовъ по исторіи развитія лягушки, форели, майскаго хруща, комара и бабочекъ. По ботаникѣ были пріобрѣтены таблицы Генкеля по біологіи растений и микроскопическіе препараты Рихтера по споровымъ растеніямъ, а по кристаллографіи и минералогіи—нѣсколько образцовъ драгоцѣнныхъ камней (сапфиръ, алмадинъ, топазъ и др.), выписаны отъ Кранца гониометръ Каранжо и дихроскопическая лупа.

Кромѣ того, въ теченіе года въ естественно-историческій кабинетъ поступили слѣдующія пожертвованія: Г. Гадда—коллекція ископаемыхъ моллюсковъ; К. М. Дерюгина—коллекція животныхъ изъ Ледовитаго океана; отъ учениковъ: коллекція бабочекъ, жуковъ изъ Казанской губерніи, нѣсколько минералловъ (хорошій экземпляръ изумруда) и гербарій, коллекція ископаемыхъ животныхъ съ береговъ Волги Тверской губерніи, коллекція яшмъ и прекрасный экземпляръ исландскаго шпата. Небольшой виваріумъ пополнился нѣкоторыми животными. Такъ, были частью пріобрѣтены, частью подарены различныя рыбки, черепахи, саламандра, ящерицы, змѣя, аксолоты, кролики, сова, фазанъ и друг.

Въ 1904—1905 уч. году на средства, отпущенныя кабинету, были пріобрѣтены: 1) гербарій по морфологіи растений, изготовленный ученымъ ботаникомъ г. Р. Ниманомъ, 2) распиленные вдоль кости бедра и голени, препарированныя г. Демидовымъ, 3) препарировальная и ручная лупы Лейтца, 4) вѣсы Вберваля и химическіе роговые, 5) чуело крота, 6) модель глаза и другіе болѣе мелкіе предметы. Кромѣ того, были пожертвованы: 1) черепъ и нѣкоторыя кости ископаемаго носорога, 2) рогъ съ частью черепа ископаемаго быка, 3) коллекція бабочекъ и жуковъ, 6) коллекція раковинъ.

Такимъ образомъ, благодаря отпускавшимся школой средствамъ и частнымъ пожертвованіямъ, въ настоящее время имѣется 306 №№, приборовъ и инструментовъ 22; всего на сумму 2000 рублей.

Химическая лабораторія существовала до 1899 года, когда были сокращены въ реальномъ училищѣ занятія по химіи. Она состояла изъ трехъ комнатъ: 1) рабочей съ двумя столами на 12 рабочихъ мѣстъ и одной общей песчаной баней, 2) лаборантской со шкафами для реактивовъ и 3) небольшой сѣководородной, съ особымъ аппаратомъ для полученія сѣводорода и сильной тягой. Пріобрѣтено было надлежащее количество посуды и реактивовъ для практическихъ занятій.

Отдѣльный рисовальный классъ былъ устроенъ въ 1896 году. Особенное вниманіе при этомъ было обращено на освѣщеніе, регулируемое днемъ бѣлыми и темными шторами, а вечеромъ производившееся электричествомъ при помощи подъемныхъ лампъ съ особыми абажурами. Въ виду затрудненій, которыя представляло устройство пола амфитеатромъ, были сдѣланы особаго рода столы и табуреты, постепенно возвышавшіеся къ задней стѣнѣ. Такъ какъ старая коллекція гипсовыхъ орнаментовъ, рассчитанная на рисованіе единичное, оказывалась слишкомъ мелкой и потому неудовлетворительной при новомъ помѣщеніи, то была выписана изъ Московской школы зодчества, живописи и ваянія новая болѣе крупная и полная коллекція.

Пополнена была также коллекція геометрическихъ тѣлъ; выписаны изъ Вѣны таблицы плоскаго стильнаго орнамента для первыхъ степеней обученія рисованію.

Въ 1898—1899 году была пополнена коллекція рисовальнаго класса новыми гипсовыми моделями: а) античные бюсты: 1) Зевсъ Олимпійскій, 2) Гермесъ (Праксителя), 3) Апоксиоменосъ (Лизиппа), 4) Діана; б) гипсовые маски: 5) Геркулесъ, 6) Аполлонъ Бельведерскій, 7) декоративная маска большого размѣра; с) барельефъ Грифона, Готическая капитель и три сложныхъ орнамента большого размѣра. Спеціально заказаны были 4 деревянныхъ, окрашенныхъ въ бѣлую масляную краску, большого размѣра модели для пополненія коллекціи геометрическихъ тѣлъ:—крестъ, восьмигранная пирамида, кольцо, полуциркульная арка.

Въ 1900—1901 году въ рисовальномъ классѣ были предприняты нѣкоторыя крупныя работы, въ виду усовершенствованія самаго помѣщенія. Прежнее повышеніе ряда столовъ и табуретъ въ видѣ амфитеатра, оказалось на опытѣ недостаточнымъ; поэтому для увеличенія постепеннаго повышенія для послѣднихъ двухъ рядовъ поднять полъ на 12 вершковъ, такъ что получилась возможность устанавливать одну общую модель для всего класса. Для лучшаго регулированія освѣщенія модели устроена подвижная ширма, которая, по мѣрѣ надобности, можетъ быть придвинута къ модели или отодвинута отъ нея, даже совсѣмъ убрана. Прибавлены также 2 новыхъ подставки для моделей. Художественный матеріалъ рисовальнаго класса въ 1900—1901 уч. году былъ значительно пополненъ пріобрѣтеніями изъ мастерской при Им-

ператорской Академіи Художествъ, музея Центрального Училища Рисованія барона Штиглица и частной мастерской. Приобрѣтены гипсовые слѣпки большихъ размѣровъ: 1) античныхъ бюстовъ Антиноя, Ахилла, Лаокоона, Каракаллы; 2) масокъ Сенеки, ап. Петра работы Микель - Анжело, Фавна; 3) головъ льва и человѣка; 4) стильныхъ орнаментовъ—три готическихъ, три фриза и часть большой розетки въ стилѣ ренессансъ и одна стиля рококо; 5) различныхъ архитектурно-орнаментальныхъ предметовъ изящныхъ формъ—часть карниза, балясина, 2 кронштейна въ стилѣ ренессансъ, столовая ножка, 2 большихъ вазы—одна въ видѣ рога изобилія съ кабаньей головой, другая античная съ орнаментальными листьями.

Въ 1901—1902 году коллекціи класса нѣсколько пополнены слѣпками гипсовыхъ орнаментовъ, архитектурныхъ деталей и античныхъ бюстовъ.

Въ 1902—1903 году приобрѣтены гипсы—2 бюста (Люцій Веръ и Рома въ каскѣ), 3 кисти рукъ, 2 слѣдка и 1 орнаментъ большого размѣра (архитектурный гусекъ). Пожертвованы: уч. III кл. Г. Кракау—гипсовый слѣпокъ руки, уч. V кл. Г. Кларе—гипсовый орнаментъ (кленовый листъ).

Всего въ рисовальномъ классѣ 217 моделей на сумму 442 рубля.

Начало школьной библіотеки было положено въ 1895—1896 учебномъ году, благодаря пожертвованіямъ г-жи Постельсъ и особенно А. А. Май, предоставившей въ пользу гимназіи большую часть библіотеки своего покойнаго мужа, В. А. Кракау, а также нѣкоторыхъ иныхъ лицъ. вмѣстѣ съ тѣмъ положено скромное начало ученической библіотеки выдѣленіемъ въ нее части пожертвованныхъ книгъ и приобретеніемъ на общія средства преподавательскаго персонала новыхъ книгъ и сочиненій, соотвѣтствующихъ школьному возрасту.

Ученическая библіотека имѣетъ весьма важное воспитательное значеніе. Приучить къ чтенію, развить любовь къ чтенію учитель можетъ, лишь имѣя подъ руками матеріалъ для чтенія, который онъ можетъ легко предоставлять въ пользованіе ученикамъ, не затрудняя ихъ и родителей отыскиваніемъ по частнымъ библіотекамъ и книжнымъ магазинамъ рекомендуемыхъ для чтенія сочиненій. Самый подборъ сочиненій, который, при правильномъ веденіи дѣла, окажется въ рукахъ учениковъ, будетъ вполне соотвѣтствовать ихъ возрасту и пониманію и потому не отпугивать отъ болѣе серьезнаго чтенія, а постепенно приучать къ нему, дѣйствовать воспитательно. Можно уберечь учениковъ отъ чтенія бульварныхъ романовъ или псевдосатирическихъ еженедѣльныхъ листковъ, къ сожалѣнію, очень часто дѣлающихся единственнымъ чтеніемъ въ свободныя минуты учениковъ старшихъ классовъ. Къ сожалѣнію, заведеніе не имѣло достаточныхъ средствъ, чтобы сразу создать удовлетворяющую даже скромнымъ требованіямъ библіотеку.

Въ ученической бібліотекѣ имѣется до 919 названій на сумму 1144 руб.

Кромѣ своей бібліотеки, ученики старшихъ классовъ могли пользоваться, подъ расписку преподавателя, книгами изъ фундаментальной бібліотеки, основанной благодаря пожертвованіямъ одновременно съ ученической, содержащейся и расширяемой не на счетъ гимназіи, а исключительно на средства Педагогическаго Совѣта. Въ фундаментальной бібліотекѣ состоитъ до 4000 книгъ.

Что касается учебныхъ пособій въ родѣ атласовъ, глобусовъ, картинъ, то отдѣлы ихъ пополнялись почти ежегодно приобрѣтеніемъ наиболѣе выдающихся по достоинству изданій.

Въ числѣ учебныхъ пособій слѣдуетъ отмѣтить также приобрѣтеніе въ 1897—1898 году большого волшебнаго фонаря Дюбоска и приспособленій вольтовой дуги для освѣщенія этого фонаря.

Средства учебнаго заведенія К. Мая.

Источникомъ содержанія гимназіи и реального училища К. Мая служила исключительно плата за право ученія и содержаніе въ пансіонѣ.

Со времени основанія школы (въ 1856 году) до 1903—1904 уч. года плата за обученіе приходящаго ученика въ приготовительномъ классѣ взималась въ размѣрѣ 120 руб. въ годъ, за обученіе въ остальныхъ классахъ—160 руб.; за пансіонера (обученіе, содержаніе и стирка бѣлья) взималось 600 руб. въ годъ.

Въ 1903—1904 году, вслѣдствіе необходимости возвысить вознагражденіе преподавателямъ гимназіи и реального училища К. Мая, плата за ученіе и содержаніе въ пансіонѣ была возвышена: до 150 руб. съ учениковъ приготовительнаго класса, до 200 руб. съ учениковъ остальныхъ классовъ, до 250 руб. съ учениковъ, поступающихъ въ VI кл. гимназіи или V кл. реального училища, и до 650 руб. съ пансіонеровъ.

Организація учебнаго заведенія К. И. Мая.

Собственникомъ и завѣдующимъ учебнымъ заведеніемъ до 1890 года былъ К. И. Май; съ 1890 года—В. А. Кракау.

Въ 1898 году 20 марта В. А. Кракау предложилъ на обсужденіе Педагогическаго Совѣта свой проектъ объ „организаціи среднеучебнаго заведенія группой преподавателей“.

Сущность проекта Василя Александровича сводилась къ слѣдующему.

Школа должна быть организована на артельныхъ началахъ. Такая школа представляетъ несомнѣнныя выгоды.

1) „Сравнительно съ современной казенной или частной школой, содержимой однимъ лицомъ, артельная школа производитъ большую интенсивность работы заинтересованныхъ лицъ и тѣмъ вообще способствуетъ естественно улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ 2) кружокъ-артель создаетъ безличность, такъ какъ при артельномъ началѣ директоръ есть лишь уполномоченный Совѣта, отъ имени котораго сносится и дѣйствуетъ. Означенная безличность можетъ весьма выгодно отразиться на сношеніяхъ съ посторонними лицами—родителями и преподавателями и 3) дать полный просторъ для свободной дѣятельности членовъ-товарищей: члены артели сообща вырабатываютъ правила и отвѣтственны предъ Совѣтомъ, а не предъ одной личностью, съ которой преподавателямъ старой школы приходится считаться и требованіямъ которой, иногда имъ лично не симпатичнымъ, приходится подчиняться“.

Наиболѣе возможно составить товарищество не изъ всего Педагогическаго Совѣта, а только нѣкоторой его части: „1) трудно отыскать большое количество людей, равно проникнутыхъ общей идеей, готовыхъ жертвовать своими интересами для общаго дѣла; 2) небольшой кружокъ тѣснѣе сплачиваетъ своихъ членовъ, скорѣе достигаетъ единообразія во взглядахъ и мысляхъ,—образуетъ крѣпкое ядро, равно заинтересованное и интересующееся, однимъ словомъ, ведущее все дѣло. Означенное ядро могло бы иногда разрастаться, принимать въ свою среду новыхъ членовъ, но не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ прежнихъ и не разрастаясь сверхъ извѣстной нормы“.

На обязанности товарищескаго Совѣта лежить:

„1) Руководить учебной частью: разсматривать и измѣнять программы, вводить новые предметы, сокращать и увеличивать число часовъ.

2) Устанавливать правила порядка, касающіяся дисциплины въ классѣ и внѣ класса, и завѣдывать вообще воспитательной частью.

3) Устраивать библіотеку, кабинеты (физическій, естественно-историческій и т. д.), пополнять учебныя пособія, устраивать посѣщенія музеевъ, образовательныя прогулки и т. п.

4) Имѣть высшій надзоръ за преподаваніемъ и вообще веденіемъ учебнаго дѣла, контролируя успѣшность преподаванія.

Этотъ контроль основывается не на недовѣріи, а на взаимной помощи, и имѣетъ своею цѣлью—своевременное указаніе мѣръ, необходимыхъ для улучшенія успѣховъ. Подобный контроль важенъ для всякаго преподавателя, естественно желающаго провѣрить результаты своей дѣятельности и имѣть указанія для ея улучшенія.

5) Имѣть общій контроль финансовый, а именно: составленіе бюджета, разрѣшеніе сверхсмѣтныхъ выдачъ.

6) Приглашать и отказывать преподавателямъ и

7) Выборъ изъ своей среды директора, казначея, письмоводителя, библіотекаря и, быть можетъ, иныхъ лицъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями, распредѣленіе между собой руководства классовъ.

Директоръ, являясь представителемъ учебнаго заведенія во внѣшнихъ сношеніяхъ, является предсѣдателемъ Совѣта, лицомъ, связующимъ товарищескій кружокъ, административнымъ центромъ для текущихъ дѣлъ, не требующихъ особаго разрѣшенія, исполнителемъ постановленій Совѣта.

Классные наставники наблюдаютъ за успѣхами и поведеніемъ учениковъ, заботятся объ ихъ моральномъ и умственномъ развитіи, дежурятъ во время перемѣнъ между уроками, несутъ обязанности воспитателей въ пансіонѣ“.

Педагогическій Совѣтъ, согласившись съ главными пунктами проекта Василія Александровича, выразилъ докладчику „глубокую благодарность за развитіе назрѣвающихъ идей, открывающихъ новые горизонты для педагогической дѣятельности“.

Согласно своему проекту, Василій Александровичъ организовалъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ директора, какъ предсѣдателя, 8 преподавателей—классныхъ наставниковъ: В. С. Ивановъ, В. Н. Кораблевъ, В. В. Куриловъ, А. Л. Липовскій, Н. Ф. Лоренцъ, Д. В. Ройтманъ, Г. М. Солнышковъ и М. П. Чернышевъ.

На первомъ засѣданіи Совѣта классныхъ наставниковъ, послѣ детальнаго обсужденія проекта Василія Александровича, было постановлено:

„1) Директоръ является единственнымъ официальнымъ представителемъ учебнаго заведенія: а) принимаетъ учениковъ, б) налагаетъ болѣе серьезныя наказанія до временнаго удаленія ученика изъ учебнаго заведенія, с) входитъ по вопросамъ приѣма и увольненія учениковъ въ сношеніе съ г.г. родителями, d) приглашаетъ и увольняетъ преподавателей.

Замѣчанія по пункту б): окончательному удаленію ученикъ подлежитъ только съ согласія Совѣта классныхъ наставниковъ; по пункту d): приглашеніе и увольненіе преподавателей подлежитъ обсужденію Совѣта классныхъ наставниковъ, причемъ вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ. Совѣтъ классныхъ наставниковъ составляетъ также комиссію воспитателей; каждый классный наставникъ, имѣющій наложить на ученика серьезное наказаніе, обращается съ предложеніемъ о томъ къ директору.

2) Классный наставникъ обязанъ: а) слѣдить за ходомъ преподаванія въ своемъ классѣ, что достигается систематическимъ посѣщеніемъ своего класса во время уроковъ, б) замѣченныя неисправности сообщать директору, который тогда лично посѣщаетъ занятія, гдѣ обнаружена неисправность, с) предлагать директору собирать пред-

метныя комиссіи для выясненія причинъ неуспѣшности преподаванія, d) окончательно выработанныя и мотивированныя мнѣнія вносить на обсужденіе Педагогическаго Совѣта.

Замѣчаніе по пункту: а) посѣщеніе класса обязательно съ согласія преподавателя и безъ права вмѣшательства въ дѣло преподаванія. Всѣмъ преподавателямъ предоставляется право присутствовать на урокахъ любого изъ членовъ Совѣта классныхъ наставниковъ.

3) Каждый членъ Совѣта кл. н. исполняетъ обязанности: а) преподавателя предмета, б) воспитателя, с) надзирателя въ рекреационное время, d) выполняетъ, кромѣ того, одну изъ обязанностей по взаимному соглашенію“.

Организованный Василиемъ Александровичемъ комитетъ подвергся съ теченіемъ времени нѣкоторымъ измѣненіямъ, какъ въ его составѣ, такъ и въ вопросахъ вѣдѣнія. Выбыли изъ него В. Н. Кораблевъ (1902 годъ), В. В. Куриловъ (1899 годъ), Г. М. Солнышковъ (1903 годъ) и М. П. Чернышевъ (1900 годъ)—получившіе новое назначеніе. Вступили въ комитетъ Н. К. Ядрышевъ (1898—99 уч. г.), А. И. Солнцевъ (1901—1902 уч. г.). Вслѣдствіе перемѣнъ въ составѣ комитета въ 1902—1903 уч. г. были раздѣлены функціи хозяйственныя (съ ними были соединены функціи воспитателей въ пансіонѣ) и обязанности классныхъ наставниковъ.

Въ 1905—1906 уч. году хозяйственный комитетъ былъ снова соединенъ съ Совѣтомъ классныхъ наставниковъ въ одинъ комитетъ въ виду того, что во многихъ случаяхъ трудно и даже невозможно отдѣлать вопросы хозяйственные отъ учебно-воспитательныхъ.

Въ концѣ 1905—1906 уч. года В. А. Кракау передалъ свое учебное заведеніе Обществу для доставленія средствъ гимназіи и реальному училищу К. Мая, основанному въ 1902 году и состоящему изъ родителей и преподавателей школы К. И. Мая.

Пансіонъ.

Пансіонъ при учебномъ заведеніи К. Мая существуетъ со времени основанія школы.

За поведеніемъ и занятіями пансіонеровъ до 1898 года наблюдали специально приглашенные для того воспитатели, при непосредственномъ участіи директора. Въ 1898 году обязанности воспитателей приняли на себя преподаватели—члены организованнаго въ названномъ году хозяйственнаго совѣта, которые дежурили въ пансіонѣ по три человека ежедневно, во время дежурства находились безотлучно при ученикахъ, совершая съ ними прогулки, наблюдая за ихъ играми, провѣряя приготовленіе уроковъ и ночуя въ однѣхъ съ ними комнатахъ.

Пансіонеры были раздѣлены на три группы: младшую, среднюю

и старшую. Каждая группа находилась подъ наблюдениемъ особыхъ воспитателей. Такъ какъ эти группы были довольно многочисленны (человѣкъ 15—18), то въ цѣляхъ наиболѣе близкаго ознакомленія съ личностью каждаго пансіонера, пансіонеры распредѣлялись между воспитателями такимъ образомъ, что каждый воспитатель получалъ на весь годъ подъ свое завѣдываніе опредѣленную небольшую группу учениковъ, приблизительно около 6 человѣкъ.

Чтобы скрасить однообразіе пансіонской жизни и заполнить время отдыха отъ ученія какимъ-нибудь здоровымъ и вмѣстѣ разумнымъ развлечениемъ, были организованы по праздникамъ чтенія съ иллюстраціями при помощи волшебнаго фонаря.

Кромѣ того, съ учениками совершались прогулки (напр. въ Сестрорѣцкѣ, въ лодкахъ на Лахту и т. д.). Въ 1899—1900 уч. году въ Лѣсномъ была нанята дача, куда пансіонеры ѣздили каждый праздникъ и гдѣ устраивались игры на свѣжемъ воздухѣ. Такая же дача была нанята въ Парголовѣ въ 1900—1901 уч. году.

Въ 1905—1906 уч. году, въ виду трудности найти среди преподавателей лицъ, готовыхъ принять на себя тяжелыя обязанности воспитателей, завѣдываніе пансіономъ, наблюдение за поведениемъ, занятіями и содержаніемъ пансіонеровъ было возложено на бывшаго воспитателя В. К. Витовскаго, которому, при общемъ наблюдении директора, была предоставлена полная самостоятельность въ распредѣленіи занятій, выборѣ и приглашеніи воспитателей.

Списокъ лицъ педагогическаго персонала, служившихъ въ Учебномъ заведеніи К. Мая въ теченіе ея пятидесятилѣтняго существованія.

Директоромъ школы К. Мая до 1890 года былъ К. И. Май, съ 1890 года—В. А. Кракау.

Относительно лицъ педагогическаго персонала, служившихъ въ школѣ Мая въ теченіе всего ея существованія, точныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется.

Въ годъ двадцатипятилѣтняго юбилея школы (1881 г.) сотрудниками К. И. Мая были:

В. П. Вилліамсъ, препод. естеств. исторіи съ 1865 г.

В. П. Постниковъ, законоучитель съ 1865 г.

Г. П. Струнке, препод. исторіи съ 1867 г.

М. Е. Доброписцевъ, препод. русск. яз. и словесности съ 1870 г.

К. И. Петерсонъ, препод. рисованія съ 1872 г.

Пасторъ Юргенсонъ, законоучитель съ 1872 г.

О. В. Цшохеръ, препод. коммерческихъ наукъ съ 1874 г.

И. Гризаръ, препод. французск. яз. съ 1875 г.

Я. И. Рабиновичъ, препод. математики съ 1877 г.

К. Реха, препод. ариѣметики и нѣмецк. яз. съ 1877 г.

К. В. Фохтъ, препод. физики съ 1878 г.

О. Галлеръ, препод. лат. и греч. яз. съ 1879 г.

А. Совенъ, препод. французск. яз. съ 1880 г.

А. В. Истоминъ, препод. естеств. исторіи съ 1880 г.

К. Х. Деглау, препод. русск. и франц. яз. 1881 г.

Ф. Ротманъ, препод. языковъ древнихъ и нѣмецкаго съ 1881 г.

Ф. Виндъ, препод. латинск. и нѣмецк. яз. съ 1881 г.

Э. Цейдлеръ, препод. древнихъ яз. съ 1873—1877 г. и съ 1881 г.

К. Рейнгардъ, препод. англійскаго яз. съ 1881 г.

Сестра К. И. Мая Анна Ивановна Родде.

Жена К. И. Мая Агнесса Альбертовна Май.

Софія Андреевна Люгемиль.

Съ 1881 года свѣдѣнія снова прерываются.

Вполнѣ точныя свѣдѣнія начинаются съ 1890 года, именно, со времени вступленія въ завѣдываніе школой В. А. Кракау.

Въ 1890—1891 уч. г. преподавателями состояли:

В. П. Постниковъ.

М. Е. Доброписцевъ.

Пасторъ К. И. Юргенсонъ.

Св. С. С. Наркевичъ,—законоучитель.

М. З. Образцовъ, {

К. В. Фохтъ, { по математикѣ.

К. М. Семеновъ, {

Ө. А. Постельсъ, {

Ф. А. Гейтманъ, { по древн. языкамъ.

Фр. І. Виндъ, {

А. Л. Смирновъ—по русск. языку.

К. И. Бокильонъ, {

Э. Фр. Делава, { по франц. языку.

О. В. Цшохеръ, {

П. А. Колумбусъ, { коммерческ. наук.

Н. Н. Пашковскій—по естеств. исторіи.

Послѣдовали съ 1891 года въ составѣ педагогическаго персонала слѣдующія измѣненія:

Выбыли.

Поступили.

Въ 1891—1894 г. Мальхинъ { преподав. по
Блумбергъ { древн. язык.
Щетининъ—препод. рисов.

С. В. Мирошниковъ { по
В. И. Мардановъ { древн.
С. А. Смирновъ { язык.
А. Л. Липовскій—по истор.
М. И. Койкъ, { по
М. П. Чернышевъ, { матем.

Выбыли.

Въ 1894—1895 г. В. П. Постниковъ — умеръ.
В. И. Мардановъ, }
Н. Н. Пашковскій, } перев.

Въ 1895—1896 г. К. И. Юргенсонъ — умеръ.
П. А. Колумбусъ — врем. выб.
Ө. А. Гейтманъ.
М. М. Куанде.
Э. Ф. Делапи.
А. В. Кибардинъ.

Въ 1896—1897 г. Пасторъ Рейнталь.
А. Л. Смирновъ.

Въ 1897—1898 г. Пасторъ Галь.
М. И. Койкъ.
С. А. Порѣцкій.

Въ 1898—1899 г. Пасторъ К. К. Дерингеръ.
И. И. Козенкраніусъ.
К. И. Бокильонъ.
Т. Г. Владыкина.
В. П. Миллеръ.

Въ 1899—1900 г. В. В. Куриловъ.
С. В. Мирошниковъ.
Н. В. Ястребовъ.

Въ 1900—1901 г. С. И. Созоновъ.

Поступили.

Т. К. Котырло, } по
А. В. Кибардинъ, } рисов.
В. В. Куриловъ — по физикѣ.
и С. А. Порѣцкій — по ест. ист.
Миллеръ — по чистописанію.
Э. Г. Штернбергъ — нѣм. яз.

Пр. Д. К. Падалка — законоуч.
Б. Н. Некрасовъ, } по
Р. Хр. Лэперъ, } древн.
Н. М. Гюнтеръ — по матем. } язык.
Е. Ф. Пикарь, } по франц.
М. Куанде, } языку.

Паст. А. Рейнталь, } Зак.
Э. Галь, } Божій.
Н. Ф. Лоренцъ — по рисов.
М. А. Полиевктовъ — истор.
О. М. Калласъ — нѣм. яз.
Ю. М. Тихменевъ — препод. гимн.

Н. В. Ястребовъ — по рус. яз.
Д. Д. Францъ — по физикѣ.
П. А. Колумбусъ (возвратил.).
С. М. Введенскій — по др. яз.
В. Н. Кораблевъ — по рус. яз.
Т. Г. Владыкина — преподав. приг. кл.
Г. М. Солнышковъ — по мат.
К. К. Дерингеръ — законоуч.
В. В. Бугаевъ — естеств. ист.
В. С. Ивановъ — географ.

К. К. Доннеръ — Зак. Божій.
Н. К. Ядрышевъ — русск. яз.
А. К. Линко — естеств. ист.
М. Г. Гороховъ — рисов.
О. Ф. Ларіонова — франц. яз.
К. А. Тураева — преп. приг. кл.
Д. В. Ройтманъ — математ.

С. И. Созоновъ — физ. и хим.
В. И. Мардановъ — лат. яз.
Е. И. Гофманъ — рус. и лат. яз.
Г. Г. Гобаръ — франц. яз.
А. А. Петровскій — физ.

	Выбыли.	Поступили.
	С. А. Смирновъ.	Н. В. Береніусъ, } древн.
	Э. Ф. Пикарь.	А. И. Солнцевъ, } яз.
	М. А. Поліевктовъ,	Т. Θ. Деманжъ, } франц.
	команд. загран. для научн. занят.	Э. Ф. Анспахъ, } яз.
	А. К. Линко.	В. А. Головань—исторіи.
	М. Е. Доброписцевъ—умеръ.	К. М. Дерюгинъ—ест. ист.
		Е. А. Ляцкій—рус. яз.
Въ 1901—1902 г.	Б. Н. Некрасовъ.	А. И. Альберъ—франц. яз.
	В. И. Мардановъ.	Ф. Н. Индриксонъ, } физ.
	Т. Θ. Деманжъ.	Н. Н. Вознесенскій, }
	Э. А. Анспахъ.	М. А. Поліевктовъ—истор.
	А. А. Петровскій.	А. С. Садовскій—преп. гимн.
	П. А. Головань.	
Въ 1902—1903 г.	Н. М. Гюнтеръ.	И. А. Кубасовъ—русск. яз.
	В. С. Ивановъ, (за границу	З. А. Михаэльсонъ—нѣм. яз.
	съ научною цѣлью).	А. П. Нечаевъ—геогр.
		Ф. Л. Нечаевъ—математ.
		Н. А. Пушинъ—природовѣд.
Въ 1903—1904 г.	Е. А. Ляцкій.	Э. Э. Лямбекъ—нѣм. яз.
	Н. В. Береніусъ.	А. Н. Захаровъ, } матем.
	О. М. Калласъ.	В. И. Вериго, }
	З. К. Михаэльсонъ.	Л. С. Ярославлевъ. }
	Д. Д. Францъ.	Е. И. Чижовъ, } географ.
	Г. М. Солнышковъ.	В. С. Ивановъ, }
	Т. К. Котырло.	
Въ 1904—1905 г.	А. Н. Захаровъ.	А. М. Евлаховъ—русск. яз.
	В. И. Вериго.	Д. Д. Францъ—математ.
	П. А. Колумбусъ—умеръ.	Г. Г. Куванинъ—комм. наук.
Въ 1905—1906 г.		А. П. Нечаевъ—философск.
		пропедевт.
		С. И. Кузнецовъ—законо-
		вѣдѣн.
		Иссартель—французск. яз.

Помощниками классныхъ наставниковъ были:

Э. Г. Штернбергъ до 1895 г.
 И. И. Козенкраніусъ до 1895 г.
 Е. Ф. Пикарь до 1898 г.
 М. А. Воробьевъ до 1895 г.
 В. С. Ивановъ съ 1895 до 1898 г.
 С. А. Порѣцкій съ 1895 до 1897 г.
 Д. Д. Францъ съ 1896 до 1897 г.
 С. М. Введенскій съ 1897 до 1898 г.

П. В. Ястребовъ съ 1897 до 1898 г.

П. К. Успенскій съ 1897 до 1898 г.

Въ 1898 году обязанности помощниковъ классныхъ наставниковъ были раздѣлены между классными наставниками.

Въ 1900 году въ качествѣ помощника классныхъ наставниковъ поступилъ А. М. Желѣзновъ, въ 1902 г.—Ю. И. Симпманъ-Вамбола.

Врачъ учебнаго заведенія К. Мая—К. К. Саковскій съ 1894 г.

Свѣдѣнія о числѣ учениковъ Гимназiи и Реальнаго училища К. Мая за время 1856—1906 г.г.

Г о д а.	Ч И С Л О У Ч Е Н И К О В Ъ.		Общее число учениковъ.
	Гимназія.	Реальное учил.	
1856— 57	—	—	32
1857— 58	—	—	45
1858— 59	—	—	51
1859—1860	—	—	63
1860— 61	—	—	83
1861— 62	—	—	104
1862— 63	—	—	122
1863— 64	—	—	132
1864— 65	—	—	135
1865— 66	—	—	135
1867— 68	—	—	140
1868— 69	56	115	171
1869— 70	64	118	182
1870— 71	56	116	172
1871— 72	59	121	180
1872— 73	64	118	182
1873— 74	61	99	160
1874— 75	72	108	180
1875— 76	75	95	170
1876— 77	72	93	165
1877— 78	71	76	146
1878— 79	67	50	117
1879—1880	69	45	114
1880— 81	68	48	116
1881— 82	65	67	132
1882— 83	105	58	163
1883— 84	112	65	177
1884— 85	116	62	178
1885— 86	124	52	176
1886— 87	123	49	172

Годъ.	ЧИСЛО УЧЕНИКОВЪ.		Общее число учениковъ.
	Гимназія.	Реальное учил.	
1887— 88	119	45	164
1888— 89	112	33	145
1889— 90	108	26	134
1890— 91	103	18	121
1891— 92	98	22	120
1892— 93	101	52	153
1893— 94	104	64	168
1894— 95	113	100	213
1895— 96	147	130	277
1896— 97	164	152	316
1897— 98	143	140	283
1898— 99	166	167	333
1899—1900	161	171	332
1900—1901	140	176	316
1901—1902	151	153	304
1902—1903	149	168	317
1903—1904	174	154	328
1904—1905	181	121	308
1905—1906	199	120	319

Составилъ А. Солнцевъ.

По прочтеніи краткаго историческаго очерка школы К. Мая за 1856—1906 г.г., г. *Помощникъ Попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа В. А. Латышевъ* привѣтствовалъ гимназію и реальное училище К. Мая съ исполвшимся пятидесятилѣтіемъ и передалъ слѣдующій адресъ:

Въ гимназію и реальное училище К. Мая.

„Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся педагоговъ того времени Карлъ Ивановичъ Май—основалъ маленькую частную школу, которая быстро разрослась въ перворазрядное учебное заведеніе. Этимъ успѣхомъ школа была обязана талантливому руководителю ея и тѣмъ истинно педагогическимъ принципамъ, которые въ ней проводились. Учебное заведеніе Мая стало пользоваться широкою извѣстностью; съ разныхъ сторонъ въ него стекались ученики, привлекаемые отличною постановкою учебно-воспитательной части; руководитель его К. И. Май вкладывалъ всю душу въ любимое дѣло. Управленіе Округа съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за дѣятельностью этого училища, отдавая должную дань его руководителю, и учебному заведенію были предоставлены права правительственныхъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. К. И. Май не только умѣлъ привлекать къ себѣ сердца своихъ учениковъ, но и заставлялъ ихъ серьезно относиться къ дѣлу и пріобрѣтать необходимыя для жизни познанія.

Тѣмъ же традиціямъ слѣдовалъ послѣ смерти К. И. Мая и его преемникъ, бывший его ученикъ и сотрудникъ, Василій Александровичъ Кракау, много заботившійся о дальнѣйшемъ развитіи учебно-воспитательнаго дѣла: онъ открылъ при гимназій реальное училище и этимъ далъ болѣе широкій просторъ развитію индивидуальныхъ способностей учениковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что педагогическій составъ этого учебнаго заведенія будетъ идти и впредь по стопамъ своихъ прежнихъ руководителей, помня, что въ успѣхѣ школы огромное значеніе имѣютъ ея традиціи; тогда школа будетъ всегда оставаться на той высотѣ, на которой она стояла въ теченіе своего полувѣковаго существованія. За это время гимназія дала образованіе и воспитаніе многимъ поколѣніямъ

учениковъ, и многіе изъ нихъ приобрѣли извѣстность на разныхъ поприщахъ научной, общественной и государственной жизни.

Управление С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, близко знакомое съ плодотворною дѣятельностью гимназіи и реального училища К. Мая, привѣтствуетъ это учебное заведеніе въ знаменательный день его полу-вѣкового юбилея и желаетъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія на пользу просвѣщенія“.

Послѣ рѣчи представителя Учебнаго Округа, и. об. директора А. Л. Липовскій назвалъ слѣдующія имена окончившихъ курсъ гимназіи и реального училища К. Мая въ нынѣшнемъ юбилейномъ году и уже поступившихъ въ разныя высшія учебныя заведенія *).

Окончили гимназію К. Мая: Ачкасовъ Сергѣй (съ золотой медалью), Богдановичъ Константинъ, Бородинъ Дмитрій, Брунсъ Фридрихъ, Будзинскій Евгений, Вагнеръ Николай, Вѣкшинъ Николай, Доминскій Юліанъ, Кинертъ Владиміръ (съ золотой мед.), Кларе Александръ, Кракау Александръ (съ золотой мед.), Красновъ Веніаминъ (съ золотой мед.), Кузнецовъ Андрей, Кутлеръ Константинъ (съ серебр. мед.), Кутлеръ Николай, Лампе Георгій (съ серебр. мед.), Макаровъ Александръ (съ золотой мед.), Мальшевскій Николай (съ серебр. мед.), Островскій Измаиль, бар. Мейендорфъ Теофилъ, Ротермундъ Александръ, Фасмеръ Ричардъ (съ серебр. мед.), Якиманскій Григорій.

Окончили реальное училище К. Мая: Бенуа Альбертъ, Гурьевъ Всеволодъ, Коростовецъ Флавій, Крафтъ Александръ, Крафтъ Генрихъ, Лесманъ Фридрихъ, Лукашевичъ Веніаминъ, Мейнгардъ Павелъ, Наумовъ Николай, Пецъ Адольфъ, Поповъ Александръ, Оргъ Албертъ, Нарышкинъ Кириллъ, Ряжскій Николай, Цшохеръ Максимиліанъ, Шендзиковскій Михаилъ, Головъ Владиміръ.

Окончили коммерч. отд. реального училища: Шергольдъ Адольфъ и Мейманъ Евгений.

Къ окончившимъ ученикамъ обратился съ прощальной рѣчью ихъ бывшій классный наставникъ Д. В. Ройтманъ.

„Какъ бывшій наставникъ VIII класса, я считаю возможнымъ высказать нѣсколько пожеланій окончившимъ курсъ въ этомъ году.

„Предъ Вами, за дверьми этой школы, открывается широкая жизненная дорога. Нѣкоторымъ изъ Васъ, быть можетъ, предстоитъ та или иная замѣтная общественная дѣятельность. И жизнь произведетъ Вамъ вскорѣ экзаменъ, много потруднѣе того, который Вы только что

*) Отчетъ гимназіи и реального училища за 1905—6 уч. г. печатается отдѣльно.

выдержали. Этотъ экзаменъ не только обнаружитъ пробѣлы въ Вашихъ познаніяхъ. Такихъ пробѣловъ, конечно, не мало, но знаніе—дѣло наживное, и никогда не поздно его пріобрѣсти. Жизнь испытаетъ самымъ серьезнымъ, иногда даже прямо жестокимъ образомъ Ваши принципы и убѣжденія, Вашу нравственную серьезность, твердость и достоинство Вашего *характера*. Эти качества должны быть на лицо, прежде чѣмъ Вы вступите на тотъ или иной путь жизни.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно эти качества всегда старалась развивать въ своихъ питомцахъ школа Мая, со дня своего основанія, въ лицѣ обоихъ незабвенныхъ своихъ руководителей. Изъ воспоминаній о прошлой жизни гимназіи, изъ тѣхъ педагогическихъ принциповъ, которыми она всегда жила, Вы могли видѣть, что въ школѣ Мая всегда выше всего цѣнилась личность и ея нравственное достоинство. Все прощалось, но никогда не прощались неискренность и нечестность. Все прощалось, но никогда не прощались лживая трусость и пошлое самодовольство. Гимназія Мая всей своей прошлой и настоящей жизнью какъ бы говорила Вамъ, что во всякомъ серьезномъ дѣлѣ люди, ихъ честное настроеніе, ихъ благородство и нравственная серьезность—значать почти все, внѣшнія же формы и учрежденія *безъ этого основного, коренного условія* не значать почти ничего. Школу Мая можно было упрекнуть въ чемъ угодно, но никто не могъ бы сказать, что когда-нибудь, при всѣхъ своихъ ошибкахъ и несовершенствахъ, она предпочла внѣшнія, бюрократическія формы воздѣйствія на учениковъ формамъ нравственного единенія, предпочла внѣшнюю дисциплину дисциплинѣ внутренней, формальныя отношенія къ своимъ питомцамъ — отношеніямъ, основаннымъ на взаимномъ довѣріи и полной искренности.

Вѣра въ человѣка, вѣра въ силу и значеніе его нравственного характера, его благороднаго настроенія—вотъ чѣмъ, мнѣ кажется, всегда характеризовался нравственный обликъ гимназіи Мая. Самымъ фактомъ своего существованія такія школы, какъ школа Мая, доказывали наглядно, что не учрежденія создаютъ хорошихъ людей, и наоборотъ, только благородно-настроенные, твердые характеромъ люди способны создать хорошія учрежденія. Я твердо убѣжденъ, что вообще исторически сложившіяся, унаслѣдованныя формы жизни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только мѣшаютъ хорошо настроенной личности развернуть во всей полнотѣ свои силы. Дѣлаясь легкой игрушкой въ рукахъ людей, преслѣдующихъ чисто эгоистическіе, сословные или личные интересы, эти формы жизни пригнетаютъ именно людей благородныхъ и гуманныхъ убѣжденій. Можно сказать съ увѣренностью, что лучшее, что только можетъ проявить въ жизни благородно-настроенная личность, осуществляется не подъ вліяніемъ традиціонныхъ учреждений, обыкновенно уже пережившихъ самихъ себя, но—вопреки имъ.

Многія учрежденія, основанія въ Россіи хорошими людьми, навѣрно вдесятеро шире развернули бы сферу и силу своего вліянія, если бы имъ не приходилось жить среди гнетущихъ условій нашей общественно-политической жизни,—условій, особенно неблагоприятно отзывающихся именно на великомъ дѣлѣ народнаго образованія, и не только у насъ на Руси, но всюду на земномъ шарѣ.

Какъ въ прежнихъ неоднократныхъ бесѣдахъ съ Вами, о которыхъ я всегда буду вспоминать съ живѣйшей признательностью человѣка, нашедшаго живой откликъ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ, такъ и сейчасъ я не навязываю Вамъ своего убѣжденія. Но я продолжаю думать, что мы живемъ съ Вами въ эпоху, когда личность съ ея духовными силами и запросами, съ ея стремленіемъ къ *свободной* общественности, начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе въ историческомъ процессѣ. Правда, и теперь Вы встрѣтите на своемъ пути не мало соціальныхъ ученій и схемъ, довольно слѣпо вѣрящихъ въ фетишъ учреждений. Тѣмъ не менѣе, уже нѣтъ возврата къ былому порабощенію личности во имя какихъ бы то ни было исторически-навязанныхъ или произвольно-придуманыхъ общественныхъ формъ жизни. Предъ личностью открытъ, до нѣкоторой степени, путь къ свободному развитію своихъ силъ, къ свободной общественной организаціи, и мы должны приложить всѣ свои силы къ тому, чтобы этотъ путь сталъ возможно шире, возможно чище. Не учрежденія создаютъ и спасаютъ жизнь, ее спасаютъ широкіе общечеловѣческіе идеалы, великіе принципы гуманности. Теперь уже можно думать, что человѣчество, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ національностей, оставило за собою эпоху вліянія на жизнь стихійныхъ, безсознательныхъ силъ. Теперь только широкіе общественные идеалы, только твердые нравственные принципы и глубокія научныя познанія способны серьезно двигать жизнь впередъ. Эти идеалы, эти принципы, вмѣстѣ съ серьезнымъ научнымъ знаніемъ, являются нынѣ величайшими движущими силами исторіи. Они далеко не получили еще преобладанія. Звѣрь въ человѣкѣ, стремящійся только къ грубому чувственному наслажденію матерьяльными благами, — этотъ звѣрь еще не умеръ. Традиціонныя формы жизни еще слишкомъ большой тяжестью давятъ всякое стремленіе къ свободному проявленію и развитію здоровыхъ общественныхъ силъ. Но время торжества широкихъ идеаловъ гуманности близко, и можно надѣяться съ нѣкоторымъ правомъ, что, какъ XIX вѣкъ былъ вѣкомъ техническаго прогресса и расцвѣта матерьяльной культуры, такъ вѣкъ XX станетъ вѣкомъ воспитанія въ человѣкѣ великихъ началъ гуманности.

Думаю, что при полномъ сознаніи всѣхъ недостатковъ школы Мая, какъ учрежденія, Вы никогда не упрекнете ее только въ одномъ—въ томъ, что она когда-нибудь стремилась унижить намѣченный мною

общечеловѣческій идеалъ въ угоду какой-бы то ни было предвзятой партійной точкѣ зрѣнія. Полная искренность и честность во взаимныхъ отношеніяхъ, свободное выраженіе своего убѣжденія, серьезный трудъ— вотъ чему здѣсь всегда учили. Школу Мая никогда нельзя было назвать ни монархической, ни демократической, ни республиканской, ни аристократической. Она всегда стремилась быть общечеловѣческой. Навѣрное, съ точки зрѣнія марксиста, ее придется назвать мелко-либерально-буржуазной. Пусть! Не бойтесь кличекъ. Несмотря ни на какую кличку, никто не можетъ сказать по совѣсти, что чье-либо искреннее убѣжденіе потерпѣло здѣсь какой-либо ущербъ, что кому-нибудь давали нравственную оцѣнку съ точки зрѣнія его политическихъ или религіозныхъ взглядовъ. Этого никогда не было и, будемъ надѣяться, никогда не будетъ.

Несмотря на весь ужасъ современнаго общественно-политическаго состоянія нашей несчастной родины, можно, до нѣкоторой степени, надѣяться, что Вы вступаете въ болѣе свѣтлую полосу русской жизни, что миновала навсегда мрачная, уродливая эпоха безвременья, среди которой пришлось жить и дѣйствовать за послѣднія десятилѣтія русской школѣ, среди которой пришлось работать и намъ, Вашимъ наставникамъ. Вамъ будетъ, несомнѣнно, легче и жить, и работать. Позвольте же надѣяться, что Вы понесете въ жизнь наши завѣтные убѣжденія, нашу горячую вѣру въ человѣка, въ силу его нравственныхъ принциповъ, въ значеніе благородно-настроеннаго характера. Позвольте надѣяться, что Вы широко разовьете свои нравственные и умственные силы и станете полезными, неутомимыми тружениками, способными приносить свои личные интересы въ жертву общему дѣлу, въ жертву счастью народному“.

Одинъ изъ окончившихъ гимназію К. Мая въ истекшемъ уч. году *В. Красновъ*—произнесъ въ отвѣтъ слѣдующую рѣчь:

„Прежде всего, спасибо, горячее, искреннее спасибо Вамъ, дорогой Дмитрій Васильевичъ, за Ваши теплыя слова, за Ваше доброе напутствіе. Тѣ три года, когда Вы были нашимъ класснымъ наставникомъ, были для насъ хорошимъ, свѣтлымъ временемъ. Всѣ мы съ благодарностью вспоминаемъ Ваши научныя бесѣды, которыя велись Вами такъ увлекательно, образно и живо, заставившія насъ призадуматься надъ многими явленіями и вопросами разныхъ сторонъ жизни и побудившія многихъ изъ насъ серьезнѣе, глубже и сознательнѣе заняться наукой. То, что почерпали мы въ дружескихъ разговорахъ съ Вами и что слышали отъ Васъ сейчасъ, не пропадетъ и не заглохнетъ въ сердцахъ Вашихъ учениковъ. Вы заповѣдали намъ учиться, вникать въ жизнь, уважать личность и культивировать въ себѣ прежде всего человѣка. Вы научили насъ трезвому взгляду на жизнь, открыли нашему духовному взору широкій кругозоръ и развернули передъ нами

впервые цѣлый рядъ явленій, до этого времени намъ чуждыхъ и незнакомыхъ. Съ какой радостью и любовью подмѣчали Вы въ Вашихъ ученикахъ стремленіе къ знанію, просвѣщенію и всѣми силами старались поддержать и развить его въ нихъ. И какъ тепло и хорошо было намъ съ Вами въ дружеской, семейной обстановкѣ и какъ хотѣлось усвоить, осуществить все то, чему Вы насъ учили и къ чему побуждали. „Будьте человѣчны! стойте внѣ всякихъ партій и ихъ интересовъ, въ рамки которыхъ не можетъ уложиться широкая, разнообразная жизнь“. Таковъ былъ Вашъ завѣтъ, который Вы всегда и вездѣ старались провести, сами слѣдуя ему неуклонно. И мы всѣми силами попытаемся осуществить его въ жизни, обращаясь въ трудныя минуты за помощью и совѣтами къ Вамъ. Дай Богъ Вамъ, Дм. В., много лѣтъ еще служить и работать на трудномъ и великомъ педагогическомъ поприщѣ, попрежнему воспитывая дѣтей въ томъ же духѣ, попрежнему стоя на стражѣ идеаловъ человѣчности и правды. Еще разъ глубоко благодаримъ Васъ за все, не только какъ нашего класнаго наставника и педагога, но и какъ добраго, участливаго друга, память о которомъ никогда, гдѣ бы и въ какихъ условіяхъ мы ни были, не изгладится изъ нашей души!

А теперь позвольте мнѣ, въ этотъ торжественный и знаменательный для насъ день нашего акта и 50-ти лѣтняго юбилея дорогой намъ школы, обратиться ко всему педагогическому совѣту и къ отсутствующему здѣсь Василию Александровичу съ нѣсколькими, хотя и малозначущими, но искренними словами, съ глубокой благодарностью за то многое, чѣмъ Вы снабдили насъ для далекой житейской дороги. Я чувствую, что труднымъ и едва-ли выполнимымъ окажется мое намѣреніе: слишкомъ переполнены наши молодые души, слишкомъ много связано для насъ дорогого и важнаго съ нашими учителями и съ этимъ зданіемъ, чтобы перелить все это въ краткую рѣчь. Я позволю себѣ отмѣтить то, чѣмъ была для насъ школа и чѣмъ былъ для нея В. А.

Полвѣка тому назадъ былъ заложенъ Карломъ Ивановичемъ фундаментъ этого учебнаго заведенія. Гуманность, истина, любовь и высокія культурныя стремленія были основными камнями этого зданія, которое такъ заботливо и неустойчиво строилъ, а впослѣдствіи охранялъ Карлъ Ивановичъ со своими помощниками. И 50 лѣтъ уже стоитъ оно на томъ-же самомъ фундаментѣ, культивируя вложенныя въ него основателемъ идеи добра и справедливости. Проходили года, смѣнялись поколѣнія, перемѣнялся составъ педагоговъ, одни сошли съ жизненной сцены, уступая мѣсто новымъ, другіе скрылись за кулисами ея, не стало и самого Карла Ивановича, но внутри самой школы не произошло никакихъ перемѣнъ по существу, и по-прежнему развѣвается надъ ней флагъ съ великимъ девизомъ: „школа идетъ объ руку съ жизнью и готовитъ для человѣчества смѣлыхъ и честныхъ членовъ“.

Еще при своей жизни Карлъ Ивановичъ назначилъ изъ своихъ учениковъ достойнаго себѣ преемника: во главѣ школы Мая сталъ В. А., вѣрный завѣтамъ и стремленіямъ своего учителя. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ блестяще справился онъ съ возложенной на него трудной задачей, можетъ служить то образцовое состояніе нашей школы, въ которомъ мы застаемъ ее теперь, и то уваженіе, которымъ она по справедливости широко пользуется. Въ душѣ В. А. удивительно гармонично сочетался чуткій, тонкій педагогъ, знающій дѣтскую душу и глубоко гуманный, передовой человѣкъ. Жизнь никогда не успѣвала перегонять его, ибо онъ шелъ всегда неуклонно навстрѣчу разумнымъ и желаннымъ новшествамъ. Въ его душѣ неугасимо пылалъ тотъ благодатный свѣтъ, который составляетъ достояніе немногихъ и отъ котораго всегда такъ тепло бываетъ другимъ и потому-то всѣ его начинанія, помыслы и стремленія были свѣтлы и благотворны. Онъ былъ не ремесленникъ, но творецъ и художникъ въ педагогическомъ дѣлѣ; оно оживало въ его рукахъ, онъ вдыхалъ въ него душу живу. Въ немъ громко говорило сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ за тѣхъ, кого онъ готовилъ для него и для жизни. И потому изъ стѣнъ этого учебнаго заведенія выходили люди, именно люди, сознательные, честные, хранящіе въ тайникахъ своей души гуманные наставленія и завѣты.

Нужно ли повторять все то, что неоднократно уже говорилось здѣсь моими товарищами, кончившими курсъ до меня, что дорогой В. А. былъ для насъ незамѣнимымъ старшимъ товарищемъ, лучшимъ другомъ, къ которому мы обращались въ трудныя минуты за совѣтами, за разъясненіями сомнѣній, и что школа была для насъ истинной „Alma mater“. Мнѣ кажется, это всѣ сознаютъ и глубоко чувствуютъ; достаточно вспомнить хотя бы только тотъ фактъ, какъ всѣ мы были опечалены, узнавъ, что В. А. рѣшилъ безповоротно покинуть нашу гимназію. Я позволю себѣ лучше остановиться на тѣхъ нововведеніяхъ и заботахъ, которыя онъ проявилъ по отношенію своихъ питомцевъ. Я назову тѣ изъ нихъ, которыя совершались на моихъ глазахъ; мнѣ вспоминаются зимнія экскурсіи въ Парголово для бѣганья на лыжахъ, столлярный трудъ, введенный въ нашей школѣ, какъ въ одной изъ первыхъ, сношенія съ атлетическимъ обществомъ и т. п. новшества, укрѣпляющія физику дѣтей, отрезвляющія ихъ отъ городской жизни и вносящія въ школьную жизнь широкое разнообразіе, столь необходимое для дѣтей. Но я подхожу къ тому моменту, или вѣрнѣе событію, когда педагогическая проницательность В. А. проявилась особенно ярко и характерно; къ тому событію, которое сумѣло доказать, что ученики школы Мая, ихъ старшіе товарищи въ лицѣ педагогическаго совѣта и директоръ составляютъ дружную сплоченную семью.

Памятный прошлый учебный годъ былъ тяжелымъ, труднымъ

годомъ для Россіи. Необходимость самыхъ широкихъ просвѣтительныхъ реформъ сказалась во всѣхъ отрасляхъ нашей не только политической, но и академической жизни. Широкое массовое волненіе захватило, разумѣется, и среднія школы, гдѣ чувствовалась та же самая настоятельная потребность измѣненій. Но мы, благодаря особому передовому положенію, благодаря товарищескимъ отношеніямъ съ В. А. и со всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ in corpore, не замѣчали того печальнаго состоянія, въ какомъ находилась средняя школа. Но несмотря даже на такія исключительныя условія, нашъ педагогическій совѣтъ, во главѣ съ В. А., не дремалъ и чутко прислушивался къ грохотавшей и настоятельно требующей жизни. Мнѣ живо вспоминается сѣрый, унылый день, масса учениковъ, собравшихся по желанію В. А. въ одномъ изъ классовъ, какое-то вопрошающее недоумѣніе. Потомъ его трогательная рѣчь съ дрожью въ голосѣ, рѣчь, въ которой онъ обрисовалъ современное положеніе вещей, обратился къ намъ не какъ начальство, а какъ добрый любящій отецъ, со слезами на глазахъ, прося вникнуть въ совершающееся вокругъ насъ, предоставляя намъ право рѣшить самимъ, способны ли мы продолжать занятія въ такіе дни, или желаемъ отложить ихъ на нѣкоторое время. Затѣмъ онъ покинулъ классъ, а мы, тронутые его словами, вынесли почти единогласную резолюцію, содержаніе которой я излагать не стану, но которая успокоила и порадовала его. Потомъ, все такимъ же ласковымъ голосомъ, онъ обратился къ намъ съ немногими теплыми словами и въ заключеніе далъ намъ то, чего такъ усиленно впослѣдствіи добивалась вся средняя школа: совѣтъ старость. Мы разошлись восторженные, глубоко тронутые и безъ конца благодарные своему старшему другу и товарищу В. А. и навсегда унося въ своемъ сердцѣ неизгладимое впечатлѣніе объ этомъ днѣ и о примѣрѣ высокой гуманности и любви къ своимъ ученикамъ. Мнѣ кажется, что этотъ фактъ слишкомъ краснорѣчивъ и въ комментаріи не нуждается.

Къ безграничному нашему сожалѣнію, минувшій годъ все же печально отразился на здоровьѣ дорогого В. А.; послѣдствія были еще болѣе непріятны: онъ покинулъ школу. Это былъ тяжелый ударъ. Но что же дѣлать—большаго требовать нельзя. Онъ слишкомъ много и долго трудился для своей любимой школы, конечно, въ ущербъ своему здоровью, своему спокойствію, но его счастье, его радость было видѣть процвѣтаніе школы и свято хранить завѣты ея основателя. Онъ слился въ одно цѣлое съ ней, ея жизнь была его жизнью, и трудно теперь представить себѣ нашу школу безъ В. А. Но мы все-таки не унываемъ: въ ней попрежнему находится тотъ же преданный своему дѣлу педагогическій совѣтъ, съ однимъ изъ старѣйшихъ его членовъ во главѣ.

Отъ имени своего выпуска привѣтствую Васъ, глубокоуважаемый

Александръ Лаврентьевичъ, на новомъ поприщѣ, въ новомъ званіи какъ смѣлаго и неукоснительнаго борца за правду и свѣтъ, какъ гуманнаго идеалиста, и, наконецъ, какъ достойнаго преемника двухъ первыхъ директоровъ нашей школы. Мы вѣримъ, что знамя, которое крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ В. А., также крѣпко понесете и Вы, А. Л., и Ваши честныя пылкія рѣчи будутъ попрежнему пробуждать лучшія струны въ молодыхъ душахъ, какъ это мы испытали на себѣ и за что глубоко Вамъ благодарны.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на то, что мы вступаемъ въ жизнь въ трудное историческое время, когда старое рушится, а новое еще не создано. И вотъ намъ, молодымъ силамъ, придется взяться за сооруженіе новыхъ зданій, новыхъ формъ жизни. Мы вступаемъ въ иную эпоху; надъ нами занимается новая эра,—заря будущаго. Пламя ея ослѣпительно; при ея свѣтѣ намъ придется работать, и работа наша будетъ трудная, сложная, но благодатная. Счастье человѣчества будетъ побуждать насъ къ ней; его благодарность въ послѣдствіи будетъ для насъ лучшей наградой. Силъ въ насъ много; мы постараемся провести въ жизнь всѣ тѣ идеалы, которымъ насъ учили въ нашей дорогой школѣ, благодаря которой мы идемъ въ житейскій путь твердой поступью, сознательными, честными, неподкупными гражданами, готовыми подражать нашимъ учителямъ, готовые слѣдовать ихъ страстнымъ завѣтамъ. А въ сердцѣ у насъ всегда будутъ звучать слова дорогаго В. А., говорившаго какъ-то: „Старайтесь прожить свою жизнь такъ, чтобы при концѣ ея, оглянувшись назадъ, сказать себѣ: да, я готовъ начать жить съизнова и именно такъ, какъ была мною она прожита въ первый разъ“.

Въ день пятидесятилѣтняго юбилея школа К. И. Мая получила слѣдующіе адреса:

Отъ Тенишевскаго Училища:

„Педагогическій Комитетъ Тенишевскаго Училища приноситъ дружеское поздравленіе гимназіи Мая въ день полувѣкового существованія, желая ей навсегда остаться вѣрной хранительницей добрыхъ началъ, заложенныхъ въ нее и составлявшихъ ея отличительный характеръ въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ. Возникшая не изъ казенной рутины, а по личной инициативѣ просвѣщеннаго педагога, и поставленная благодаря этому съ самаго начала на твердую педагогическую почву въ смыслъ пріобрѣтенія подлинныхъ научныхъ знаній и раскрытія всѣхъ духовныхъ силъ юноши, гимназія отличалась всегда тѣмъ дружнымъ единствомъ педагогическихъ силъ, которое дѣлало совѣтъ гимназіи тѣсною учительскою семьей. Внутреннимъ смысломъ, скрѣпившимъ это единство, было заботливое вниманіе къ запросамъ учениковъ. Наставники и ученики являлись старшими и младшими товарищами, служившими одной общей цѣли. Въ этой товарищеской атмосферѣ развернулись силы не одного поколѣнія, вышедшаго изъ стѣнъ гимназіи.

Въ новое пятидесятилѣтіе гимназія вступаетъ при счастливыхъ условіяхъ: общество пробудилось и поднялось. Гимназія Мая, вѣрная своему прошлому, конечно, отразитъ этотъ общественный подъемъ. Тенишевское Училище отъ души желаетъ своему старшему товарищу постоянного, неослабѣвающего развитія“.

Отъ Гимназіи и Реальнаго Училища Г. К. Штемберга:

„Педагогическій Совѣтъ Гимназіи и Реальнаго Училища Г. К. Штемберга сердечно привѣтствуетъ дѣятелей старѣйшей въ Россіи частной Гимназіи и Реальнаго Училища Мая въ день полувѣковой годовщины ея учрежденія.

Начавшее свою жизнь при тяжелыхъ условіяхъ правительственнаго и общественнаго сомнѣнія въ цѣлесообразности и успѣшности частной педагогической инициативы, учебное заведеніе, учрежденное

К. И. Маемо, путемъ многолѣтней безупречной учебно-воспитательной дѣятельности, завоевало себѣ общія симпатіи и заняло почетное мѣсто въ ряду частныхъ среднеучебныхъ заведеній. Гуманное отношеніе къ дѣтямъ, заботы объ ихъ всестороннемъ духовномъ и физическомъ развитіи, приученіе ихъ къ серьезному, сознательному труду, счастливое умѣніе поддержать тѣсное единеніе семьи и школы отличавшія педагогическую семью училища Мая, даютъ право ожидать, что и въ грядущей половинѣ вѣка эта популярная школа не только останется на высотѣ лучшихъ завѣтовъ передовыхъ русскихъ педагоговъ, но и попрежнему будетъ пролагать новые пути въ вѣчно живомъ школьномъ дѣлѣ“.

Отъ Педагогическихъ Совѣтовъ другихъ учебныхъ заведеній СПБ. получены телеграммы:

„Училищу Карла Ивановича Мая въ день пятидесятилѣтняго юбилея шлетъ свой привѣтъ *женская гимназія Эмилиі Павловны Шаффе*. Полвѣка назадъ, почти одновременно, въ дни высокаго развитія на Руси и общественныхъ и педагогическихъ идей, были основаны обѣ эти школы людьми беззавѣтно преданными гуманнѣйшимъ стремленіямъ эпохи, проникнутыми горячею вѣрой въ свои свѣтлые идеалы и всю жизнь проработавшими дѣйствительно на благо цѣлаго ряда поколѣній. Но эти школы родственны не только по времени основанія, онѣ родственны и по многимъ личнымъ связямъ, онѣ близки и по духу. Вотъ что заставляетъ гимназію Шаффе съ особенною искренностью сказать свое слово привѣта, и только свѣжая еще память о недавней тягостной утратѣ не позволяетъ ей принять непосредственное участіе въ сегодняшнемъ свѣтломъ торжествѣ. Внести въ сознание людей побольше свѣта науки, добра, правды и любви къ труду, развить въ юношѣ свободную самостоятельность и личность, приготовить его для честной и полезной дѣятельности—таковы были задачи всей жизни Карла Ивановича, этимъ высокимъ задачамъ по его кончинѣ всегда служило и училище, и многія сотни бывшихъ его питомцевъ съ любовью говорятъ о своемъ родномъ училищѣ и питаютъ къ нему чувства самой искренней благодарности; въ этомъ—сила училища, его крупное общественное значеніе, въ этомъ—залогъ дальнѣйшаго его развитія еще на многіе и многіе годы“.

„Педагогическій совѣтъ *гимназіи княгини Оболенской* привѣтствуетъ гимназію К. И. Мая въ день пятидесятилѣтняго ея юбилея. Полувѣковая педагогическая работа гимназіи Мая составляетъ крупную и цѣнную страницу въ исторіи Русской школы. Сильная добрыми традиціями, заложенными ея основателемъ и развитыми и укрѣпленными въ дѣятельности *Василія Александровича Кракау*, гимназія Мая заняла

прочное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ и въ симпатіяхъ русскаго общества. Въ дни обновленія русской общественной жизни и русской школы пусть гимназія Мая, опираясь на полувѣковой свой опытъ, встрѣтитъ со свѣтлыми надеждами и трудныя задачи нашего времени. Желаемъ гимназіи Мая успѣха и преуспѣянія и въ новомъ пятидесятилѣтіи“. Княгиня Мещерская, профессоръ *Форстенъ*.

„Позвольте отъ имени педагогическаго совѣта *женской гимназіи Стоюниной* привѣтствовать въ день полувѣкового существованія гимназіи Мая старшаго товарища по частному педагогическому почину и выразить ему искреннее желаніе осуществить, наконецъ, въ Россіи идею свободной общественной школы“. *Стоюнина и Гердъ*.

„Педагогическій совѣтъ *училища св. Анны* поздравляетъ училище К. И. Мая съ его полувѣковой плодотворной дѣятельностію на поприщѣ образованія молодежи и шлетъ ему свои сердечныя пожеланія къ его дальнѣйшему процвѣтанію“. Директоръ *Юс. Кенигъ*.

„Отъ имени Педагогическаго Совѣта *училища при ев.-лютеранской церкви св. Екатерины* поздравляю съ 50-ти лѣтіемъ гимназію и реальное училище К. Мая“. Директоръ *Г. Пантениусъ*.

„Поздравляю отъ моего имени и отъ имени членовъ педагогическаго совѣта училища *св. Петра* гимназію и реальное училище К. И. Мая съ днемъ торжества 50-лѣтняго юбилея и желаю дальнѣйшаго процвѣтанія этому столь славному училищу“. Директоръ *Штейнманъ*.

„Гимназія и реальное училище *д-ра Видемана*, привѣтствуя гимназію и реальное училище К. Мая по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія ими на поприщѣ просвѣщенія и воспитанія подростковъ поколѣній, выражаетъ пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣянія ихъ на почвѣ благотворно и культурно-просвѣтительной дѣятельности“.

„Товарищескія *новыя школы*: Василеостровская, Преображенская, курсы родительскаго союза и училище Л. Д. Лентовской горячо привѣтствуютъ училище Мая въ день полувѣкового юбилея его достойнаго существованія и душевно желаютъ наступленія для училища новой блестящей эры. Существующее здѣсь единеніе учащихся и ихъ родителей съ автономнымъ педагогическимъ совѣтомъ и его уважаемый предсѣдатель А. Л. Липовскій служатъ вѣрнымъ залогомъ того, что въ училищѣ Мая не будутъ забыты какъ гуманные завѣты его основателя, такъ и тѣ новыя требованія, которыя ставитъ школѣ новая Россія“.

„Пріютъ принца *Петра Георгіевича Ольденбургскаго* привѣтствуетъ гимназію съ высокоторжественнымъ днемъ пятидесятилѣтія и горячо

желаетъ ей процвѣтанія въ духѣ тѣхъ началъ, которыя положилъ въ основу воспитанія и обученія ея основатель. Дай Богъ, чтобы огонь гимназіи продолжалъ горѣть также ярко и служить путеводной звѣздой для молодыхъ учебныхъ заведеній“. Директоръ *Сидоровъ*. Инспекторъ *Виноградовъ*.

„Искренно привѣтствую отъ имени сослуживцевъ и своего—директора, учащихся и учащихся гимназіи и реального училища Мая и отъ души желаю дальнѣйшаго процвѣтанія ихъ на благо родного просвѣщенія“. Директоръ гимназіи *Человѣколюбиваго Общества Ивановъ*.

„Педагогическій персоналъ *С.-Петербургской шестой гимназіи* шлетъ сердечное поздравленіе гимназіи Мая въ торжественной день ея пятидесятилѣтія и желаетъ ей дальнѣйшаго процвѣтанія“. *Зоргенфрей*.

„Педагогическая семья *С.-Петербургской седьмой гимназіи* шлетъ свой привѣтъ гимназіи Мая по случаю ея пятидесятилѣтія и сердечно желаетъ послѣдней служить еще долгіе и долгіе годы общему нашему дорогому дѣлу“.

Лично передано привѣтствіе С. В. Мирошниковымъ—отъ гимназіи при *Историко-Филологическомъ институтѣ*.

Отъ бывшихъ преподавателей школы К. И. Мая получены привѣтствія:

Сердечно поздравляю гимназію и реальное училище К. И. Мая съ днемъ 50-лѣтняго юбилея и желаю дальнѣйшаго процвѣтанія этому столь славному разсаднику просвѣщенія.

В. Вилліамсъ.

Какъ бывший преподаватель, сердечно привѣтствую съ полувѣковымъ юбилеемъ учебное заведеніе, о которомъ у меня сохранились лучшія воспоминанія. Считаю для себя счастьемъ, что могъ работать подъ руководствомъ незабвеннаго Карла Ивановича и отъ души желаю, чтобы школа его процвѣтала и была достойнымъ духовнымъ памятникомъ этого истиннаго педагога.

Блумбергъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удастся сегодня присутствовать на актѣ гимназіи К. И. Мая. Шлю привѣтъ этому дорогому мнѣ училищу, въ которомъ я имѣлъ счастье работать не мало лѣтъ, и желаю ему дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія на началахъ, установленныхъ въ немъ незабвеннымъ Карломъ Ивановичемъ.

К. Фохтъ.

Vivat, crescat, floreat училище Мая. Сердечный привѣтъ бывшимъ сослуживцамъ.

Куриловъ.

Въ день полувѣковой годовщины шлю искренній привѣтъ незабвенной гимназіи Мая и горячее пожеланіе продолжать вести своихъ питомцевъ къ свѣту по пути правды и свободы.

Евгеній Гофманъ.

Шлю наилучшія пожеланія учебнымъ заведеніямъ Мая, въ теченіе 50 лѣтъ стремившимся осуществлять въ жизни лучшіе идеалы истиннаго воспитанія и образованія.

Шохоръ-Троцкій.

Отъ *проф. и препод. вольнаго математическаго факультета:*

Школа Мая 50 лѣтъ безкорыстно служитъ истиннымъ нуждамъ просвѣщенія. Всѣмъ обязанная себѣ самой она съ особенной отзывчивостью поддержала частный починъ въ новомъ дѣлѣ устройства вольныхъ лекцій въ минувшую тяжелую годину. Преподаватели, пользовавшіеся ея гостепріимствомъ, шлютъ искреній привѣтъ и пожеланія продолженія ея плодотворной дѣятельности на многіе годы.

Отъ *бывшихъ учениковъ* школы К. И. Мая, не присутствовавшихъ на юбилейномъ актѣ, получены слѣдующія телеграммы:

Zum heutigen Jubelfeste herzlichste Glückwünsche und ferneres Blühen und Gedeihen wünschend

Hermann Eilers.

Позвольте мнѣ привѣтствовать въ памятный день рожденія Карла Ивановича Мая гимназію съ торжествомъ юбилея. Что начато отъ души и съ вѣрой, живетъ вѣчно.

Благодарный бывший ученикъ гимназіи *Николай Бруни.*

Поздравляю Васъ, господъ учителей, и всѣхъ учениковъ родной гимназіи съ торжествомъ пятидесятилѣтняго существованія гимназіи. Процвѣтаніемъ своимъ да прославляетъ гимназія и впредь незабвенную память основателя гимназіи Карла Ивановича Мая.

Бывшій ученикъ гимназіи *баронъ Н. Н. Корфъ.*

Въ день пятидесятилѣтія гимназіи Мая благоговѣйно и съ глубокой благодарностью вспоминаю незабвеннаго Карла Ивановича и шлю гимназіи искреннія поздравленія и лучшія благопожеланія.

Ученикъ выпуска 1874 года *Николай Епанчинъ.*

Не имѣя возможности по нездоровью воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, прошу принять мою благодарность и искреннія пожеланія процвѣтанія педагогической дѣятельности гимназіи, завоевавшей себѣ глубокое уваженіе и полную симпатію общества.

Заленскій.

Поздравляю дорогую гимназію со славнымъ юбилеемъ.

Бывшій ученикъ профессоръ *Адамовичъ.*

Поздравляю съ юбилеемъ. Вспоминаю незабвеннаго Карла Ивановича. Желаю процвѣтанія гимназiи.

Михаилъ Римскій-Корсаковъ.

Пусть судьба раскидаетъ и разбрасаетъ насъ врозь, какъ стоги въ прелестныхъ и унылыхъ стихахъ Алексѣя Толстого, но всегда останутся неразрывными нити, связывающія насъ неразрывной связью съ родной школой. Пью за дальнѣйшее процвѣтаніе родной школы и желаю ей дальнѣйшаго процвѣтанія, той школы, которая дала мнѣ возможность въ теченіе многихъ лѣтъ оставаться вѣрнымъ идеаламъ молодыхъ годовъ и вытекающимъ изъ нихъ убѣжденіямъ зрѣлаго возраста, дала возможность сохранить среди разностороннихъ и тяжелыхъ жизненныхъ ударовъ способность активно служить этимъ идеаламъ, увлекаться ими и вдохновляться ими и тѣмъ самымъ вдохновлять и увлекать другихъ. Школѣ нашей это удалось, какъ удавалось до сихъ поръ немногимъ. Родная школа дорога мнѣ, какъ свидѣтельница многихъ лѣтъ моей лучшей жизни и какъ носительница лучшихъ традицій. Ура!

Капитанъ Николай Скропышевъ.

Вѣчная память Карлу Ивановичу, вѣчная память его покойнымъ сотрудникамъ, безконечное спасибо Василию Александровичу, спасибо Вамъ, учителя — наши товарищи, горячій привѣтъ Вамъ, товарищи майцы. Жалѣю, что этотъ славный день провожу не въ стѣнахъ дорогой школы. Да процвѣтаетъ она и сохранится отъ черной смуты нашихъ дней. Пусть она служитъ разсадникомъ истинной культуры и учитъ уваженію человѣческихъ правъ и достоинствъ. Пусть изъ нея выходятъ не узко тупые партійные фанатики, а честные люди и достойные граждане, понимающіе истинную свободу, какъ высшее благо культурнаго независимаго человѣка. Пусть въ старыхъ стѣнахъ славной школы не зыблются завѣты ея основателя и не слабѣетъ призывъ къ идеаламъ вѣчной правды и неколебимыхъ нравственныхъ началъ и да живетъ тогда школа Мая на пользу дорогой родины!

Рафаилъ Семеновъ.

Сердечно поздравляю мою дорогую школу.

Сергій Должиковъ.

Шлю привѣтъ и присоединяюсь къ бывшимъ и настоящимъ маевцамъ въ день торжества 50-лѣтія родного училища.

Платоновъ.

Сердечныя поздравленія къ 50-ти-лѣтію училища К. Мая шлетъ

Николай Госъ.

Отъ родителей бывшихъ и настоящихъ учениковъ также полученъ рядъ дорогихъ для школы привѣтствій и пожеланій.

Послѣ чтенія рѣчей, адресовъ и телеграммъ, состоялось *музыкальное отдѣленіе*, съ участіемъ учащихся, а въ 7 ч. веч. того же дня состоялся *товарищескій обѣдъ* бывшихъ учениковъ школы К. Мая, бывшихъ и настоящихъ ея преподавателей и членовъ „Общества доставленія средствъ гимназіи и реальному училищу К. Мая“. В. Красновъ прочиталъ на обѣдѣ слѣдующее посвященное имъ школѣ К. Мая стихотвореніе.

Полвѣка назадъ создалась эта школа,
И „майское солнце“ надъ нею возшло!..
И шли въ этотъ храмъ незамѣтный науки,
Гдѣ было всегда такъ тепло и свѣтло.

Гдѣ ярко зажженный огонь просвѣщенья
Горѣлъ съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй,
Гдѣ долго учили и жить и трудиться
Во имя прогресса, во имя людей.

Гдѣ въ дѣтяхъ умѣли развить человѣка,
Любовь къ идеалу вдохнуть въ ихъ сердца;
Гдѣ имъ говорили, что міръ не изъ счастья,
Что слезамъ нѣтъ счета, а горю—конца.

И чуткія дѣтскія души внимали
Великимъ завѣтамъ христіанской любви:
И въ темную жизнь выходили съ желаньемъ
Отдать человѣчеству силы свои.

Полвѣка прошло... И подъ кровомъ родимымъ
Собрались мы, школы питомцы, опять,
Чтобъ вспомнить минувшіе школьные годы,
Привѣтствуя снова „кормилицу-мать“.

Я вѣрю, я знаю: средъ насъ не найдется
Того, безъ любви бы кто вспомнилъ о ней,
И если мы въ стѣны вступаемъ родные,
То кажемся лучше другъ другу, свѣтлѣй.

И вспомнивъ минувшее, вспомнивъ завѣты
Наставниковъ нашихъ, бодрѣ идешь
По длинной, тернистой житейской дорогѣ
И въ истину вѣришь и счастья ждешь!

И хочется жить, какъ учили насъ въ школѣ,
Бороться за правду, свободу, народъ,
И пусть намъ не розы усѣютъ дорогу,
Но черный терновникъ насъ колетъ и жжетъ.

Служи, какъ и прежде, родимая школа,
Наукѣ, прогрессу и правдѣ святой,
И „майское солнце“, какъ символъ прекрасный,
Пуškai также ярко горитъ надъ тобой!

Комитета Фонда имени К. Мач. Имья имени составлены списки
полной истории школы К. М. Мач на 30 лет, ее существование, сосре-
тисся въ лицахъ, жившихъ К. М. и въ бытность существования его, съ
просьбой сообщитъ имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ, какъ для извѣстныхъ
именъ они имъ известны, и для облегченія изслѣдованія истиннаго
вопроса.

II.

Матеріалы и Воспоминанія.

1. Когда К. М. началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
2. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
3. Когда К. М. началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
4. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
5. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
6. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
7. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
8. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
9. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
10. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
11. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?
12. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?

III. Характеристика К. М. Мач.

1. Какъ онъ началъ свою педагогическую деятельность? въ какомъ мѣстѣ?

Комитетъ Фонда имени К. Мая, имѣя ввиду составленіе болѣе полной исторіи школы К. И. Мая за 50 лѣтъ ея существованія, обратился къ лицамъ, знавшимъ К. И. и къ бывшимъ ученикамъ его, съ просьбой сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія, какъ бы незначительными они ни казались, и для облегченія предложилъ нижеслѣдующіе вопросы.

I. Біографія Карла Ивановича Мая.

1. Не извѣстно ли Вамъ чего-нибудь о семьѣ К. И.
2. Не вспоминалъ ли онъ о своихъ школьныхъ годахъ въ Петропавловскомъ училищѣ.
3. Когда К. И. началъ давать частные уроки и не считалъ ли педагогическую дѣятельность своимъ призваніемъ.
4. Какъ и у кого учился К. И. въ С.П.Б. Университетѣ.
5. Откуда особый интересъ К. И. къ географіи.
6. Какіе и у кого давалъ К. И. частные уроки.
7. Не сохранилось ли воспоминаній о первыхъ шагахъ преподаванія К. И. въ учебномъ заведеніи—(Лѣсной Институтъ).
8. Какія вліянія друзей и времени побудили К. И. къ открытію своей школы.
9. Въ какихъ отношеніяхъ К. И. былъ къ а) начальству, б) родителямъ и в) ученикамъ.
10. Не можете ли сообщить болѣе важныхъ фактовъ внѣшней жизни К. И. (семейная жизнь, путешествія и т. п.).
11. Какъ жилъ К. И. въ послѣдніе годы своей жизни.
12. Не помните ли какихъ-нибудь подробностей о юбилейныхъ дняхъ К. И. и о его похоронахъ.

II. Характеристика К. И. Мая.

1. Не можете ли сообщить, насколько широки и глубоки были научныя познанія К. И. вообще и въ предметъ его преподаванія въ частности.

2. Имѣлъ ли К. И. серьезную теоретическую подготовку по педагогикѣ.
3. Кого изъ педагоговъ (иностранныхъ и русскихъ) особенно цѣнилъ К. И.
4. Каковы были нравственные свойства К. И., какъ человѣка.
5. Не можете ли привести болѣе яркихъ примѣровъ твердости характера, справедливости, любви къ учащимся, выполненія своихъ обязанностей К. И. и т. п.
6. Не слышали ли отъ К. И. болѣе интересныхъ признаній о его идеалахъ и сомнѣнїяхъ.

III. Школьные порядки.

1. Не знаете ли что-нибудь о строѣ школы въ самые первые годы ея существованія.
2. Не сохранилось ли у кого-нибудь изъ наслѣдниковъ К. И. матеріаловъ по вопросу организаціи частныхъ учебныхъ заведеній (докладная записка Министру Народнаго Просвѣщенія Головину, работы въ комиссіи А. С. Воронова при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія Толстомъ и прочее).
3. Каковъ былъ составъ курса въ началѣ, и какъ онъ мѣнялся.
4. Какова была постановка предметовъ гуманитарныхъ и реальныхъ.
5. Какая роль принадлежала наглядному обученію (и его виды).
6. Какое было взаимное отношеніе воспитанія и обученія.
7. Въ чемъ заключалось нравственное воспитаніе въ школѣ.
8. Какое воспитывалось отношеніе къ религіи, отечеству, людямъ.
9. Въ чемъ выражалось развитіе эстетическаго чувства учащихся (рисованіе, пѣніе).
10. Не припомните ли чего-нибудь о школьныхъ праздникахъ (спектакли).
11. Какое было физическое воспитаніе въ школѣ (гимнастика).
12. Какое было количество занятій и отдыха.
13. Въ чемъ выражалась учебная дисциплина (наказанія).
14. Не можете ли характеризовать методъ преподаванія въ школѣ К. И. Мая вообще или отдѣльныхъ преподавателей.
15. Какую роль играли повторенія.
16. Какъ ставились отмѣтки.
17. Какой характеръ носили экзамены.
18. Не сообщите ли характеристики Вашихъ преподавателей и товарищей.
19. Не помните ли какого-нибудь случая болѣе характернаго изъ времени Вашего пребыванія въ школѣ К. И. Мая.

20. Не издавалось ли школьных журналовъ, не было ли кружковъ товарищескихъ и т. п.

21. Не устраивалось ли экскурсій.

IV. Жизнь въ пансіонѣ.

PS. Означенные вопросы ничуть не исключаютъ характеристики личности К. И. Мая и жизни школы еще съ другихъ сторонъ и точек зрѣнія.

Въ отвѣтъ на эти вопросы получены печатаемые ниже матеріалы и воспоминанія.

Не сомнѣваемся, что съ каждымъ годомъ число воспоминаній будетъ расти, и они составятъ неперемѣнную часть отчетовъ школы.

I. Къ биографіи К. И. Мая.

К. С. Май ist 1824 in Petersburg geboren. Sein Vater war Preuße, die Mutter Schwedin. Die Eltern К. С. М.'s waren arm: ein wohlhabender, kinderloser Bruder seines Vaters nahm den Knaben zu sich zur Erziehung. Da die Tante Französin war und der Knabe zuerst eine französische Elementarschule besuchte (von Frau Courvoisier), erlernte К. И. diese Sprache zuerst und hatte stets eine große Vorliebe für sie. Später kam К. И. in die Petrischule. Inzwischen starb sein Vater, dann auch der Onkel. Die Tante zog sich ins französische Asyl zurück und gab den Knaben zu einem der Lehrer an der Petrischule in Pension. Da aber die Zahlungen für ihn immer spärlicher einliefen, zuletzt sogar ganz eingestellt wurden, mußte er sich schon mit 14 Jahren den Aufenthalt in der Pension mit Nachhilfestunden bei seinen Mitschülern verdienen. Als er älter wurde und die Vermögensverhältnisse der Mutter immer schwieriger (er hatte drei jüngere Schwestern zu Hause), trat er mit 16 Jahren als bezahlter Hilfslehrer in ein anderes Pensionat ein. Den Unterricht in der Petrischule setzte er indessen fort.

Er beendigte diese Schule mit der Auszeichnung: er erhielt den Ring. Nun richtete er sein ganzes Streben darauf, sich die Mittel zum Studiren zu verschaffen. Dies gelang ihm aber erst nach mehreren Jahren. Denn trotz gut bezahlter Privatstunden, die ihm sein Direktor verschaffte, hatte er jetzt Sorgen genug: er war die alleinige Stütze seiner Mutter und seiner Schwestern, mit denen er wieder zusammen wohnte. Es ging oft knapp genug im Hause her. Er erzählte, wie er einst spät und müde vom Stundengeben nach Hause kam, und die Seinigen im Dunkeln antraf: sie hatten kein Geld, sich Licht zu kaufen. Durch seine Arbeit brachte er es so weit, daß er nicht nur die Seinigen erhielt, sondern auch den Schulunterricht der Schwestern bezahlte und sein Studium an der St. Petersburger Universität fortsetzte.

Als er die Universität beendigt hatte (er hatte Philologie, nebenbei auch Geschichte studiert); wurde ihm angetragen, als Gouverneur des jüngsten Sohnes Андрей ins Haus der Wittve des früheren Ministers Дашковъ einzutreten. Hier blieb er mehrere Jahre und hat stets mit viel Liebe und Anerkennung von dieser Familie und mit besonders hoher Verehrung von Frau Дашковъ gesprochen. Hier, wo ihm viel freie Zeit zur Verfügung stand, benutzte К. И. diese um seine allgemeine Bildung und sein Wissen zu bereichern. Jede freie Minute wurde zum Lesen guter Bücher

benutzt: neben solchen pädagogischen, geographischen und historischen Inhaltes, las er viel philosophische Werke, widmete aber auch stets den Zeitfragen (bis ins späteste Alter), socialen wie politischen, viel Aufmerksamkeit. Ein sehr warmes und freundschaftliches Verhältnis bildete sich zwischen ihm und dem ältesten Sohne des Hauses, Дмитрий. Dieser liebenswürdige und strebsame Jüngling, mit dem K. И. als Erzieher eigentlich gar nichts zu tun hatte, trat ihm besonders nah. K. И. arrangierte für seinen Zögling und Дмитрий Leseabende; es sammelte sich ein Kreis von intelligenten jungen Leuten, deren Namen zum Teil in späteren Jahren oft genannt wurden und deren Wirken, wie das der Brüder Дашковъ, in der Folge viel Anerkennung fand. Mit der Familie Дашковъ machte K. И. auch seine erste und später noch einige Reisen ins Ausland, das Ziel seiner Wünsche von damals. Er und Дмитрий Дашковъ besuchten hier verschiedene Universitäten, hörten Vorlesungen und erweiterten ihr Wissen und ihren geistigen Horizont auf diese Weise nach Möglichkeit. In Paris hielten sich Дашковъ's besonders lange auf, waren aber auch viel in Deutschland.

Von der Stellung bei Дашковъ's trat K. И. selbst zurück, als er, wie er meinte, den Söhnen nichts mehr sein konnte und nahm seine Laufbahn als Lehrer an verschiedenen Anstalten wieder auf. Er war Lehrer an der Schwedischen Schule, der Stürmerischen Knabenanstalt, an der Mädchenschule von Frau Rechenberg und außerdem in verschiedenen Privathäusern. Später trat er auch in das Forstcorps als Lehrer ein, nicht ohne Bedenken, da es hieß, daß die Zöglinge, schon erwachsene junge Leute, nicht leicht zu nehmen seien. Es gelang ihm aber dort über Erwarten gut und zu Ende des Schuljahres wurde er von seinen Schülern (wie er erzählte, zu seinem Schrecken, da er diese russische Sitte noch nicht kannte) mit Hurrahrufen auf seinem Sessel aus der Klasse getragen. Seine Stellung den Studenten gegenüber war in der Folge eine solche, daß er sich ihnen gegenüber manches herausnahm, was nicht ein Jeder von den Lehrern hätte tun dürfen. So hörte er einmal, daß einem Zöglinge sein Herbarium, welches er sich mit jahrelanger Mühe zusammengestellt hatte, von seinen Kameraden böswillig vernichtet war. Da er nicht Erzieher war, ging ihn die Sache eigentlich nichts an, aber diese Tat empörte ihn so, daß er in der nächsten Lehrstunde der Klasse das Häßliche, ja Gemeine ihrer Handlungsweise vorhielt. Und die jungen Leute nahmen schweigend und ohne Protest die keineswegs sanfte Strafrede hin.

Den Dienst am Forstcorps gab K. И. auf, als die inzwischen von ihm gegründete Anstalt ihn zu sehr in Anspruch zu nehmen begann. Bei seiner Abschiedsvorlesung wurde ihm beiliegendes Gedicht überreicht.

Der Kreis seiner Privatschüler hatte sich inzwischen immerzu vergrößert, er konnte längst nicht alle Stunden annehmen, die ihm angetragen wurden. So drangen denn Eltern, Freunde und Gönner darauf, er solle eine Schule gründen, um seine pädagogische Tätigkeit fruchtbringender zu gestalten. Es fehlte damals noch entschieden an guten Schulen, besonders auf Wassily-Dstrow, und so gab K. И. nach einigem Schwanken und Zweifeln endlich nach. Am 10. Sept. 1856 wurde die May'sche Schule mit nur wenigen Schülern eröffnet; darunter 2 Heimbürgers, Brandts, 2 Bangs, 2 Steiners, 2 Heyses, Tischbein, Desterreich, Minlos, Ring u. c. Doch schon die nächsten Tagen brachten Zuwachs und die Schülerzahl nahm immer mehr und mehr zu.

Seine Mitarbeiter waren zu Anfang ein Kreis von Freunden, wie Nordmann, Fleischmann, Schneider, Messer, Lugebil, Köppen, Brückner, Paulson, Rogow u. u. Daher war der Charakter der Schule beinahe der eines intimen Familienkreises, wozu noch wesentlich die Mitarbeit seiner beiden jüngeren Schwestern, Emilie und Sophie, beitrug. Sie waren ihm nicht nur in der Wirthschaft, als hauptsächlich auch in der Schule behilflich. Als seine Schwestern, dann auch er selbst heiratete, war es seine Frau, die ihm wiederum als treue Helferin zur Seite stand; leider nur wenige Jahre, da sie ihm zu früh durch den Tod entzissen wurde.

Mit der Zeit wuchs die Zahl der Schüler derart an, daß K. H. sich nach einem andern Lokal umsehen mußte. Da er nichts Passendes fand, kaufte er ein Haus, welches aber auch umgebaut werden mußte. Da K. H. aber von diesen Dingen nichts verstand, so wurde mancher Fehler, mancher Mißgriff begangen, so daß ihn zeitweise wieder schwere Sorgen bedrängten. Die Schule aber nahm einen immer größeren Aufschwung, so daß die pekuniären Sorgen nach und nach wieder schwanden.

Es waren anfangs nur eine oder zwei Klassen mit denen die Schule eröffnet wurde; mit der Zeit, je nach Bedarf, wurden die höheren zugesügt. Daher waren die ersten Lehrpläne sehr einfach. Sie wurden nach und nach, der Zeit und den Verhältnissen entsprechend, verändert. Zum Programm der Kronsgymnasien ging K. H. erst über, als er sich entschloß um die vollen Rechte für seine Lehranstalt einzukommen. Obwohl dies in vieler Hinsicht für die Lehrer, die Schüler und auch ihn eine große Erleichterung der Arbeit bedeutete, fiel ihm dieser Entschluß doch sehr schwer, denn dies bedeutete natürlich, daß er die Selbständigkeit seines Programmes aufgab.

Sein Programm unterschied sich hauptsächlich von denen der Kronsgymnasien durch die Verteilung des Lehrstoffes: er entlastete principiell die jüngeren Klassen auf Kosten der älteren.

Sein Verhältnis zu seinen Schülern und deren Eltern war besonders in den ersten Jahren, ein durchaus herzliches, auf gegenseitiges Vertrauen begründetes. Er stand zu den meisten Familien in nahen Beziehungen und verkehrte gern in denselben. Auch die Beziehungen zu seinen Kollegen waren meist herzlicher und freundschaftlicher Art.

Seine Vorgesetzten verhielten sich größtenteils wohlwollend und mit Achtung zu ihm und zu seinem Wirken.

Daß alle diese Verhältnisse mit der Zeit Wandlungen und Schwankungen unterworfen waren, ist selbstverständlich.

Von den Kuratoren des Lehrbezirks, deren er besonders häufig und mit Dank für ihr humanes und wohlwollendes Verhalten erwähnte, seien hier nur Яновскій und Деляновъ, später Minister der Volksaufklärung, genannt.

Hierbei sei noch ein Vorfall erwähnt, der zur Charakteristik K. H. dienen mag: als das 25-jährige Bestehen der May'schen Schule gefeiert wurde, war der Bericht über die Anstalt nicht soweit fertig, daß er gedruckt werden konnte und lag nur im Manuscript vor. Darin sprach K. H. seinen Dank allen Gönnern und Freunden der Anstalt aus und ganz besonders warm und in ausführlicher Weise dankte er dem früheren Kurator Деляновъ, welcher zu der Zeit wenig gekannt und genannt, in

stiller Zurückgezogenheit lebte. Sehr bald darauf wurde Деляновъ zum Minister der Volksaufklärung ernannt. K. И. strich sofort den betreffenden Passus und ließ nur wenige Worte des Dankes stehen. Er meinte, das große Lob könne ihm bei der jetzigen Stellung Деляновъ's falsch ausgelegt werden.

In sein Programm für die Elementarklasse hatte K. И. auch den Anschauungsunterricht wie auch Froebel'sche Formlehre aufgenommen. Letzterer wurde von Frau Lugebil (der Frau seines Freundes des Universitätsprofessors Lugebil) gegeben. Sie war die Begründerin des ersten Kindergartens in Petersburg gewesen und war von der Kaiserin dafür durch ein Ehrengeschenk ausgezeichnet worden.

Dem Gymnastikunterricht legte K. И. immer große Bedeutung bei und sah es höchst ungern, wenn die Schüler nicht daran teilnahmen. Dieser Unterricht lag zuerst in den Händen von J. Paulsen, mit dem K. И. befreundet war und der in der Folge als hochverdienter Pädagoge viel genannt worden ist.

Gesang- und Zeichenunterricht waren obligatorisch anfangs bis in die höchsten Klassen hinauf. Nach und nach wurden diese Gegenstände aus den höheren Klassen durch das erweiterte Programm verdrängt. Um aber den Gesang für die oberen Klassen wenigstens teilweise zu erhalten (K. И. legte ihm einen hohen erzieherischen Wert bei und liebte ihn sehr), wurden die musikalisch veranlagten älteren Schüler aufgefordert, sich freiwillig dem Schulchor anzuschließen. So wurde es möglich allerlei kleinere und größere Aufführungen zu veranstalten. Es wurden unter anderem aufgeführt: die Glocke von Schiller, eine kleine Oper von Rheinberger, Szenen aus dem Sommer-nachtstraume von Shakespeare, die Märchen von Schneewittchen und Rottkäppchen, Пушкинъ'sche und Жуковский'sche Dichtungen mit Musikbegleitung (zum Пушкинъ und Жуковский-Feste), aber auch ernstere Sachen, wie: Kirchencompositionen von Бортнянскій, von Mozart, Beethoven, Mendelssohn, Haydn u. u. kamen zur Aufführung.

Auch andere, nicht nur musikalische, Aufführungen fanden öfter statt: russische (Гоголь, Тургеневъ und andere), französische (Molière und andere), deutsche, lateinische (von Plautus) und sogar Szenen aus der Antigone in griechischer Sprache.

Mit den Schülern wurden auch häufig kleine Exkursionen nach Токсова, Юкки, Дудергофъ, auch mit dem Dampfer die Newa herauf nach Островки u. u. unternommen.

Die Disziplin, besonders in den Freistunden und Zwischenpausen, mag Manchem, die Anstalt besuchendem, etwas wenig stramm erschienen sein. K. И. aber liebte es, wenn seine Schüler in der Erholungszeit sich recht von Herzen tummeln und durchaus frei bewegten. Er hielt dies für notwendig, nicht nur für ihre physische Entwicklung, sondern auch für die geistige. Ruhe und Aufmerksamkeit in der Klasse könne man von gesunden, normalen Kindern gerechterweise nur dann verlangen, wenn sie mindestens alle Stunde einmal, auf kurze Zeit wenigsten, ihren Gliedern volle Freiheit gewähren dürften.

Gedruckte oder geschriebene Schulregeln gab es nicht: K. И. liebte „den toten Buchstaben“ nicht, das mündliche Verbot mußte genügen. Auch hat es nie einen Karzer in der Schule gegeben: der bestrafte Schüler wurde entweder in eine Klasse

oder ins Kabinet von K. И. eingeschlossen. Auch Entziehung der Mahlzeiten liebte K. И. nicht, nur die süße Speise fiel fort.

K. И. seine Liebe zum Lehrfach ist wohl zum Teil durch die Verhältnisse entwickelt und bedingt, jedenfalls entsprang sie auch einer natürlichen ihm innewohnenden Neigung und Begabung. Er hat der Pädagogik von jeher große Achtung und eine ideale Auffassung entgegengebracht, was er insbesondere einigen seiner Lehrer und hauptsächlich dem Einflusse des von ihm hochverehrten Direktor Collins zuschrieb. Unter den pädagogischen Schriftstellern war entschieden Diesterweg der von ihm Bevorzugte, doch haben die Schriften und Lehren Pestalozzi's, Froebel's, Rousseau's, Arndts und anderer deutscher und englischer Pädagogen und Philosophen viel Einfluß auf ihn und sein Wirken gehabt.

Das pädagogische Leben in Rußland fing damals eben an sich zu entwickeln und K. И. beteiligte sich lebhaft an dieser Bewegung. Er trat als Mitgründer (ГОЛОВИНЪ, РЪДКИНЪ, ПАУЛЬСОНЪ, ЕВТУШЕВСКИЙ, ЭВАЛЬДЪ, ЛУГЕБИЛЬ, М-ме ЛУГЕБИЛЬ), des ersten pädagogischen Vereins in dessen Bestand ein. Leider löste sich die Gesellschaft verschiedener, unliebsamer Verhältnisse wegen wieder auf.

Daß K. И., der auf der Universität Philologie studiert hatte, sich in der Folge der Geographie zuwandte, war erst durch die Notwendigkeit, sich Mittel zum Lebensunterhalt zu verschaffen, bedingt. Es waren zuerst Stunden in Geschichte und Geographie, die ihm angeboten wurden und zufällig gleichzeitig an mehreren Schulen. Da sich K. И. stets (und bis zuletzt) für seine Stunden sehr gewissenhaft und eingehend präparierte, es auch an guten Lehrern, besonders in diesem Fache, fehlte, so wurden seine Stunden bald sehr gesucht. In ihm selbst erwachte das Interesse dafür und wuchs mit der Zeit mehr und mehr und bei seiner lebhaften Art des Vortrags konnte der Erfolg nicht ausbleiben. Er war selbst durchaus überzeugt, daß die Geographie (wie auch die Naturwissenschaft) für die Schule und das Leben eine große Bedeutung habe, die noch lange nicht nach Gebühr anerkannt sei.

Viel zu der Vorliebe für Geographie haben die Vorlesungen Karl Ritters in Wien beigetragen, die K. И. unter anderen auf seinen alljährlichen Ferienreisen besuchte. Karl Ritter ist ja für das Studium der Geographie Bahnbrecher gewesen. Ihm hat Oesterreich es zu verdanken, daß seine Schulen in diesem Fache noch heute oben an stehen sollen.

K. И. unternahm fast alljährlich während der Sommerferien Reisen ins Ausland, wo er gern an irgend einer Universität Vorlesungen von ihm interessierenden, namhaften Professoren hörte, in verschiedenen Lehranstalten hospitierte oder sonst sich geistig erfrischte.

Erst in den letzten Jahren seines Lebens, als seine Gesundheit schon zu wanken begann, brauchte er diese Reisen mehr zu physischer Erholung und Stärkung.

In seinem Auftreten und Wesen war K. И. äußerst einfach und trotz seines vielfachen Wissens in seinen Meinungsäußerungen stets sehr vorsichtig und bescheiden. Er trat nie schroff oder streng mit seinem Urteil hervor, suchte auch nicht seine Meinung einem Anderen aufzudrängen. Wurde er um Rat gefragt, so sagte er einfach was er im gegebenen Falle tun würde, ohne zu versuchen, den Fragenden zu bestimmen

In seinen Entschlüssen war er nicht rasch, schien oft lange zu schwanken, hatte er aber einen Entschluß gefaßt, so war derselbe fast nie rückgängig zu machen. Jeder Streit, jedes allzulaute Wortgefecht war ihm unangenehm, doch ging er einer offenen Aussprache nie aus dem Wege und entwaffnete dabei häufig auch den größten und arrogantesten Gegner durch seine ruhig-freundliche Art. Furcht kannte er nicht, keine moralische und keine physische, trat jeder Gefahr direkt und ruhig entgegen, was bei seiner eigentlich schwächlichen Konstitution sich manchmal erstaunlich ausnahm.

Nachdem K. H. seine Anstalt Bac. A. Kpakay ganz übergeben hatte, setzte er den Unterricht in der Geographie doch noch bis zu seiner letzten Krankheit mit großer Lust und Liebe fort. Er arbeitete in seinem Fache auch immer weiter und da ihn die wenigen Unterrichtsstunden viel freie Zeit ließen, machte er sich daran, einen Kursus für Handelsgographie auszuarbeiten. Auch fing er an, einen solchen für Meteorologie zusammenzustellen. Leider sind es nur Fragmente, die er hinterließ. Arbeiten war ihm nicht nur Bedürfnis, es war ihm eine Lust, ein Vergnügen. Er konnte sich ein Leben ohne Arbeit nicht denken, nichts war ihm verhaßter als der Müßiggang und sein höchster Wunsch war, daß er nie in die Lage kommen möchte, arbeitsunfähig zu werden. Dieser Wunsch ist ihm erfüllt: bis zu seiner letzten kurzen, aber schweren Erkrankung hat er seine Stunden täglich fortgesetzt. Das Wort aus dem Psalm 90, welches ihm auf seinem Denkmal eingeschrieben, findet auf ihn volle Anwendung, das von dem Leben, welches köstlich gewesen, wenn es Mühe und Arbeit gewesen.

II Речь К. И. Мая при передаче имъ учебного заведенія В. А. Кракау.

Я объявилъ циркуляромъ о томъ, что выхожу въ отставку и предложилъ своимъ преемникомъ В. А. Кракау. Утвержденіе его послѣдовало, и я вышелъ въ отставку. По моему мнѣнію, это было тяжелое рѣшеніе—самое тяжелое во всей моей жизни. Оно было принято послѣ долгой борьбы: я долго откладывалъ его, несмотря на болѣзненное состояніе, которое прекращало мою дѣятельность или значительно ее сокращало. Я припомню здѣсь изреченіе Арнольда Томаса, ректора Регби: „Если я не буду въ состояніи взбѣжать по лѣстницѣ къ моимъ классамъ, я буду думать, что настала пора прекратить мою дѣятельность“. Для меня также наступила пора выйти въ отставку.

Сегодня я пригласилъ васъ, мои дорогіе ученики, и вашихъ родителей присутствовать при моемъ послѣднемъ обращеніи къ вамъ.

Прежде всего я обращаюсь къ вамъ, мои дорогіе абитуриенты минувшаго учебного года. Весною мы допустили васъ къ экзамену, и, къ великой нашей радости, вы его успѣшно выдержали. Этотъ успѣхъ есть награда за ваше прилежаніе и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Это пока наиболѣе важный шагъ въ вашей жизни—первый самостоятельный шагъ въ жизни. Ваша удача—лучшая награда намъ, вашимъ учителямъ, за труды и заботы.

Мнѣ остается еще выполнить по отношенію къ вамъ пріятный долгъ, и это будетъ моимъ послѣднимъ директорскимъ дѣломъ: троимъ изъ васъ педагогическій совѣтъ присудилъ медали, а именно: Василию Олю золотую медаль, а Александру Радлову и Рудольфу Цейдлеру серебряныя. Это прекрасное воспоминаніе о достойномъ заключеніи вашей работы, на которое вы и въ позднѣйшее время съ гордостью взглянете, какъ на результатъ своей самодѣтельности.

Еще одно слово, послѣднее обращеніе къ вамъ и къ тѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ, которые могутъ уловить смыслъ моихъ словъ. Я неотступно искалъ и находилъ величайшее удовлетвореніе своей дѣятельности въ развитіи идеальныхъ стремленій въ моихъ ученикахъ. Въ арсеналѣ учебного заведенія есть орудія для достиженія прилежанія,

повиновенія и любви къ порядку: такими орудіями являются: строгость, твердость и взыскательность; но въ груди человѣка существуетъ еще глубоко скрытая струна, которая отзывается только при нѣжномъ соприкосновеніи,—это стремленіе ко всему честному, доброму, истинному и прекрасному. Пробудить и поддержать это стремленіе и составляло задачу учебнаго заведенія. Трудно указать, много или мало было достигнуто въ этомъ направленіи. Мое послѣднее увѣщаніе, мое глубочайшее желаніе, чтобы вы сохранили стремленіе ко всему доброму и прекрасному и нашли въ немъ утѣху.

Теперь обращаюсь къ вамъ, младшіе ученики: вы всѣ стремитесь къ той цѣли, которой достигли ваши старшіе товарищи. Дай Богъ, чтобы ваши успѣхи увѣнчались аттестатами зрѣлости. Прилежаніемъ, настойчивостью и доброй волей вы достигнете этой цѣли; но при этомъ не забудьте главнѣйшаго: благонравнаго поведенія. Все ваше прилежаніе, всѣ знанія мало помогутъ, если ваше сердце недостаточно чисто, если духъ недостаточно покоренъ и кротокъ. Проникнитесь словами поэта: „Wenn sich die Blume selber schmückt, so schmückt sie auch den Garten“. Будьте же всегда прележными, послушными и благонравными учениками: честью школы, гордостью преподавателей, радостью родителей, чтобы вашъ новый вождь, вашъ новый директоръ могъ мнѣ сообщить о васъ только радостныя вѣсти. Онъ принялъ на себя великую и тяжелую задачу; обратитесь къ нему съ любовью и довѣріемъ и облегчите ему трудъ.

Обращаюсь теперь къ вамъ, мои вѣрные сослуживцы, мои уважаемые сотрудники. Рѣдко выпадаетъ на долю человѣка счастье имѣть около себя въ продолженіе 34 годовъ педагогической дѣятельности такую надежную поддержку, такихъ теплыхъ друзей. Съ самаго начала этого моего дѣла со мной дѣлилъ трудъ кружокъ друзей. Когда онъ распался, нашелся новый дѣятельный кружокъ. На ихъ мѣста вступили новыя значительныя силы, которыми школа славилась и славится въ настоящее время. Ваша преданность, ваша любовь къ занятіямъ съ дѣтьми дѣлали работу легкой и пріятной не только мнѣ, но и ученикамъ. Вы помогли возникнуть и удержаться хорошему направленію школы, такъ часто выставляемому родителями и бывшими учениками. Выказывая вамъ, мои дорогіе друзья, мою сердечную благодарность, я надѣюсь, что мнѣ суждено будетъ еще долго потрудиться въ вашей средѣ на болѣе скромномъ поприщѣ, такъ какъ усталъ только директоръ, а не педагогъ.

Къ вамъ, уважаемые родители, высказывая теплѣйшую благодарность за многолѣтнее довѣріе, я обращаюсь теперь съ покорнѣйшей просьбой. Вліяніе школы на вашихъ дѣтей ограничено; много условій должно содѣйствовать, чтобы достичь намѣченной вами цѣли—нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей. Одно изъ главныхъ вліяній—семья: гдѣ она

не помогаетъ, тамъ вся наша работа — напрасно потерянный трудъ. Благодареніе семьѣ и родителямъ, которые съ неизмѣннымъ довѣріемъ и тонкимъ пониманіемъ шли рука объ руку съ нами въ добрые и дурные дни, которые сами предупредительно умѣли облегчать намъ, учителямъ, по правдѣ, нелегкую работу. Всѣмъ вамъ чувствительная глубокая благодарность и сердечная покорнѣйшая просьба оказать то же довѣріе и участіе моему молодому преемнику,—относитесь къ нему съ сочувствіемъ и доброжелательностью такъ, чтобы и онъ могъ со временемъ благодарить васъ, какъ я теперь, искренно и отъ чистаго сердца.

Само собой разумѣется, что моему сердцу наиболѣе близка дальнѣйшая судьба школы. При моемъ удаленіи мнѣ важнѣе всего, по возможности, избѣгнуть потрясенія стараго испытаннаго строенія. Моя забота относится главнымъ образомъ къ старшимъ классамъ, гдѣ каждая малѣйшая перемѣна имѣетъ часто громадное значеніе и гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ младшихъ классахъ. Поэтому я рѣшилъ самолично нести заботу о двухъ старшихъ классахъ и впредь, несмотря на мою официальную отставку. Этихъ учениковъ я желалъ бы сопровождать до ихъ выпуска—желалъ бы поддержать связь съ ними и ихъ учителями. Съ младшими классами гораздо легче предпринять перемѣны, требуемыя временемъ и обстоятельствами.

Важнымъ мнѣ казалось сохранить духъ школы—ея традиціи. Выполнить это условіе ближе всего вамъ, многоуважаемый В. А.: вамъ хорошо знакомы организація и характеръ этой школы. Вы не только были ученикомъ этого заведенія, но и преподавателемъ; въ продолженіе 2 лѣтъ вамъ пришлось исполнять здѣсь обязанности инспектора и, какъ таковому, много разъ со мною встрѣчаться. Поэтому я былъ въ состояніи близко ознакомиться съ вашими педагогическими способностями и оцѣнить ихъ. Я достаточно узналъ вашу склонность къ этому призванію, вашу способность къ неустанному труду, вашу добросовѣстность и вѣрность въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. Отъ васъ, В. А., я могу надѣяться и ожидать, что духъ школы останется неизмѣнно старымъ. Вы сами часто выражали и недавно открыто засвидѣтельствовали, что это и ваше желаніе и всегда будетъ вашимъ стремленіемъ. Я могу поэтому спокойно и съ чистой совѣстью довѣрить вамъ дорогое мнѣ дѣло. Дай Богъ вамъ силу выполнить тяжелую задачу, которою вы приняли, къ вашему собственному удовлетворенію и ко благу юношества, вамъ довѣреннаго. Мои сердечныя пожеланія будутъ сопровождать васъ на вашемъ дальнѣйшемъ жизненномъ пути!

III. Стихотвореніе, посвященное К. И. Маю, при оставленіи имъ занятій въ Лѣсномъ Институтѣ (20 марта 1859 г.).

ГОЛОСЪ СЕРДЦА.

Ужели правда, господа,
Что мы должны разстаться съ Маємъ,
Должны разстаться навсегда
Съ любимымъ нашимъ краснобаемъ?...

О, люди, все отъ насъ берите,
Мы даже жизнь отдали бѣ вамъ,
Хоть географію возьмите—
Оставьте Мая только намъ.

Кто будетъ такъ насъ, одинокихъ,
Разнообразно научать,
Уроки мудрости глубокой,
Шутя, намъ въ голову влагать.

Мы съ нимъ, катаясь по Россіи,
Ее узнали, между тѣмъ
Неумолкаемый витія
Насъ останавливалъ за всѣмъ:

Вездѣ наставникъ даровитый
Для насъ что нужно находилъ,
Онъ изъ Сибири ледовитой
Насъ на экваторъ проводилъ;

И міръ разсказомъ обнимая,
По всѣмъ мѣстечкамъ онъ летитъ,
И льется, льется рѣчь живая—
А классъ недвижимъ и молчитъ:

Умѣлъ онъ скучную науку
Веселой сдѣлать и живой—
Мы никогда не знали скуки,
Уча урокъ его большой.

Въ Руси, съ разсказами живыми,
Мы знали рѣки, города,
Да и съ державами другими
Мы познакомились шутя...

О, вѣкъ бы цѣлый не разстались,
Учитель милый нашъ, съ тобой,
Къ тебѣ мы сердцемъ привязались,
Но что же сдѣлаешь съ судьбой...

Послѣдній разъ сидимъ съ тобою,
Послѣдній разъ внимаемъ мы
Твоимъ рѣчамъ—потомъ судьбою
Ужъ мы на вѣкъ разлучены:

Труба протрубитъ роковая,
Ты насъ оставишь навсегда—
Мы не услышимъ больше Мая,
Но—не забудемъ никогда!...

*IV. Стихи, прочитанные М. Е. Доброписцевымъ на обѣдѣ въ честь
К. И. Мая.*

К. И. МАЮ.

14-го ноября 1890 года.

На лирѣ бы стройной воспѣть добродѣтели Мая хотѣлось;
Но лирные струны въ рукахъ неумѣлыхъ беззвучны остались.
За гусли взялся сгоряча; но хвалебную пѣсню и гусли
Поютъ подъ перстами гудца. Аполлономъ даровъ пѣснопѣнья
Мнѣ не дано свыше; рожденіе музы мое не встрѣчали;
Старушка цѣвницы съ стволами семью костлявой рукой
Не влагала въ пеленки мои и мою колыбель не качала.
Смиренной же прозой умѣстно ль почтить мнѣ дѣянiя Мая,
Полвѣка гремѣвшаго межъ педагоговъ, отцовъ, матерей?...
А если бы лира иль гусли, то лихо бы грянулъ тогда:
Метафоръ не мало найдется и образы есть у меня,
Сравненiя жъ сами ползутъ съ языка. У меня бѣ Аполлону
Часокъ провести, да настроить бы лиру на пѣсенный ладъ,
Тогда рассказалъ бы я вамъ, какъ корабль снарядивши свой, Май
Отправился въ путь по морямъ, океанамъ большимъ.
Какъ плавалъ онъ тридцать годовъ съ четырьмя по тихому лону
И грознымъ волнамъ—(географiя жъ извѣстна ему издавна),
И съ юнгами въ гавань и цѣль, невредимъ возвращался корабль.
Но юнги тѣ, на берегъ вышедъ, не юнги ужъ стали обличьемъ:
Иной лейтенантомъ являлся, другой въ капитаны попалъ,
А тотъ ужъ глядитъ адмираломъ. Домой всѣ ушли; припѣвая,
Живутъ, жоака своего прославляя за трудъ, за науку.
А можетъ—воспѣлъ бы про пастыря добраго, душу свою
Овцамъ отдающаго, стадо свое отъ волковъ, отъ хищниковъ
Въ одеждахъ овечьихъ—стрегущаго, ягнятъ и козлятъ
Дѣлившаго ловко, но рядомъ державшаго ихъ на корму...
Чудесную притчу о сѣявшемъ доброе сѣмя сказалъ бы;
Работникамъ въ садъ нанятымъ въ шестомъ и десятомъ часу
И на два часа появившимся послѣ хозяинъ одно же
Возмездіе далъ—разсказалъ бы и это,—ничто же сумняся...
Картинку съ натуры въ пастушескомъ вкусѣ не дурно списать.. Иль

Представить бы карту земель за полвѣка и нынѣ и Мая
Со страхомъ во взорѣ и болью въ сердцѣ предъ ней:—натворила
Война съ дипломатъей не мало заботъ и печалей ему.
Годилось бы все къ величанію стараго добраго Мая,—
Да звуковъ для хвалъ не найдется безъ лиры; размѣръ бы и вѣренъ,—
А все какофоніей пахнетъ. Сыграла же муза босая
Не добрую шутку со мной... Искрометная влага безъ звучныхъ
Стиховъ оживляетъ не худо. Не выпить ли намъ и еще
За онаго стараго Мая: большое добро онъ принесъ
Какъ кормчій, какъ пастырь, какъ сѣятель, дому владыки правдивый,
Учитель прилежный и юнцевъ и насъ—бородатыхъ мужей.
Поднимемъ бокалы повыше; сильнѣе и громче мы чокнемъ;
Ура... прокричимъ подружнѣе въ честь и во здравіе стараго Мая!..

V. Воспоминанія стараго Майскаго жука съ 1856 по 1864 годъ.

10 сентября 1856 года, въ квартирѣ К. И. Мая въ надворномъ флигелѣ дома Ершова на Васильевскомъ Островѣ по Первой линіи (въблизи Тучкова моста) собралось 10 любознательныхъ юнцовъ, изъ коихъ въ настоящее время еще шестеро здравствуютъ. Это было начало училища К. И. Мая, въ послѣдствіи пріобрѣвшаго громкую и вполне заслуженную извѣстность.

Первый урокъ, если не ошибаюсь, состоялъ въ чтеніи „Der Herbst“ изъ нѣмецкаго учебника Lüben und Nascke.

Число учениковъ, всѣ съ элементарной подготовкой, съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ школа наша переехала въ собственный домъ Карла Ивановича по Десятой линіи, но въ началѣ помѣщалась въ домѣ, выходящемъ на улицу, до окончанія постройки большого дома на дворѣ, въ которомъ, на сколько мнѣ извѣстно, школа помѣщается и до сихъ поръ.

Первый годъ училище состояло изъ одного класса, а затѣмъ въ каждый слѣдующій годъ образовывался изъ учениковъ этого класса старшій классъ.

Изъ школьной жизни первыхъ лѣтъ сохранилось у меня впечатлѣніе о празднованіи столѣтняго дня рожденія нѣмецкаго поэта Шиллера, любимаго поэта Карла Ивановича.

29 октября 1859 г. училище наше приняло праздничный видъ, этотъ день былъ также днемъ рожденія Карла Ивановича, къ празднику были приглашены родители учениковъ и постороннія лица. Насъ, учениковъ, угощали шоколадомъ, на столѣ красовался громадный тортъ, по нѣмецкому обычаю, съ сотней горящихъ свѣчей.

Подробности празднества испарились изъ памяти, помню лишь, что декламировали стихотворенія Шиллера и подъ звуки рояля знаменитое стихотвореніе „Колоколъ“ и, кажется, исполнялось также твореніе Гайдна: „Die Schöpfung“.

Второе подобное торжество было 23 апрѣля 1864 г. въ трехсот-

лѣтній день рожденія Шекспира. Первоначально, кажется, Карлъ Ивановичъ задумалъ отпраздновать этотъ день особенно торжественно, предполагалось разныя сцены изъ твореній Шекспира разыграть учениками въ костюмахъ, но, вслѣдствіе постигшаго въ августѣ 1863 г. Карла Ивановича горя, онъ отъ этой мысли отказался, чѣмъ нашъ чудакъ англичанинъ былъ крайне недоволенъ.

Въ 1863 году Карлъ Ивановичъ имѣлъ несчастье потерять свою молодую жену, урожденную Геймбюргеръ.

Для насъ, учениковъ, въ особенности старшихъ классовъ, эта смерть также была великой утратой, такъ какъ своимъ ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ покойная пріобрѣла нашу любовь.

Недѣли за двѣ, за три до наступленія торжественнаго дня мы стали къ нему приготовляться, и занимались репетиціей своихъ ролей. Карлъ Ивановичъ читалъ намъ Юлія Цезаря. Во время англійскаго урока у Mr. Scholefield'a также репетировали сцены, назначенныя къ исполненію. Нашъ англичанинъ желалъ, чтобы декламація происходила подъ аккомпаниментъ музыки; въ нашемъ классѣ стоялъ рояль, нашелся между нами и музыкальный талантъ, который, разсчитывая, вѣроятно, на плохо развитый слухъ англичанъ вообще, а нашъ въ особенности, бойко сопровождалъ Шекспировскіе стихи мотивами изъ „Прекрасной Елены“.

Помню, какъ разъ, въ разгаръ этого вокально-инструментальнаго концерта, влетѣлъ къ намъ преподаватель изъ сосѣдняго класса съ крикомъ: „Это что такое“? Но нашъ бриттъ невозмутимо огорошилъ его фразой: „Oh, ouir machen Probe von Shakespeare“.

Наконецъ, настало 23 апрѣля. Большой залъ гимнастики былъ обращенъ въ концертный залъ, устроена трибуна для декламаторовъ, у рояля стоялъ бюстъ Шекспира, украшенный лавровымъ вѣнкомъ.

Къ часу собралась публика: родители учениковъ и посторонніе, болѣе 100 человекъ. Карлъ Ивановичъ открылъ торжество рѣчью о воспитательномъ значеніи Шекспира, затѣмъ чередовались рѣчи и декламація по слѣдующей, случайно сохранившейся у меня программѣ:

1. English speech by Mr. Scholefield.
2. Declamation.
 - a) Several parts out of different pieces.
 - b) Merchant of Venice, Act V, Scene I, with Mendelsohn's Notturmo.
3. Rede des Herrn Dr. Brückner.
4. Declamation.
 - a) Heinrich IV, T. 1, Act III, Scene 2.
 - b) Julius Cäsar, Act III, Scene 2.
5. Aus dem Sommernachtstraum.
 - a) Ouverture.
 - b) Declamation, Act I, Scene 2.

c) Scherzo.

d) Melodram, Act II, Scene 1.

e) Hochzeitsmarsch.

f) Elfenchor u. Schlusschor, comp. v. Beez.

Mr. Scholefield указалъ въ своей рѣчи на глубокое знаніе Шекспиромъ человѣческаго сердца, и что ему удавалось изображеніе самыхъ разнородныхъ характеровъ, будь то король или крестьянинъ, ребенокъ или старецъ, молодая дѣвушка или старуха. Dr. Brückner въ своей рѣчи, между прочимъ, говорилъ, что Шекспиръ принадлежитъ къ любимымъ поэтамъ всѣхъ націй, что онъ знатокъ человѣческихъ чувствъ и сочиненія его можно назвать свѣтской Библіей.

Праздникъ вполне удался, остались довольны какъ зрители, такъ и исполнители.

Первые годы Карлъ Ивановичъ преподавалъ ариѳметику, всеобщую исторію и географію. Съ развитіемъ училища часть уроковъ передавалась другимъ учителямъ, но съ географіей Карлъ Ивановичъ не разстался. Въ низшихъ классахъ съ учениками занимались сестры Карла Ивановича—Софья Ивановна и Эмилія Ивановна.

Первоначальныя понятія объ ариѳметикѣ Карлъ Ивановичъ преподавалъ намъ весьма наглядно. Помнится, чтобы усвоить намъ, мальчуганамъ, премудрости десятичной системы употреблялись спички; 10 спичекъ завернутыхъ въ цвѣтной бумагѣ обозначали десятки, десять десятковъ въ бумагѣ другого цвѣта сотни и т. д.

Самымъ любимымъ предметомъ Карла Ивановича была географія, хотя во время урока онъ иногда увлекался другими предметами.

Помню, придетъ Карлъ Ивановичъ въ классъ, понюхаетъ табачку,—онъ не курилъ, но усердно нюхалъ табакъ,—начинаетъ спрашивать изъ заданнаго урока, но мы, зная слабость нашего директора, напоминаемъ ему его обѣщаніе о чтеніи какого-то сочиненія, или задаемъ ему разные вопросы; часто эта хитрость удавалась, и Карлъ Ивановичъ брался за книгу, читалъ Шекспира въ нѣмецкомъ переводѣ или другія сочиненія. Въ экземплярѣ Шекспира, изъ котораго онъ намъ читалъ, всѣ рѣзкія выраженія рукой Карла Ивановича были смягчены, можетъ быть, въ ущербъ великаго поэта, но для сохраненія нашей нравственности. Читалъ онъ выразительно, но довольно сухо. Относительно такихъ отклоненій Карлъ Ивановичъ высказывалъ мысль, что во время урока не такъ важно заниматься заданнымъ предметомъ, но полезно вообще расширить свои познанія.

Въ географіи главное вниманіе было обращено на рисованіе картъ, что у нѣкоторыхъ доходило до совершенства. Карты срисовывались и рисовались на память. Руководствомъ служилъ нѣмецкій учебникъ географіи Daniel'a, который дополнялся словесными объясненіями.

Если, можетъ-быть, Карла Ивановича нельзя признать выдающимся преподавателемъ, но безусловно онъ былъ прекраснымъ педагогомъ, любившимъ свое дѣло всей душой, всѣ старанія прилагалъ къ выбору хорошихъ учителей и зорко слѣдилъ за успѣхами своихъ учениковъ.

Особенное вниманіе было также обращено на физическое развитіе учениковъ, о которомъ у насъ и понынѣ много пишутъ и говорятъ, но, кажется, пока мало дѣлается.

Половина времени большой часовой перемѣны употреблялась, подъ руководствомъ учителя Муравьева, на гимнастическія упражненія на разныхъ аппаратахъ, а также на маршировку. Карлъ Ивановичъ почти всегда присутствовалъ и, размахивая рукой, усердно командовалъ при маршировкѣ: „Азъ, два, азъ, два“.

Остальное время мы, подъ наблюденіемъ одного изъ учителей, занимались на дворѣ разными играми. Во время перемѣны подавался завтракъ, состоящій изъ молока и булокъ. Полупансіонеры послѣ обѣда отправлялись съ однимъ изъ учителей на Петровскій Островъ, развлекались разными играми. Самыя любимыя въ мое время были—рондерсъ и бары.

По возвращеніи въ училище приготовлялись заданные уроки.

Чтобы наглядно показать намъ движеніе земли и луны и разныя явленія, происходящія на землѣ, Карлъ Ивановичъ повелъ насъ къ доктору Изенбеку, у котораго въ особой комнатѣ былъ устроенъ довольно большой теллурій.

Весной или въ началѣ лѣта предпринимались экскурсіи въ чухонскую деревню Токсово, Петербургскую Швейцарію, и также, кажется, въ Дудергофъ. Помню, что я участвовалъ лишь два раза въ путешествіи въ Токсово, которое въ то время мнѣ казалось далѣе, чѣмъ въ послѣдствіи поѣздки во Владивостокъ.

Прогулкамъ этимъ предшествовали длинныя совѣщанія съ Карломъ Ивановичемъ о томъ, куда на этотъ разъ направить путь, что взять съ собой и т. д. Наконецъ, обо всемъ было переговорено и рѣшено, и наша маленькая армія подъ предводительствомъ Карла Ивановича бодро съ пѣніемъ выступала изъ города (желѣзной дороги до Выборга тогда еще не существовало).

Сопровождали насъ и нѣкоторые изъ учителей, припоминаю однако лишь учителя нѣмецкаго языка Нордмана.

Въ Ижорѣ на дачѣ родителей одного изъ учениковъ былъ ночлегъ. Спали, къ великому удовольствію, на сѣнѣ на полу. Тутъ между веселой молодой компаніей не обходилось безъ разныхъ шутокъ, пока не воцарялась тишина. На другой день путешествіе до Токсова. Въ Токсовѣ оставались день или два, много гуляли, пѣли, играли, катались верхомъ на быстрыхъ чухонскихъ лошадкахъ, ночью спали опять на сѣнѣ. Обратный путь совершался такимъ же путемъ. Разъ однако

помню — вѣроятно порядкомъ утомились и домой отправились на телѣгахъ.

Кромѣ физическихъ упражненій Карлъ Ивановичъ обращалъ особенное вниманіе на пѣніе. Онъ былъ большой любитель музыки и часто, шутя, говорилъ намъ: „Если бы у кого изъ васъ оказался теноръ, то сколько бы онъ ни напраказничалъ „ему за поведеніе всегда будетъ пятерка“; но въ мое время никто изъ насъ этой милости не заслужилъ.

Въ душѣ Карлъ Ивановичъ былъ классикомъ и съ особенной любовью относился къ древнимъ языкамъ, первые годы, кажется, самъ преподавалъ ихъ, впоследствии учителями древнихъ языковъ были Люгебиль и Отто. Ревностное желаніе Карла Ивановича было, чтобы одинъ изъ первыхъ его учениковъ поступилъ въ университетъ, но изъ моихъ товарищей никто не исполнилъ этого желанія своего директора; большинство, по атавизму, пошло по стопамъ своихъ отцовъ и посвятило себя коммерціи, лишь трое изъ насъ поступили за границей въ высшее техническое училище. Помню, какъ Карлъ Ивановичъ не на шутку осерчалъ на меня, что я университету предпочелъ высшее техническое образованіе.

Карлъ Ивановичъ принималъ не только живое участіе въ жизни своихъ учениковъ въ стѣнахъ училища, но не менѣе интересовался жизнью ихъ внѣ школы.

Помню, что для отпразднованія дня рожденія матери одного изъ учениковъ сынъ желалъ устроить домашній спектакль. Карлъ Ивановичъ принялъ живое участіе, хотя съ родителями былъ почти незнакомъ, указывалъ на выборъ пьесъ, руководилъ съ своей сестрой репетиціями и представленіями. Когда между учениками старшихъ классовъ возникла мысль читать нѣмецкихъ классиковъ съ распределенными ролями, Карлъ Ивановичъ предлагалъ свои услуги и нѣсколько разъ участвовалъ при чтеніи.

Связь между учениками и директоромъ не прерывалась по выходѣ изъ училища. Въ день рожденія собирались учителя и старые ученики въ квартирѣ Карла Ивановича. Вечеръ проходилъ въ бесѣдахъ, воспоминаніяхъ, а одаренные музыкальными способностями занимали гостей пѣніемъ или игрой.

Въ сентябрѣ 1866 года, въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Петербурга, праздновалось десятилѣтіе со дня основанія школы. Къ обѣду собралось много изъ бывшихъ учениковъ и учителей, во главѣ съ Карломъ Ивановичемъ. Вечеръ прошелъ въ оживленный бесѣдѣ между товарищами и ихъ бывшими учителями; много было выпито брудершафтовъ, особенное удовольствіе доставляло многимъ выпить брудершафтъ съ грознымъ математикомъ Шнейдеромъ, о которомъ рѣчь еще впереди.

Вѣроятно, и послѣ этого были подобныя товарищескіе обѣды, но я могу говорить лишь о томъ, въ чемъ самъ участвовалъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ Карла Ивановича въ 1890 году на актѣ торжественной передачи имъ своего любимаго дѣтища директору В. А. Кракау.

Изъ старыхъ учителей тогда встрѣтилъ только симпатичнаго бывшаго учителя русскаго языка Рогова.

Изъ учителей первыхъ лѣтъ существованія школы помню:

Добродушнаго толстяка Флейшмана, преподавателя древней русско-й исторіи (на русскомъ языкѣ); онъ же, кажется, преподавалъ географію Святой Земли. Относился онъ къ намъ мальчуганамъ сердечно и любовно, часто даже баловалъ насъ шоколадными лепешками. Ученики Флейшмана любили, хотя подъ часъ и подсмѣивались надъ нимъ, когда онъ, погруженный въ думы, разгуливалъ по комнатѣ, вертя между пальцами бумажку и громко разговаривая самъ съ собою.

Учителя нѣмецкаго языка, тщедушнаго болѣзненнаго добраго Нордмана.

Учителя каллиграфіи Мессера, довольно черстваго господина, котораго мы не особенно любили.

Учителя пѣнія Беца, о которомъ воспоминанія у меня не сохранилось, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія всякаго музыкальнаго слуха я былъ забракованъ на первомъ же урокѣ пѣнія.

Законъ Божій лютеранамъ первое время преподавалъ Шаубъ, о которомъ помню лишь, что онъ былъ очень толстъ, впослѣдствіи преподавателемъ былъ извѣстный въ свое время пасторъ Бекманъ; помню лишь, что его уроки по Закону Божьему и Церковной исторіи производили на меня удручающую скуку.

Изъ учителей старшихъ классовъ самая оригинальная личность былъ преподаватель математики Эмиль Шнейдеръ — гроза учениковъ; появилась даже особая болѣзнь *febris Schneideriani*, горячій вспыльчивый, но не злопамятный, бывало обругаетъ насъ, но тотчасъ и забудетъ.

Высокій, безъ усовъ, съ бакенами и волосами пепельнаго цвѣта, въ очкахъ, онъ постоянно волновался и суетился.

Не могу воздержаться, чтобы не рассказать нѣсколько выходокъ нашей грозы.

Разъ, прійдя въ классъ, началъ спрашивать урокъ; спрашиваетъ одного—не знаетъ, второго—тоже не знаетъ, третьяго тотъ же результатъ; тогда нашъ Шнейдеръ, какъ бомба вылетаетъ изъ класса, черезъ нѣкоторое время входитъ въ классъ, таща за руку Карла Ивановича, который на голову ниже его, указываетъ на насъ несчастныхъ и восклицаетъ: „Полюбуйся на этихъ лѣнтяевъ, я имъ больше не учитель“,

сказалъ и влача за собою Карла Ивановича опять исчезаетъ. Такъ мы цѣлый часъ и просидѣли безъ нашего учителя, а изъ окна любовались, какъ онъ громадными шагами разгуливалъ по двору съ Карломъ Ивановичемъ и сильно жестикулируя разговаривалъ съ нимъ.

На слѣдующій урокъ пришелъ и, какъ будто ничего не бывало, продолжалъ съ нами заниматься.

Другой разъ пришелъ въ классъ, сѣлъ на стулъ, но не выдержалъ стулъ нашего математика, и вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ на полъ, такъ что только ноги видны были. Извѣстно, при такомъ зрѣлищѣ весь классъ разразился гомерическимъ хохотомъ, смѣялся отъ души и Шнейдеръ. Сторожъ принесъ другой стулъ, Шнейдеръ хватилъ его мощной рукой и трахъ объ полъ, стукнулъ такъ что ножки разлетѣлись, та же участь постигла второй и третій, пока не нашелся достаточно крѣпкій. (Къ слѣдующему уроку былъ приготовленъ стулъ такихъ солидныхъ размѣровъ, что молодой слонъ могъ бы сѣсть на немъ безъ опасности провалиться).

Наконецъ, всѣ успокоились, урокъ начался, какъ вдругъ одинъ изъ учениковъ опять захихикалъ. „Это что такое“? крикнулъ Шнейдеръ, всѣ мы смѣялись, какъ благородные люди, а теперь ты, негодяй, осмѣлился опять засмѣяться, это пахнетъ улицей (Dass riecht nach der Strasse), вонъ изъ класса! чтобы духу твоего не было, не будь я Эмиль Шнейдеръ, если опять войдешь“. Вышелъ несчастный хохотунъ, но на этомъ разсвирѣпѣвшій математикъ не успокоился, бросилъ гнѣвный взглядъ на лежавшія книги провинившагося и крикнулъ одному изъ насъ: „Выбрось вслѣдъ за негодяемъ книги (Wirf dem Elenden die Bücher nach)“. Приказаніе было исполнено, и книги полетѣли за двери.

На слѣдующемъ урокѣ, извѣстно, весь гнѣвъ прошелъ, все было забыто, и грѣшникъ былъ опять принятъ въ классъ.

Однажды, явился къ намъ въ старшій классъ новый ученикъ, сынъ богатаго коммерсанта, съ довольно солиднымъ видомъ, съ усиками. Шнейдеръ обращался съ нимъ изысканно вѣжливо на вы (насъ старыхъ учениковъ до старшаго класса патріархально тыкали). Спрашиваетъ: „Объясните мнѣ значеніе π “. Но лицо новаго коллеги нашего изобразило полное недоумѣніе.

Какъ, ты не знаешь, что такое π , и дерзнулъ притти ко мнѣ въ старшій классъ?—крикнулъ Шнейдеръ, уже безъ всякой вѣжливости переходя на ты, вонъ отсюда!“

И такъ, сколько помню, новый ученикъ и не былъ принятъ.

Одинъ изъ учениковъ жаловался своему отцу, что Шнейдеръ запугиваетъ учениковъ своей рѣзкостью. Отецъ, хорошій знакомый Карла Ивановича, поговорилъ съ нимъ, а послѣдній вѣроятно уговорилъ Шнейдера быть помягче, но увы, результатъ вышелъ совершенно не ожидаемый.

На слѣдующемъ урокѣ Шнейдеръ спрашиваетъ жаловавшагося ученика: „Ты на меня жаловался“? Тотъ что-то промямлилъ.—„Хорошо, съ сегодняшняго дня, какъ ни старайся, больше двойки ни за познанія, ни за поведеніе не получишь“. Такъ что охота жаловаться вѣроятно прошла.

Но бывало, что нашъ Шнейдеръ былъ въ милостивомъ расположеніи духа и доволенъ нами, тогда требовалъ журналъ съ отмѣтками и всѣмъ прибавлялъ по баллу.

Хотя Шнейдеръ былъ учителемъ математики, но требовалъ, чтобы нѣкоторыя задачи переписывались каллиграфически, при чемъ отмѣтки ставились за красивое писанье.

Разъ одинъ изъ насъ особенно постарался и ожидалъ получить пятерку, но требовательный Шнейдеръ поставилъ лишь четверку.

„Какъ, только четверку? спросилъ постаравшійся удивленно обиженнымъ тономъ“—Что-о-о? крикнулъ грозный математикъ,—тройку, двойку, единицу—вонъ изъ класса!

Товарищи мои вѣроятно помнятъ еще много подобныхъ выходокъ, но будетъ и этихъ.

Не смотря на свои причуды, Шнейдеръ былъ прекрасный преподаватель, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мы вполне усваивали разныя правила и доказательства, а не зубрили ихъ безъ толку. Только впоследствии, занимаясь высшей математикой, я вполне оцѣнилъ тотъ фундаментъ, который онъ положилъ въ насъ. Когда я передъ поступленіемъ въ высшее техническое училище за границей бралъ частные уроки, то мой учитель не говорилъ мнѣ: „Вы хорошо подготовлены, а у Васъ вѣроятно былъ прекрасный преподаватель“. Помню, что Шнейдеръ одного изъ насъ часто посылалъ на кухню за рѣпой или картофелемъ, чтобы изъ нихъ вырѣзывать разные конусы и пирамиды для лучшаго намъ объясненія.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и любимыхъ преподавателей, о которомъ сохранились у меня самыя лучшія воспоминанія, былъ Александръ Брюкнеръ, впоследствии профессоръ въ Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ въ Іенѣ, авторъ многихъ монографій, исторій Петра Великаго и Екатерины II и др.

Преподавалъ онъ у насъ нѣмецкую литературу, всеобщую исторію и основанія политической экономіи.

Небольшого роста, бритый, съ длинными темными волосами, всегда въ веселомъ настроеніи, преподавалъ оживлено и интересно, пересыпая свою рѣчь остротами и шутками. Не прибѣгая къ какимъ-либо строгимъ мѣрамъ, сумѣлъ себя такъ поставить, что его безпрекословно слушались.

Бывало, въ классѣ шумъ и гамъ, посмѣется и Брюкнеръ съ нами,

а потомъ скажетъ: „Ну, господа, посмѣялись и довольно, пора заняться дѣломъ“, и моментально воцарялась тишина.

Брюкнеръ въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками, читалъ *à livre ouvert* изъ русской или французской книги по-нѣмецки, и насъ также упражнялъ въ этомъ искусствѣ.

Хорошій учитель былъ также преподаватель англійскаго языка Mr. Scholefield, высокій сухопарый англичанинъ со странностями, собственными этой націи.

Написалъ онъ комедію *The three black crows*, которая разыгрывалась учениками, и драму въ Шекспировскомъ духѣ *Twenty four hours under the commonwealth*.

Принесъ онъ разъ въ классъ нѣсколько экземпляровъ своей драмы въ красивыхъ зеленыхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ, вызвалъ трехъ изъ насъ, которые брали у него частные уроки, и каждому передалъ по экземпляру съ собственноручной надписью *NN with the author's kind regards*.

Остальные товарищи съ жадностью посматривали въ ожиданіи тоже получить книжку, но тогда онъ обратился къ нимъ примѣрно съ такою рѣчью: „Эти господа (указывая на троихъ) брали у меня частные уроки, я имѣлъ отъ нихъ наживу и потому счелъ своимъ долгомъ ихъ вознаградить, отъ Васъ же я ничего не нажилъ, и потому Вы ничего и не получите“.

Кратко и внушительно, въ британскомъ меркантильномъ духѣ, но сказано было такъ просто, какъ будто такъ и слѣдуетъ, такъ что никто не обидѣлся.

Разъ помню во время англійскаго урока вошелъ Карлъ Ивановичъ съ правительственнымъ инспекторомъ, кажется Деляновымъ, впоследствии министромъ.

Не успѣли эти господа войти въ классъ, какъ нашъ англичанинъ однимъ шагомъ своихъ длинныхъ ногъ за ихъ спиной выскочилъ изъ дверей; когда Карлъ Ивановичъ жестомъ руки сказалъ: „представляю Вашему Превосходительству учителя англійскаго языка“, то вмѣсто учителя, къ удивленію директора и инспектора, оказалось лишь пустое мѣсто.

Когда на слѣдующемъ урокѣ мы спросили своего англичанина, почему онъ удралъ, то онъ объяснилъ свой побѣгъ тѣмъ, что не былъ въ вицмундирѣ.

Не смотря однако на свои странности, Mr. Scholefield былъ прекрасный и добросовѣстный учитель.

Весьма симпатичный учитель былъ преподаватель естественныхъ наукъ, физики и химіи Лауренцъ. Красивый, высокій, плотный мужчина съ темно-русыми бакенами и волосами, безъ усовъ, по внѣшнему виду и въ обращеніи настоящій благовоспитанный gentleman.

Предметъ свой излагалъ интересно, хотя часто отвлекался посторонними разговорами и былъ съ порядочной лѣнцой. Страсть его была постоянно мѣнять учебники: не успѣешь разрѣзать одного, какъ уже приходится купить другой.

Подъ руководствомъ Лауренца разъ въ недѣлю занимались въ хорошо устроенной лабораторіи, при чемъ онъ внимательно слѣдилъ за нашими опытами. Съ Лауренцомъ мы также, какъ выше сказано, посѣщали разные заводы.

Выборъ французскихъ преподавателей въ началѣ былъ не особенно удаченъ, мѣнялись они часто, отличались грубымъ обращеніемъ съ учениками, помню что разъ одинъ швейцарецъ пришелъ утромъ въ классъ подъ хмѣлькомъ съ краснымъ шарфомъ и въ калошахъ и тутъ же заснулъ; но наконецъ Карлу Ивановичу удалось пріобрѣсти прекраснаго учителя въ лицѣ Mr. Jontes, типъ настоящаго изящнаго француза; не смотря на свой немного помятый цилиндръ, онъ имѣлъ видъ *d'un parisien pur sang*, какъ говорится въ комедіи „Гувернеръ“.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ качествъ, онъ былъ прекрасный преподаватель и симпатичный человѣкъ.

Занималъ онъ насъ не только сухой грамматикой, но пришлось разучивать разные сценки и представлять ихъ въ лицахъ.

Выборъ русскихъ учителей въ началѣ былъ также не удаченъ, такъ что не помню даже ихъ фамиліи; если не ошибаюсь, короткое время былъ извѣстный педагогъ Паульсонъ, но о немъ никакихъ воспоминаній не сохранилось.

Наконецъ, мы получили весьма симпатичнаго, благороднаго, добросовѣстнаго учителя Рогова.

Кромѣ русскаго языка преподавалъ онъ такъ же русскую исторію и исторію русской словесности, древнюю по толстой рукописной тетради, которую намъ слѣдовало списывать, но, кажется, не многимъ удалось это одолѣть. Хотя рукопись начиналась примѣрно словами: „Бросимъ бѣглый взглядъ на древнюю литературу“, но, къ сожалѣнію, этотъ бѣглый взглядъ продолжался почти до самаго конца учебнаго года, такъ что еле дошли, кажется, до Ломоносова и много времени потеряли съ Голубиной Книгой и Лукой Жидятой.

Съ новой литературой мы знакомились чтеніемъ, а о прочтенныхъ сочиненіяхъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Грибоѣдова и другихъ должны были писать разборы.

Изъ остальныхъ преподавателей можно упомянуть еще преподавателя древней исторіи Люгебиля: маленькій тщедушный господинъ, съ слабенькимъ голоскомъ, настоящій типъ нѣмецкаго разсѣяннаго ученаго. Преподавалъ онъ довольно сухо, никакого авторитета между нами не имѣлъ, продѣлывались разные шалости, которыхъ онъ не замѣчалъ. Помню, какъ ему разъ показывали довольно неприличный портретъ

Аб-дел-Кадера и спрашивали, вѣрно ли, что это изображеніе древняго царя Кодра, нашъ добрѣйшій Люгебиля внимательно разсмотрѣлъ карточку и объявилъ, что это, судя по костюму, не можетъ быть Кодръ.

Жена Люгебиля преподавала что-то въ младшихъ классахъ и между учениками носила почему-то прозвище Сова—die Eule.

О преподавателѣ греческаго и латинскаго языковъ Отто ничего особеннаго не могу припомнить; былъ онъ довольно сухой и черствый нѣмецъ.

Учитель рисованія Ульяновъ, кажется, особенными выдающимися качествами не обладалъ. Сколько помню, уроки рисованія ограничивались копированіемъ съ оригиналовъ разныхъ ландшафтовъ, съ натуры кажется не рисовали.

Во время уроковъ въ старшемъ классѣ онъ читалъ намъ „Мертвыя души“ и читалъ очень хорошо.

Во время перемѣнъ онъ намъ часто продѣлывалъ свой любимый гимнастическій фокусъ: повиснуть на подбородкѣ на рекѣ, а пальцами вертѣлъ передъ ртомъ, какъ будто играетъ на флейтѣ.

Экзаменовъ при переходѣ изъ одного класса въ другой у насъ не было, два или три раза въ годъ ставились отмѣтки и ученикамъ выдавались цензуры, на которыхъ имя и фамилія лучшихъ учениковъ писались красными чернилами. Если отмѣтки, по пятибальной системѣ, оказались удовлетворительными, то ученика переводили.

Кажется, лишь въ послѣднее время высшее педагогическое начальство пришло къ этому простому рѣшенію—переводить учениковъ по отмѣткамъ и не мучить юное поколѣніе въ лучшее время года экзаменами, чѣмъ расшатываются лишь молодые организмы.

Не помню, съ какого класса насъ раздѣлили на классиковъ и реалистовъ, первые съ обязательнымъ изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ. Въ мое время мы подвергались лишь выпускному экзамену, для учениковъ реального отдѣленія по слѣдующей программѣ:

Законъ Божій, русскій языкъ и словесность, нѣмецкій языкъ и словесность, французскій и англійскій языки, исторія, географія, ариѳметика, геометрія, плоская геометрія, физика, химія, естественная исторія, купеческая ариѳметика и рисованіе.

Экзамены производились устные и письменные (Clausur arbeit), при послѣднихъ въ классѣ въ извѣстный срокъ рѣшались задачи и писались сочиненія безъ всякихъ пособій, подъ наблюденіемъ одного изъ учителей. На устныхъ экзаменахъ присутствовалъ всегда Карлъ Ивановичъ, преподаватель предмета и еще одинъ изъ другихъ учителей. Оффиціальнаго представителя не было.

Въ мое время всѣ предметы, за исключеніемъ русскаго языка, русской исторіи и словесности, а также французскаго и англійскаго языковъ, преподавались исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, хотя учеб-

ники были чисто русскіе; такъ напимѣръ, всеобщая исторія Карломъ Ивановичемъ преподавалась по русскому переводу Вебера, впоследствии Брюкнеръ, впрочемъ, ввелъ Вебера въ оригиналъ.

Математика преподавалась по Буссе и Перевошикову, физика по Ленцу, естественная исторія тоже по русскимъ учебникамъ, кромѣ химіи, для которой руководствомъ служилъ учебникъ Stockhardt'a.

Разговорный языкъ между нами былъ также нѣмецкій.

Майская Школа даже за границей пользовалась хорошей репутаціей: когда я вступалъ въ высшее техническое училище въ Карлсруэ, то былъ принятъ безъ обязательнаго вступительнаго экзамена лишь на основаніи аттестата Майской Школы.

Товарищескія отношенія между нами одноклассниками были болѣе или менѣе сердечныя, что, отчасти, слѣдуетъ отнести и къ тому обстоятельству, что почти всѣ мы происходили изъ одной и той же среды Петербургскаго, нѣмецкаго происхожденія, купечества.

Дружескія отношенія продолжались и послѣ выхода изъ школы, и теперь, когда изъ бывшихъ учениковъ сдѣлались отцы и дѣды, я, по крайней мѣрѣ, всегда съ особой радостью встрѣчаю своихъ бывшихъ товарищей. Воспоминанія о времени, проведенномъ въ Майской школѣ, самыя свѣтлыя и пріятныя.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, кажется, царствовала еще всемогущая розга, у насъ однако о ней ничего не знали, не говоря уже о Карлѣ Ивановичѣ, но никто изъ учителей даже въ младшихъ классахъ до насъ пальцемъ не дотрагивался. Единственнымъ наказаніемъ за разныя провинности служило оставаться послѣ окончанія уроковъ нѣкоторое время въ школѣ, или въ переписываніи, такъ нашъ Шнейдеръ закатывалъ иногда до 10 печатныхъ страницъ.

Хотя мы вели себя въ общемъ какъ подобаетъ благовоспитаннымъ юнцамъ, но извѣстно, не обходилось безъ шалостей, однако никогда не было грязныхъ выходокъ.

Разъ, помню, мы въ чемъ то провинились, тогда Карлъ Ивановичъ сказалъ намъ рѣчь, что къ его прискорбію между нами воцарился нехорошій духъ, который слѣдуетъ изгнать, и предложилъ намъ изъ нашей среды выбрать нѣсколько довѣренныхъ, которые бы непосредственно съ нимъ сносились, что и было сдѣлано, о дальнѣйшихъ результатахъ съ нашими выборными не помню.

Р. Тишбейнъ.

Вильна

6 Апрѣля 1905 г.

VI. Школьные воспоминанія Д. П. Семенова.

I.

Поступилъ я въ школу Карла Ивановича Мая въ январѣ 1864 г. Лишившись своей матери, когда мнѣ было пять мѣсяцевъ, и проводя свое дѣтство въ деревнѣ (Рязанской губ., Данковского у.) у ея тетки, моей крестной матери*), гдѣ у меня не было сверстниковъ, я находился въ обществѣ моей тетки и англичанки гувернантки. Поэтому я привыкъ съ начала своей жизни къ нѣкоторому одиночеству. Пяти лѣтъ я уже умѣлъ читать и писать по-русски, англійски и французски а также зналъ нѣсколько стиховъ и умѣлъ ихъ декламировать на всѣхъ этихъ трехъ языкахъ. Одиночество и общество взрослыхъ придали мнѣ нѣкоторый оттѣнокъ серьезности и мечтательности. Въ деревнѣ я прожилъ до семи лѣтъ, до самой кончины моей крестной. Отецъ мой, овдовѣвъ, отвезъ меня въ деревню, а затѣмъ пребывалъ за границей и совершилъ свое путешествіе въ центральную Азію.

Имѣнье, принадлежавшее моей крестной, долженствовавшее перейти ко многимъ наслѣдникамъ, между которыми былъ и я, было куплено моимъ отцомъ, а потому мнѣ часто приходилось бывать въ немъ и впослѣдствіи. Воспоминанія моего ранняго дѣтства и позднѣйшія сдѣлали мнѣ эту усадьбу особенно дорогой и описаніе ея въ нѣкоторыхъ моихъ школьныхъ сочиненіяхъ восхищали впослѣдствіи моихъ учителей, вслѣдствіе нѣкоторой ихъ поэтичности и теплаго чувства въ нихъ вложеннаго **).

Съ семилѣтняго возраста я былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ къ моей теткѣ Натальѣ Петровнѣ Гротъ, женѣ академика Якова Карловича Гротъ ***), въ семью котораго я и попалъ. Здѣсь моими свер-

*) Екатерина Михайловна Карѣева, урожденная Сафонова, она же воспитывала и мою мать Вѣру Александровну, урожденную Чулкову, свою племянницу.

**) Такое описаніе усадьбы было мною дано въ одномъ русскомъ и въ одномъ французскомъ школьномъ сочиненіи.

***) Яковъ Карловичъ Гротъ скончался Вице-Президентомъ Академіи Наукъ.

стниками явились два моих двоюродных брата—Николай и Константинъ Яковлевичи Гротъ *), изъ которыхъ одинъ былъ на полгода старше, а другой на полгода моложе меня.

Совмѣстное со сверстниками воспитаніе продолжалось не долго; черезъ два года отецъ мой вступилъ во второй бракъ и взялъ меня къ себѣ, гдѣ я до поступленія въ школу былъ опять единственнымъ ребенкомъ съ семьѣ. Сестра и братья мои, рожденные моей мачехой, появились на свѣтъ уже по поступленіи моемъ въ школу, да и вообще были на много меня моложе.

Эти обстоятельства, какъ я уже упомянулъ, сдѣлали меня ко времени поступленія въ школу ребенкомъ нѣсколько своеобразнымъ, привыкшимъ къ уединенію и нѣкоторой мечтательности, а также любившимъ слушать взрослыхъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я былъ нѣсколько преждевременно болѣе развитъ, чѣмъ мои сверстники, и опередилъ ихъ, хотя не прошелъ основательно и систематически даже того, что они прошли. Вотъ та подготовка, съ которою я вступалъ въ школу и съ которою вѣроятно довольно часто приходилось имѣть дѣло ея директору, при поступленіи учениковъ. Карлъ Ивановичъ въ такихъ случаяхъ старался опредѣлить точно и внимательно, какой степени развитія соотвѣтствуетъ поступающій и насколько онъ способенъ пополнить нѣкоторые пробѣлы въ своихъ знаніяхъ и нагнать своихъ сверстниковъ, затѣмъ, руководствуясь этимъ, онъ и опредѣлялъ ихъ въ тотъ или другой классъ.

Домашняя подготовка очень часто не укладывается въ тѣ опредѣленныя рамки, которыя поставлены школьной программой того или другого класса; поступающіе часто въ одномъ ушли сильно впередъ, въ другомъ отстали и К. И., какъ мнѣ кажется, старался принять въ тотъ или другой классъ не на основаніи минимальныхъ познаній, а на основаніи чего то средняго между познаніями ученика въ тѣхъ предметахъ, гдѣ онъ ушелъ впередъ и гдѣ онъ отсталъ отъ сверстниковъ, уже находящихся въ школѣ.

Когда меня привели въ школу, то она мнѣ показалась далеко не столь страшной и суровой, какой ее или, лучше сказать, школу вообще, рисовало мое дѣтское воображеніе. Хотя мнѣ было 11 лѣтъ, но я былъ невеликъ ростомъ и очень худощавъ, съ густою, курчавою, темною шевелюрою. Имѣя 11 лѣтъ, я производилъ впечатлѣніе мальчика лѣтъ восьми.

Какъ только отецъ привелъ меня къ К. И. Маю и оставилъ меня на его попеченіе, добрый и произведшій на меня пріятное впечатлѣніе, Карлъ Ивановичъ повелъ меня въ первый и второй классы на нѣко-

*) Николай Яковлевичъ Гротъ впослѣдствіи профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ, а Константинъ Яковлевичъ профессоръ славянскихъ языковъ и славянской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ.

торые уроки, гдѣ я долженъ былъ подвергнуться опросу, а конечно не формальному экзамену, со стороны различныхъ преподавателей.

Изъ этихъ опросовъ или вступительныхъ экзаменовъ у меня осталась въ памяти бесѣда съ преподавателемъ русскаго языка и словесности Павломъ Игнатьевичемъ Роговымъ *). Этотъ преподаватель впоследствии очень основательно ознакомилъ меня и моихъ товарищей съ русской литературой и имѣлъ немалое вліяніе на наше общее развитіе. Не знаю почему, но во время разговора моего съ Павломъ Игнатьевичемъ зашла рѣчь объ основаніи Петербурга. Я сталъ излагать, слышанное мною отчасти отъ отца, о значеніи нашей столицы, какъ торговаго устья Волги. Хотя Волга, говорилъ я, течетъ въ Каспійское море, но большая часть идущихъ по ней товаровъ поднимается вверхъ по рѣкѣ и тянется по Маріинской и другимъ воднымъ системамъ къ Петербургу, а черезъ него и за границу. Понявъ значеніе Волги, какъ главной внутренней водной артеріи Россіи, Петръ Великій понялъ также, что соединивъ ее съ бассейномъ Невы каналами онъ въ Петербургѣ найдетъ, такъ сказать, торговое устье этой водной артеріи, а потому Петербургъ окажется торговымъ окномъ въ Европу, прорубленнымъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему естественно надлежитъ быть.

Такія рѣчи маленькаго курчаваго мальчика кажется очень позабавили какъ Рогова, такъ и К. И. Мая. Поэтому мнѣ потомъ нѣсколько разъ приходилось путешествовать въ самый старшій классъ гимназіи и повторять свои разсужденія о значеніи Петербурга передъ учениками этого класса, которымъ вѣроятно разсказали о моихъ разсужденіяхъ.

Результатомъ знакомства со мною нѣсколькихъ преподавателей было водвореніе меня во второй классъ гимназіи и въ срединѣ курса, такъ какъ это было въ Январѣ. Помню, что мнѣ даже было указано мѣсто около середины класса, а именно 15-мъ въ классѣ, имѣвшемъ около тридцати учениковъ. При этомъ К. И. сказалъ мнѣ, что онъ надеется, что я буду въ числѣ первыхъ, но сажаетъ меня въ середину, такъ какъ это не должно быть никому обидно. Въ первый-же день моя, похожая на войлокъ, курчавая шевелюра соблазнила уже моихъ новыхъ товарищей. Я съ трудомъ могъ усидѣть спокойно на первыхъ-же урокахъ, такъ какъ меня усиленно дергали за волосы сидѣвшіе сзади меня, совершенно незамѣтно для учителя. Мнѣ приходилось это выносить молча и не подавая никакого вида, что мнѣ больно, чтобы сразу себя хорошо зарекомендовать своимъ новымъ школьнымъ товарищамъ.

*) Преподаватель русскаго языка и словесности, игравшій довольно видную роль въ школѣ и состоявшій, кажется, вмѣстѣ съ тѣмъ, инспекторомъ одной изъ военныхъ гимназій.

Школьный порядокъ былъ такой: три урока отъ 9 до 12 и три урока отъ 1 до 4-хъ, съ промежутками между уроками по семи минутъ *). Послѣ происходившаго въ 12 часовъ завтрака полчаса продолжалась перемена и полчаса занимались гимнастикой. По средамъ и субботамъ было лишь по три урока. Такимъ образомъ обязательная для всѣхъ гимнастика производилась три раза въ недѣлю по получасу. Весною и осенью въ ясные и теплые дни гимнастика безъ приборовъ (вольныя движенія) производилась на дворѣ и всѣми классами одновременно. Въ этихъ случаяхъ выстраивались по росту, маршировали, бѣгали въ строю и т. п. Эти упражненія на дворѣ ученики прозвали Майскимъ парадомъ. Завтракъ состоялъ изъ неограниченнаго количества молока и чернаго хлѣба и одной французской булки каждому. Такъ какъ я былъ не просто приходящимъ, а полупансіонеромъ, то кромѣ субботы и среды, оставался обѣдать въ школѣ, а затѣмъ съ половины шестого до семи и не позже, какъ до восьми, долженъ былъ заниматься приготовленіемъ уроковъ подъ нѣкоторымъ, впрочемъ, довольно поверхностнымъ, наблюденіемъ воспитателей.

Въ школѣ духъ товарищества поддерживался усиленно самимъ Карломъ Ивановичемъ, а также и остальными преподавателями. Такъ, доносы на товарищей не поощрялись и не принимались никогда. Если нужно было узнать кто что-нибудь напроказилъ, причемъ виновникъ проказы не былъ узнавъ, то иногда наказывался весь классъ и освобождался онъ отъ наказанія лишь тогда, когда по настоянію класса виновный сознается самъ, указаніе же на виновнаго со стороны другихъ не принималось вовсе въ расчетъ и не избавляло всего класса отъ наказанія.

Въ виду такого отношенія къ товариществу, оно держалось довольно крѣпко, причемъ держались и не преслѣдовались нѣкоторые обрядности и обычаи, поддерживавшіе товарищескій духъ. Первымъ внѣшнимъ признакомъ этого товарищества было то, что ученики всѣхъ классовъ отъ самаго старшаго до самаго младшаго говорили другъ другу ты. Затѣмъ были нѣкоторыя обрядности пріема въ число товарищей. Въ большую перемену первые полчаса младшіе классы, а вторые полчаса—старшіе выпускались на дворъ, гдѣ они бѣгали, играли въ разныя игры, а зимою въ снѣжки. При этомъ каждый новичекъ подвергался со стороны товарищей мытью снѣгомъ, т. е. ему терли снѣгомъ лицо, что происходило свободно такъ же, какъ и игры въ снѣжки, въ присутствіи дежурнаго на дворѣ воспитателя. Такому мытью, какъ поступившій въ январѣ, я подвергался уже на слѣдующій день послѣ моего поступленія.

*) Въ старшихъ классахъ были въ нѣкоторые дни (не болѣе 4-хъ разъ въ недѣлю) уроки еще отъ 8 до 9 часовъ утра и чаще всего изъ древнихъ языковъ, такъ что реалисты могли приходить позже.

Во второмъ классѣ мнѣ пришлось пребывать очень недолго— только до весны, такъ какъ съ осени я уже перешелъ въ третій классъ. Новымъ для меня предметомъ была латынь, которой начинали обучать во второмъ классѣ, какъ разъ со второго полугодія. Относительно дальнѣйшаго моего пребыванія во второмъ классѣ у меня сохранилось очень мало воспоминаній. Помню только, что К. И. вѣрно угадалъ мое мѣсто въ классѣ; по своимъ успѣхамъ я такъ и оставался около середины и перешелъ въ третій классъ не особенно блестяще, но и безъ всякихъ препонъ и преткновеній въ видѣ переэкзаменовокъ.

Въ третьемъ классѣ мнѣ пришлось просидѣть два года, отчасти потому, что я много болѣлъ, между прочимъ корью къ веснѣ перваго года пребыванія въ третьемъ классѣ. На второй годъ я опять былъ серьезно боленъ. Помню, что во время этой болѣзни меня навѣстилъ лично самъ Карлъ Ивановичъ Май. Я его узналъ, но мнѣ трудно было ему отвѣчать и, кажется, я отвѣчалъ иногда не въ попадъ, такъ какъ былъ въ бреду.

Въ теченіе двухлѣтняго съ перерывами пребыванія въ третьемъ классѣ я уже вполне освоился со школой, съ ея порядками, учителями, товарищами и проч., причемъ у меня стали яснѣе обозначаться и мои способности, достоинства и недостатки.

На второй годъ моего пребыванія въ третьемъ классѣ стало уже выясняться, что математика мнѣ гораздо легче дается, чѣмъ языки. Въ это время въ третьемъ классѣ преподаваніе ариѳметики лежало на Арнгеймѣ, бывшемъ вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ Маріинскаго Института. Кромѣ ариѳметики я перешелъ, такъ сказать, на постоянное полученіе отличныхъ балловъ и въ географіи, которую преподавалъ самъ Карлъ Ивановичъ Май съ особенною любовью. Помню, что на меня произвело сильное впечатлѣніе его замѣчаніе послѣ оказанныхъ мною плохихъ познаній по географіи: „Какъ тебѣ, сыну извѣстнаго географа, не стыдно получать плохія отмѣтки по географіи. Тебѣ, какъ сыну твоего отца, менѣе пяти по географіи никакъ нельзя получать“. Это на меня оказало такое дѣйствіе, что послѣ того до самаго окончанія курса я меньше четырехъ съ половиною или пяти никогда по географіи не получалъ.

Въ этомъ обязательствѣ я вижу очень удачный пріемъ воздѣйствія на хорошую сторону самолюбія мальчика съ цѣлью побудить его къ болѣе серьезнымъ занятіямъ предметомъ. Впрочемъ, то-же самолюбіе, которое въ данномъ случаѣ заставило меня усердно заниматься географіей, сдѣлало изъ меня отъявленнаго шалуна, способнаго продѣлать какую угодно шалость, не заключающую въ себѣ, впрочемъ, ничего, такъ сказать, подлаго.

Толчкомъ къ тому, чтобы сдѣлаться отчаяннымъ шалуномъ, гор-

дящимся тѣмъ, что онъ никакихъ наказаній не боится, было первое наказаніе, которому я подвергся въ третьемъ классѣ.

Пока я ни разу не былъ наказанъ, я гордился такою своею незапятнанностью и могъ похвастать, если не тѣмъ, что я во всѣхъ предметахъ получаю хорошія отмѣтки (языки у меня хромали, какъ новые, такъ въ особенности латынь), то по крайней мѣрѣ своимъ хорошимъ поведеніемъ и тѣмъ, что я ни разу не былъ наказанъ.

Однажды во время одного изъ уроковъ я былъ однимъ учителемъ поставленъ въ уголъ, за нечаянно произведенный мною какой-то шумъ. Виноватымъ я себя не чувствовалъ и сталъ просить не подвергать меня наказанію, въ виду того, что, будучи уже болѣе года въ школѣ, я ни разу наказанъ не былъ. Учитель, не помню теперь уже который, остался неумолимъ. Помню, что я плакалъ, просилъ еще, но ничего не помогло—меня выгнали на остальную часть урока изъ класса и, что всего хуже, вписали мое имя въ штрафной журналъ.

Съ этого времени я и обратился въ самага отчаяннаго во всей школѣ шалуна, не боявшагося никакихъ наказаній, и эту репутацію я поддерживалъ до пятого и шестого класса. Самый страхъ наказанія во мнѣ совершенно исчезъ и я, наоборотъ, сталъ видѣть удовлетвореніе своего самолюбія именно въ томъ, что я никакого наказанія не боюсь *).

Дѣйствительно, послѣ того, когда меня наказывали, записывая въ штрафной журналъ и заставляя отсидѣть въ школѣ лишній часъ, на сообщеніе объ этомъ, дѣлаемое разсерженнымъ учителемъ, я дерзко отвѣчалъ: „отчего не на два, пишите два часа“. Иногда мнѣ и въ самомъ дѣлѣ удваивали наказаніе. Товарищи мои немилосердно побуждали меня безпрестанно къ какимъ нибудь выходкамъ. Стоило имъ сказать, что у такого-то учителя ты нашалить не посмѣешь или на такую-то выходку ты никогда не дерзнешь, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ шалость у строгаго учителя или смѣлая выходка были мною осуществлены.

Каждый обучавшійся въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, гдѣ имѣется много преподавателей, вѣроятно наблюдалъ, что между ними имѣются такіе, у которыхъ шалятъ и плохо слушаются, и такіе у которыхъ вовсе не шалятъ и которыхъ слушаются безпрекословно. Первые иногда бываютъ и вспыльчивы и кричатъ и сердятся и наказываютъ, но это ничего не помогаетъ и ихъ всетаки плохо слушаются и всетаки у нихъ много шалятъ, шумятъ и т. п. Тѣ-же, у которыхъ все смирно и чинно, никогда не кипятятся, мало или почти вовсе не наказываютъ, но тѣмъ не менѣе какъ то умѣютъ внушить уваженіе къ себѣ и за-

*) Здѣсь не лишнее припомнить, что въ школѣ К. И. Мая мальчикъ образцоваго поведенія могъ быть даже и рѣзвымъ и бойкимъ и притомъ безукоризненнымъ товарищемъ.

ставить повиноваться. Къ числу преподавателей этой второй категоріи безусловно принадлежалъ Эмилій Отто, нынѣ уже покойный. Впослѣдствіи онъ былъ первымъ директоромъ и создателемъ нѣмецкаго приходскаго училища святой Екатерины. Во время моего пребыванія въ училищѣ К. И. Мая онъ преподавалъ тамъ языки нѣмецкій и латинскій и, кромѣ того, состоялъ въ числѣ воспитателей. Ему были поручены пансіонеры, въ дортуарѣ которыхъ онъ и самъ спалъ и которыхъ утромъ онъ же будилъ, стаскивая у иныхъ вновь засыпавшихъ сначала одѣяло, а затѣмъ и подушки. Отто настолько умѣлъ внушить ученикамъ повиновеніе, что пожалуй его боялись больше, чѣмъ самого Карла Ивановача Мая, который былъ вообще мягче и умѣлъ всегда стать въ такія простыя и откровенныя отношенія съ каждымъ воспитанникомъ, что они хотя конечно безусловно слушались своего директора, но чувствовали себя съ нимъ гораздо свободнѣе, чѣмъ съ нѣкоторыми изъ преподавателей, напр. съ Отто. Въ то время въ училищѣ инспектора не полагалось вовсе и все дѣло велъ Карлъ Ивановичъ самъ, но неофициально роль инспектора или помощника Директора принадлежала Отто. Когда К. И. почему либо не было или къ нему нельзя было обращаться, какъ къ Директору, то обращались всегда ни къ кому иному какъ къ Отто.

Во время уроковъ Отто царила всегда такая тишина, что можно было слышать какъ муха пролетитъ. О шалостяхъ никто не помышлялъ, а потому никто за шалости имъ и наказываемъ не былъ. Вотъ товарищи мои по третьему классу разъ и начали меня увѣрять, что на урокѣ у Отто я не рѣшусь выкинуть какую-нибудь шалость. Этого было достаточно для того, чтобы на одномъ изъ слѣдующихъ уроковъ этого почтеннаго педагога я выкинулъ какое то школьничество. Это его очень удивило и онъ конечно записалъ меня въ штрафной журналъ, опредѣливъ мнѣ наказаніе отсидѣть (Nachsitzen) лишній часъ въ школѣ послѣ уроковъ. „Отчего не два“, сказалъ я ему, какъ я это дѣлалъ съ другими учителями. За эту дерзость онъ учетверилъ наказаніе. Однако этимъ и я еще не ограничился. Журналъ всегда хранился въ классѣ и всякій могъ его видѣть, но никто изъ учениковъ, конечно, не отваживался дѣлать въ журналѣ какія либо поправки. Отто записалъ меня въ журналъ по-нѣмецки, причемъ мою фамилію записалъ не совсѣмъ правильно Semionow, вмѣсто Semenov, какъ пишутъ мою фамилію на иностранныхъ языкахъ въ моей семьѣ. Я поправилъ ошибку, дважды подчеркнулъ слово и написалъ сбоку въ журналѣ „одна грубая ошибка“ (Ein grober Fehler). За это разумѣется я еще разъ былъ наказанъ, но за то всѣ товарищи увѣровали, что Семеновъ дѣйствительно никакихъ наказаній и никакихъ даже самыхъ строгихъ учителей не боится.

Наказаній мнѣ назначенныхъ стало накапливаться столько, что по временамъ для отбытія ихъ меня заставляли приходить въ школу по

воскресеньямъ. За мою шаловливость въ любой казенной гимназіи я бы вѣроятно былъ исключенъ, но К. И. меня не исключалъ, видя, что шалости мои хотя и дерзки, но въ общемъ невинны. Однажды, когда я кажется былъ уже въ пятомъ классѣ, К. И. сталъ меня уговаривать и увѣщевать; ссылаясь на то, что я уже не маленькій, онъ спросилъ меня когда же я, наконецъ, оставлю не подходящія уже къ моему возрасту шалости и ребячества. На это я просилъ, чтобы меня перестали наказывать, тогда я перестану шалить по собственной инициативѣ, а то выйдетъ какъ будто меня заставили прекратить шалости наказаніями. Помню, что К. И. на это сказалъ мнѣ: „ты кажется не понимаешь, что ты теперь опять говоришь дерзость“.

II.

Въ школѣ К. И. Мая, во время моего въ ней пребыванія, часть предметовъ преподавалась на русскомъ языкѣ, а часть на нѣмецкомъ. Какъ по этому, такъ и по самымъ программамъ преподаванія она ближе подходила къ такимъ нѣмецкимъ приходскимъ училищамъ, какъ Петропавловское, Анненское и др., чѣмъ къ казеннымъ гимназіямъ. На русскомъ языкѣ преподавались: русскій языкъ, русская исторія, ариѳметика, физика, химія, естественныя науки и географія. На нѣмецкомъ языкѣ — кромѣ самого нѣмецкаго языка и литературы, еще древніе языки, всеобщая исторія, алгебра и геометрія. Изъ новыхъ языковъ, кромѣ нѣмецкаго, былъ обязателенъ для всѣхъ французскій языкъ, причемъ проходила и исторія французской литературы, кромѣ того желающіе обучались еще и англійскому языку. Химія и естественныя науки проходились всѣми, какъ классиками, такъ и реалистами.

Хотя школа и раздѣлялась на классическое и реальное отдѣленія, но ученики обоихъ отдѣленій сидѣли на общихъ для того и другого отдѣленія урокахъ вмѣстѣ. Только на урокахъ латыни и греческаго сидѣли одни классики. Реалисты въ это время проходили такъ называемую купеческую ариѳметику (*kaufmännisches Rechnen*), а иногда уроки древнихъ языковъ бывали отъ 8 до 9 часовъ утра или отъ часу до двухъ по средамъ и субботамъ, и тогда реалисты въ это время были свободны.

Для преподаванія химіи при школѣ имѣлась, кромѣ физическаго кабинета, небольшая лабораторія, помѣщавшаяся въ нижнемъ этажѣ рядомъ съ передней *). По французскому языку были устроены два раза въ недѣлю для пансіонеровъ и полупансіонеровъ еще вечернія практическія занятія. Эти практическія занятія заключались въ томъ, что пансіонеры и полупансіонеры собирались на часъ отъ 6 до 7 въ

*) Теперь помѣщеніе этой лабораторіи отведено также подъ шинельную, именно та комната шинельной, которая окнами выходитъ на задній дворъ.

какомъ нибудь классѣ. Къ нимъ приходилъ преподаватель французскаго языка, всѣми очень любимый Жонтъ, состоявшій и въ числѣ воспитателей. Въ теченіе этого часа каждый изъ учениковъ по очереди рассказывалъ все, что ему вздумается рассказывать, но непременно по французски, а преподаватель поправлялъ его когда онъ выражался неправильно или неудачно. На этихъ урокахъ рассказывались иногда страшныя приключенія и исторіи, иногда анекдоты и вообще разговоры велись оживленно и весело.

Обязанности воспитателей, изъ которыхъ Отто и Жонтъ жили въ самомъ училищѣ, состояли въ дежурствѣ во время рекреаций, большой перемѣны днемъ, а также вечеромъ послѣ обѣда, когда могли бѣгать и рѣзвиться пансіонеры и полупансіонеры. Иногда воспитатели и сами руководили нѣкоторыми играми воспитанниковъ, какъ въ залѣ, такъ и на дворѣ. Само собою разумѣется, что Отто и другой воспитатель, преподававшій нѣмецкій языкъ въ младшихъ классахъ Бемъ, какъ нѣмцы, разговаривали при этомъ съ учениками по-нѣмецки, а Жонтъ, какъ французъ, по-французски, чѣмъ увеличивалась еще разговорная практика въ новыхъ иностранныхъ языкахъ.

Въ дневную перемѣну, какъ уже сказано было мною выше, полчаса посвящались гимнастикѣ, а полчаса — свободнымъ играмъ, при чемъ желающіе отправлялись на дворъ, гдѣ также всегда дежурилъ кто-нибудь изъ воспитателей. Зимой на дворѣ любимую игрою была конечно игра въ снѣжки. Выходили на дворъ дѣти почти всегда безъ верхняго платья. При игрѣ въ снѣжки раздѣлялись на двѣ партіи, становились по обѣ стороны двора и взаимно бомбардировали другъ друга снѣжками. Снѣжковое сраженіе иногда кончалось переходомъ въ атаку начинающей одолѣвать партіи и общимъ мытьемъ въ снѣгу побѣжденныхъ. На дворѣ былъ насыпанный надъ ледникомъ земляной холмъ *), на которомъ помѣщался обыкновенно дежурный воспитатель. Иногда одна изъ партій занимала холмъ и защищала его, а другая его атаковала. Я очень любилъ, особенно когда находился въ четвертомъ и пятомъ классахъ, игру въ снѣжки. Обыкновенно я старался чтобы моя партія зашла во флангъ противнику постепенно загоняя его въ одинъ уголъ двора ибо тогда, противной партіи, очутившейся въ одномъ углу и обдаваемой снѣжками съ двухъ и съ трехъ сторонъ, естественно доставалось сильнѣе, такъ какъ въ кучу каждый снѣжокъ попадалъ и въ такомъ случаѣ иногда получалась полная побѣда. Противники начинали по одиночкѣ убѣгать совсѣмъ со двора и наконецъ обращались въ бѣгство и послѣдніе оставшіеся. Для занятія такого положенія надо

*) Нынѣ этотъ холмъ уничтоженъ, онъ находился въ правомъ заднемъ углу двора, на верху его была довольно значительная площадка выстланная деревяннымъ поломъ и окаймленная съ четырехъ сторонъ перилами, поднимались на нее по деревянной лѣстницѣ.

было сбить сначала одинъ изъ фланговъ противника не давая себя сбить на другомъ флангѣ; съ этою цѣлью усиленно кидались снѣжки въ атакуемый флангъ и на него постепенно надвигались стоящіе противъ него. Тутъ часто загоралась очень жаркая борьба, переходившая въ рукопашную, т. е. начинали кидать уже другъ друга въ снѣгъ и мыть (тереть лицо снѣгомъ).

Лѣтомъ играли въ казаки и разбойники и другія игры. Тѣ же игры, а отчасти чехарда, жгутъ и т. п. игрались въ залѣ, особенно пансіонерами и полупансіонерами послѣ обѣда. Въ это время т. е. отъ 4½ до 6 часовъ на дворъ выходили только весною, когда благодаря длиннымъ днямъ бывало еще свѣтло. Всѣ эти игры съ одной стороны способствовали физическому развитію дѣтей, а съ другой укрѣпляли и товарищество. Правда, иногда эти игры отчасти переходили въ бои между классами и раза два въ теченіе моего восьмилѣтняго пребыванія въ школѣ мнѣ приходилось принимать участіе въ кулачныхъ сраженіяхъ, происходившихъ между двумя классами. Эти сраженія, однако, никогда не кончались увѣчемъ и не принимали слишкомъ ожесточеннаго характера.

Переходя къ воспоминаніямъ о моемъ двухлѣтнемъ пребываніи къ третьемъ классѣ, скажу, что составъ учителей былъ, въ общемъ, очень хорошій, хотя между ними съ одной стороны встрѣчались и не вполне удачные, а съ другой и нѣкоторые, вообще хорошіе и любимые преподаватели, давали поводъ къ насмѣшкамъ со стороны учениковъ и были не лишены нѣкоторыхъ странностей.

Пусть дорогія для меня и до сихъ поръ тѣни моихъ преподавателей, изъ которыхъ большинства или очень многихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, простятъ мнѣ тѣ краткія характеристики, которыя я постараюсь имъ дать. Пусть простятъ мнѣ и тѣ изъ нихъ, кто еще живъ и пожалуй прочтетъ о себѣ нѣсколько строкъ въ моихъ школьныхъ воспоминаніяхъ.

Самой интересной и выдающейся фигурой между преподавателями былъ конечно самъ Карлъ Ивановичъ. Мы, ученики его, по мальчишеству, конечно, и въ этомъ прекрасномъ педагогѣ, по рожденію и по душѣ, находили свои забавныя и слабыя стороны.

Его бритая фізіономія, съ бородою лишь снизу—подъ подбородкомъ, очки и нюханье табака, которымъ онъ занимался, дали поводъ къ карриатурамъ, къ описаніямъ въ стихахъ *). Нѣсколько комичной намъ казалась его привычка напѣвать себѣ подъ носъ что-нибудь **), въ особенности когда онъ останавливался передъ висѣвшей въ залѣ

*) Одни стихи, написанныя мною и Гамдорфомъ, въ гекзаметрахъ, представляли какъ разъ Карла Ивановича.

**) Чаше всего Dessauer Marsch.

большою стѣнною таблицей съ распредѣленіемъ уроковъ по всѣмъ классамъ. Таблица эта была подвижная, т. е. карточки разныхъ цвѣтовъ (для каждаго класса свой цвѣтъ) и съ надписью предмета преподаванія могли выниматься и переставляться по клѣткамъ, соотвѣтствующимъ днямъ недѣли и часамъ каждаго дня. Мы, конечно, не могли ясно себѣ представить той трудной, сложной и скучной работы, которую онъ продѣлывалъ, иногда подолгу простаивая передъ этой таблицей за перемѣщеніемъ нѣкоторыхъ уроковъ, причемъ онъ всегда что-нибудь напѣвалъ вполголоса и безпрестанно нюхалъ табакъ.

Къ окончанію классовъ, онъ становился на верхней площадкѣ лѣстницы, такъ чтобы каждый уходящій ученикъ проходилъ мимо него, причемъ каждому онъ пожималъ руку и лишь очень рѣдко отказывалъ въ такомъ рукопожатіи тѣмъ мальчикамъ, которыми онъ былъ особенно недоволенъ. Это считалось однимъ изъ самыхъ строгихъ наказаній и дѣйствовало обыкновенно очень хорошо, ибо наказанный напрягалъ всѣ свои силы, чтобы заслужить опять право на обычное рукопожатіе. При этой церемоніи нюханье табака отзывалось также особымъ манеромъ, заставляя К. И. иногда подавать не всю руку, а лишь нѣсколько пальцевъ, (когда остальные были запачканы табакомъ).

Во всѣхъ рѣшительно классахъ К. И. самъ преподавалъ географію, что еще болѣе сближало его со всѣми учениками основаннаго имъ учебнаго заведенія, давая возможность хорошо знать каждаго лично. Уроки его были очень интересны, оживленны и на нихъ сказывалась особенно его любовь къ дѣтямъ и къ молодому поколѣнію. Преподаваніе географіи онъ велъ по особому методу. Въ младшихъ классахъ онъ начиналъ съ того, что заставлялъ дѣтей чертить и самъ чертилъ планъ ихъ класса. Отъ плана комнаты переходили къ плану школы, двора ея, затѣмъ къ плану Петербурга и наконецъ къ географическимъ картамъ.

Вообще, К. И. заставлялъ много рисовать карты, причемъ ученики, какъ копировали, такъ и рисовали ихъ наизусть. Самъ онъ прекрасно чертилъ карты наизусть: рисовалъ ихъ на доскѣ, заставляя ихъ списывать, причемъ на такихъ картахъ помѣщалось все, что нужно было запомнить, и ничего лишняго. Этимъ путемъ заучиваніе названій въ значительной мѣрѣ облегчалось и утрачивало свой характеръ сухости. Каждое названіе рѣки, залива, моря, страны и т. п. запоминалось вмѣстѣ съ очертаніемъ на картѣ, а названія горъ, городовъ, мысовъ и т. п. вмѣстѣ съ опредѣленнымъ мѣстомъ ихъ на соотвѣтственной картѣ. Рисуя карты и опуская ненужныя подробности, гдѣ можно, онъ всегда указывалъ на сходство тѣхъ или иныхъ очертаній съ какой нибудь фигурой, буквой и т. п., что облегчало запоминаніе и самыхъ очертаній. Такъ напр. говоря о водораздѣлѣ западной Двины, Днѣпра

и Волги и указывая на крупное значеніе этой мѣстности въ исторіи Россіи и заселенія ея славянскимъ племенемъ, онъ замѣчалъ, что верхнія теченія этихъ рѣкъ образуютъ собою какъ бы букву π. Въ памяти и воображеніи учениковъ названія какъ бы сливались съ опредѣленными формами и очертаніями, а потому врѣзывались сильнѣе въ память, т. е. легче запоминались и труднѣе забывались. Кромѣ того, преподаваніе географіи у К. И. сопровождалось оживленными поясненіями, иногда длинными разговорами по близко соприкасающимся съ преподаваемымъ предметомъ науками, какъ то: по геологіи, по физической географіи этнографіи и т. п. Особенно часто, какъ мнѣ запомнилось, онъ объяснялъ образованіе коралловыхъ рифовъ. Сообщались при этомъ и всякія новыя открытія въ области географіи, причемъ К. И. говорилъ о нихъ съ особымъ увлеченіемъ. Любовь, съ которою К. И. разговаривалъ о географическихъ новостяхъ и новыхъ открытіяхъ, доходила до слабости, которую ученики разумѣется подмѣтили и стали иногда эксплуатировать въ свою пользу. Мнѣ, какъ сыну виднаго дѣятеля Географическаго Общества *), могущему часто раньше другихъ узнавать о нѣкоторыхъ географическихъ открытіяхъ и новостяхъ, приходилось играть нѣкоторую роль въ ученическихъ хитростяхъ. Когда заданный по географіи урокъ былъ сравнительно труденъ или плохо приготовленъ, вслѣдствіе чего ученики не надѣялись хорошо отвѣтить, то классъ просилъ меня затѣять какой нибудь интересный для К. И. географическій разговоръ. Я въ такихъ случаяхъ сообщалъ какую нибудь извѣстную мнѣ географическую новинку, искусно завлекая К. И. въ объясненія, и разговоры б. ч. хватало до конца урока, а ученики оставались не спрошенными до послѣдней минуты.

Но не только о предметахъ близко соприкасающихся съ географіей разговаривалъ К. И. со своими учениками: въ старшихъ классахъ, начиная съ пятого, иногда онъ разговаривалъ съ ними и о различныхъ вопросахъ, связанныхъ съ завѣдываніемъ училищемъ. Притомъ такъ просты и искренни были его рѣчи, что и сами ученики разговаривали съ нимъ о школьныхъ и своихъ дѣлахъ откровенно и просто, какъ дѣти съ отцомъ или матерью. Обмануть его, отвѣтить неправдой или даже не достаточно откровенно и искренно на поставленный имъ вопросъ рѣшались очень немногіе. Поэтому онъ всегда отлично зналъ, какъ общее настроеніе своихъ учениковъ, ихъ умственный и нравственный уровень, такъ равно и индивидуальныя особенности каждаго въ отдѣльности. Сообразно съ этими индивидуальными особенностями каждаго онъ примѣнялъ по отношенію къ отдѣльнымъ ученикамъ и способы

*) Отецъ мой нынѣ Вице-Предсѣдатель Императорскаго Географическаго Общества тогда былъ предсѣдателемъ отдѣленія физической географіи. Нынѣ и я состою въ этомъ обществѣ предсѣдателемъ отдѣленія статистики, которою я интересовался тоже еще въ школѣ, зная наизусть число жителей въ большей части русскихъ городовъ.

воздѣйствія не всегда одинаковые: въ тождественныхъ случаяхъ иногда одного наказывалъ, а другого нѣтъ, ограничиваясь выговоромъ или замѣчаніемъ и т. п. Не смотря на это, однако, никогда никому изъ учениковъ его и въ голову не приходило, что К. И. дѣйствуетъ пристрастно или не совсѣмъ справедливо, чего нельзя сказать относительно всѣхъ другихъ учителей. Такъ умѣлы были его дѣйствія по отношенію къ каждому отдѣльному ученику и такъ велика его искренность и свѣтлившееся во всемъ его существѣ расположеніе къ каждому. Зная склонности и способности cadaго, онъ въ каждомъ поддерживалъ всякое похвальное и доброе стремленіе и смотрѣлъ иногда сквозь пальцы на увлеченіе ученика однимъ предметомъ подчасъ даже въ ущербъ другимъ. Совершенно справедливо онъ считалъ увлеченіе какими либо занятіями и усердіе къ нимъ явленіемъ достойнымъ поощренія и поддержки, глубоко вѣруя, что нѣкоторые недочеты по какимъ либо отдѣльнымъ предметамъ, вслѣдствіе увлеченія занятіями другими предметами, при дальнѣйшемъ развитіи этой любви къ занятіямъ и труду непременно пополнятся, а неосторожная задержка такого усердія можетъ привести ученика къ апатичному отношенію уже не къ однимъ, а ко всѣмъ предметамъ и къ развитію въ немъ лѣни.

Примѣры такихъ дѣйствій, сообразованныхъ съ индивидуальными особенностями cadaго ученика были весьма многочисленны и нѣкоторые изъ нихъ были и будутъ указаны въ настоящемъ очеркѣ. Сдѣлавшись однимъ изъ лучшихъ его учениковъ по географіи, я очень увлекался черченіемъ картъ и лѣпкой рельефныхъ картъ, употребляя на это иногда довольно много времени. К. И. меня къ тому поощрялъ и сдѣланныя мною рельефныя карты Франціи и Альпъ были выставлены на какихъ то педагогическихъ выставкахъ.

О преподавателѣ нѣмецкаго языка и латыни въ среднихъ классахъ Эмилиіи Отто нѣсколько словъ мною уже было сказано выше. Типичный нѣмецъ изъ Пруссіи, онъ являлся представителемъ порядка и дисциплины. Аккуратный и настойчивый, всегда серьезный и ровный, никогда кажется не выходящій изъ себя, по крайней мѣрѣ, въ столкновеніяхъ съ учениками, онъ являлся однимъ изъ главныхъ помощниковъ Карла Ивановича.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ какъ бы его пополнялъ. Когда необходима была по отношенію къ ученикамъ нѣкоторая суровость и твердость, въ случаяхъ, когда сердечность Карла Ивановича была бы неумѣстна, выступалъ и дѣйствовалъ Отто. Вообще онъ былъ также образцовый педагогъ, умѣвшій внушать къ себѣ уваженіе и обладавшій административными способностями, которыя онъ потомъ блестяще проявилъ, организуя приходское нѣмецкое училище Св. Екатерины. Однако при всемъ уваженіи, которое онъ къ себѣ внушалъ и при всемъ умѣнии справиться съ воспитанниками, мальчики иногда нахо-

дили его не вполне безпристрастнымъ, чего они никогда не могли сказать и не говорили про К. И. Мая. Зависѣло это оттого, что при нѣкоторой свойственной ему суровости и строгости онъ нѣсколько мягче и любовнѣе относился къ наиболѣе старательнымъ и благонаправленнымъ ученикамъ. Товарищамъ ихъ это не нравилось и такихъ учениковъ они называли его любимчиками, упрекая его между собой въ нѣкоторомъ пристрастіи.

Однимъ изъ такихъ любимчиковъ Отто считался мой товарищъ, окончившій курсъ школы годомъ раньше меня, а именно въ 1871-мъ году, Людвигъ Глезеръ. Въ то время это былъ очень аккуратный и старательный, смирный мальчикъ, а потомъ юноша, первый ученикъ своего класса. Въ немъ впрочемъ Отто вѣроятно видѣлъ способности и свойства будущаго педагога, нѣсколько сходныя съ его собственными. Впослѣдствіи, вскорѣ по окончаніи курса на филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, Л. Глезеръ поступилъ преподавателемъ въ училище св. Екатерины и тамъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлался инспекторомъ и ближайшимъ помощникомъ Отто, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти его и директоромъ.

Безстрастность Отто повидимому исчезала лишь тогда, когда дѣло касалось его родины, Прусскаго Королевства. Во время вечерняго дежурства при приготовленіи уроковъ пансіонерами и полупансіонерами, ему приходилось иногда спрашивать по желанію учениковъ приготовленные ими уроки, а иногда объяснять что-нибудь имъ непонятное. Въ 1866 г. послѣ побѣдъ пруссаковъ надъ австрійцами ему въ подобныхъ случаяхъ (географія Австріи и Германіи) особенное удовольствіе доставляло называть мѣста, гдѣ были одержаны побѣды пруссаками и рассказывать попутно объ этихъ побѣдахъ.

Еще больше замѣтно было его патріотическое настроеніе во время Франко-Германской войны 1870-го года. Увлекаясь и гордясь нѣмецкими побѣдами, онъ иногда вступалъ въ горячіе споры съ французомъ Жонтомъ, на которомъ естественно всякое извѣстіе о побѣдѣ нѣмцевъ отражалось болѣзненно и который долго надѣялся на побѣду Франціи и не хотѣлъ допустить возможности окончательнаго торжества нѣмцевъ. Безпощадные мальчишки иногда забавлялись этими спорами своихъ достойныхъ преподавателей, уныніемъ то того, то другого во время перипетій войны и долгой осады Парижа.

Жестокія дѣти иногда подтрунивали надъ святыми патріотическими чувствами двухъ людей, преданныхъ ихъ обученію и по существу весьма хорошихъ и добрыхъ. Надо отдать справедливость обоимъ преподавателямъ: живя въ одномъ домѣ, обѣдая ежедневно за однимъ столомъ, они умѣли сохранить и во время войны между Франціей и Германіей, какъ взаимное уваженіе, такъ равно и общую любовь къ школѣ, съ которой они сроднились и которой они посвятили свою

жизнь и свой трудъ *). Случалось однако, что дня по два они другъ съ другомъ въ это время не разговаривали.

Не малое значеніе какъ воспитатель имѣлъ и только что упомянутый преподаватель французскаго языка Жонтъ. Вліяніе его было особенно значительно на пансіонеровъ и полупансіонеровъ, во время игръ которыхъ послѣ обѣда онъ часто дежурилъ и въ бесѣдахъ съ которыми онъ проводилъ по вечерамъ часы, посвящавшіеся разговорамъ на французскомъ языкѣ ради практики. Онъ былъ средняго, скорѣй высокаго, чѣмъ маленькаго роста, брюнетъ съ черной коротко остриженной бородой и съ такими же усами. Частое общеніе съ учениками во время разговорныхъ уроковъ французскаго языка сближало его съ ними, дѣлало учениковъ довольно съ нимъ откровенными, а ему доставляло также большое знакомство съ ихъ свойствами и характерами. Дежурия во дворѣ, во время игры въ снѣжки, онъ иногда самъ нѣсколько увлекался, давая, такъ сказать, стратегическіе и тактическіе совѣты одной изъ борющихся въ снѣжки партій, при чемъ бывали случаи, что снѣжки попадали и въ него, что онъ охотно, впрочемъ, прощалъ. Помню, однажды, когда одна изъ бьющихся въ снѣжки партій, руководимая мною, стала сильно тѣснить противника, которому грозило уже оказаться загнаннымъ въ одинъ уголъ двора и затѣмъ потерпѣть пораженіе, Жонтъ сталъ между ними и своими совѣтами облегчилъ положеніе ихъ, вырывая у моей партіи уже почти одержанную побѣду. Тогда я мѣтко пустилъ свой снѣжокъ прямо ему въ шею такъ, что когда онъ разлетѣлся отъ сильнаго удара, то снѣгъ отчасти засыпался за шиворотъ нашего воспитателя. Сначала Жонтъ какъ будто нѣсколько разсердился, но когда я ему возразилъ, что онъ самъ принялъ участіе въ игрѣ, давая совѣты и вмѣшиваясь въ число моихъ противниковъ, а потому не мудрено, что предназначавшіеся имъ удары снѣжковъ могли попасть и въ него, онъ совершенно успокоился и лишь удалился изъ среды сражающихся въ снѣжки. Вообще Жонтъ пользовался любовью воспитанниковъ и имѣлъ на нихъ достаточное и хорошее вліяніе.

Третьимъ воспитателемъ былъ въ то время, т. е. когда я находился въ третьемъ и четвертомъ классахъ, преподаватель нѣмецкаго языка въ самыхъ младшихъ классахъ Бемъ. Мнѣ учиться у него пришлось лишь въ теченіе полугода во второмъ классѣ, а въ третьемъ нѣмецкому языку я учился уже у Отто; поэтому о немъ, какъ о преподавателѣ, я мало могу судить. Помню лишь смутно о производившемся въ младшихъ классахъ громкомъ, такъ сказать хоровомъ, чтеніи всѣмъ классомъ. Толстенькій, кругленькій, съ круглымъ, какъ луна,

*) Жонтъ, кажется, такъ и скончался, оставаясь преподавателемъ и воспитателемъ въ училищѣ К. И. Мая.

лицомъ, бритымъ и снабженнымъ только одними усами, онъ кажется, принадлежалъ къ типу встрѣчающихся нерѣдко въ Петербургѣ добродушныхъ, не особенно далекихъ нѣмцевъ. Какъ воспитатель, онъ большого вліянія не имѣлъ, ибо не пользовался никакимъ почти авторитетомъ у воспитанниковъ старшихъ классовъ, начиная съ четвертаго, какъ это очень часто бываетъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ преподавателями младшихъ классовъ. Отсутствію этого авторитета способствовало и то обстоятельство, что на его дежурствахъ во время вечерняго приготовленія уроковъ онъ, въ противоположность Отто, всегда толково разъяснявшему ученикамъ что-нибудь имъ непонятное въ приготовляемыхъ урокахъ, весьма часто ничего объяснить не могъ. Когда къ нему обращались за разъясненіями ученики четвертаго класса и старше, онъ уже не могъ имъ оказать никакой помощи своими разъясненіями, и по нѣкоторымъ предметамъ они, оказывалось, знали даже какъ будто и больше, чѣмъ онъ. Отличительною особенностью его было довольно свѣтлое одѣяніе его ногъ, сѣро-кофейнаго цвѣта, которое онъ носилъ безсмѣнно въ теченіе четырехъ лѣтъ, что конечно не ускользнуло отъ вниманія его учениковъ.

Эти то три воспитателя съ самимъ Карломъ Ивановичемъ Маємъ и съ двумя его сестрами Анной и Эмилией Ивановной, а также со всѣми пансіонерами и полупансіонерами составляли какъ бы одну большую семью. Всѣ они, а именно обѣ сестры К. И., какъ хозяйки, назначенные преподаватели и самъ К. И. обѣдали вмѣстѣ съ учениками, сидѣвшими за двумя столами въ низенькой столовой, въ нижнемъ этажѣ занятаго школою зданія. За каждымъ изъ двухъ столовъ сидѣло по одной изъ сестеръ Карла Ивановича, которыя сами разливали супъ какъ учителямъ, такъ и мальчикамъ. Учителя и самъ Карлъ Ивановичъ садились рядомъ съ учениками поближе къ хозяйкѣ своего стола. Иногда обѣдали съ нами и нѣкоторые изъ другихъ преподавателей и всего чаще преподаватель чистописанія Мессеръ и одинъ изъ наиболѣе видныхъ сподвижниковъ К. И., всѣми дѣтьми очень любимый діаконъ церкви въ Академіи Художествъ Владиміръ Петровичъ Постниковъ. Владиміръ Петровичъ преподавалъ Законъ Божій въ младшихъ классахъ и очень искусно повторялъ весь курсъ съ учениками старшаго класса къ выпускному экзамену. За столомъ шли иногда общіе разговоры и шутки, въ которыхъ принимали участіе и преподаватели и ученики. Сиделись всѣ рядомъ, по прочтеніи передъобѣденной молитвы иногда по-русски, иногда по-нѣмецки, кѣмъ-либо изъ учениковъ, вставали также разомъ, при чемъ читалась тѣмъ же порядкомъ и послѣобѣденная молитва *). Кстати сказать, что передъ началомъ ученія

*) Текстъ этихъ молитвъ, кажется, ничѣмъ не отличается у православныхъ и у лютеранъ.

каждый день происходила общая молитва въ залѣ. Въ виду преобладанія протестантовъ читалъ ее обыкновенно пасторъ, а затѣмъ всѣ хоромъ пѣли какой-нибудь хоралъ подъ аккомпаниментъ фисъ-гармоніи, за которую садился Отто.

Изъ преподавателей того времени, занимавшихся съ нами въ третьемъ классѣ, у меня сохранилось воспоминаніе о Еленевѣ, учителѣ русскаго языка въ младшихъ классахъ (въ старшихъ классахъ преподавалъ П. И. Роговъ, о которомъ уже было упомянуто выше). Этотъ Еленевъ состоялъ лаборантомъ при химической лабораторіи университета, гдѣ я съ нимъ встрѣтился впослѣдствіи, будучи студентомъ. Имъ была составлена особая табличка, называвшаяся самоваръ и вмѣщавшая въ себѣ почти всѣ правила русской грамматики. Она заключала въ себѣ, кажется, различныя части рѣчи, вписанныя въ квадратики и круги, изъ коихъ составлялся рисунокъ, напоминавшій самоваръ. Таблица эта очень нравилась третьекласникамъ; они спрашивали, кто ея изобрѣлъ, на что учитель неизмѣнно отвѣчалъ, что ее изобрѣла коза. Еленевъ, сколько мнѣ помнится, былъ преподаватель не дурной, котораго мальчики любили. Хуже былъ его братъ, замѣнявшій его почему-то въ теченіе полугода. Этотъ послѣдній однажды, объясняя какія-то синтаксическія правила, написалъ на доскѣ сказуемое черезъ О. Замѣтивъ это, я, какъ прославленный озорникъ, ему этого не спустилъ и спросилъ его, производитъ-ли онъ сказуемое отъ козы.

Въ третьемъ же классѣ и отчасти уже во второмъ я познакомился съ большимъ чудакомъ—преподавателемъ рисованія Ульяновымъ. Небольшого роста, коренастый блондинъ, онъ совершенно не умѣлъ справиться съ мальчуганами, которымъ онъ преподавалъ рисованіе. Кажется, онъ былъ архитекторъ, надстроившій, перестроившій и приспособившій зданіе школы. Вѣроятно общеніе съ рабочими сдѣлало его нѣсколько грубоватымъ. Преподаваясь съ мальчиками-учениками, онъ безпрестанно употреблялъ такія выраженія какъ „дуракъ“, „болванъ“ и т. п. Несмотря, однако, на его вспыльчивость и бранчивость, мальчики его не боялись и не очень слушались. На его урокахъ всегда пошаливали, забавляясь тѣмъ, чтобы вывести его изъ себя. Къ концу урока обыкновенно въ классѣ оставалось менѣе половины, а большинство оказывалось выгнаннымъ съ урока. Какъ только одинъ оказывался выгнаннымъ за шалость, за нимъ слѣдовалъ второй за то, что смѣялся, третій за то, что тоже шалилъ и т. д. Всѣ они выгонялись со словами: „И ты къ шайкѣ! ступай вонъ!“ и вскорѣ залъ заполнялся изгнанными, которые тамъ прогуливались, шумѣли и мѣшали занятіямъ въ другихъ классахъ. Такое неумѣлое обращеніе съ мальчуганами вынудило К. И. вскорѣ замѣстить Ульянова другимъ учителемъ рисованія и съ переходомъ моимъ въ четвертый классъ я его больше не видалъ. Помню однажды на первомъ урокѣ послѣ каникулъ Ульяновъ спросилъ, какъ

зовуть новичковъ. Одинъ изъ нихъ, сильно заикавшійся, Кутневичъ, сталъ произносить, заикаясь, свое имя, тотчасъ былъ выгнанъ, другой, тоже находившійся второй лишь день въ школѣ, хотѣлъ объяснить въ чемъ дѣло, но услышавъ грозное „и ты къ шайкѣ“, долженъ былъ тоже покинуть классъ. На урокахъ рисованія одни, ушедшіе далеко впередъ, рисовали гипсовые орнаменты и головы, другіе копировали рисунки, третьи чертили только круги и квадратики и т. п. Какъ имѣвшій нѣкоторыя природныя способности къ рисованію, я очень скоро дошелъ до гипсовыхъ головъ и дразнилъ Ульянова тѣмъ, что нарисую маленькую головку не на серединѣ листа, а въ углу его. Когда онъ выбранится и скажетъ, что голова хороша, но мала, я во весь листъ рисовалъ одинъ ротъ или носъ гипсоваго бога или богини и увѣрялъ, что исполнилъ [его желаніе, нарисовалъ крупнѣе, но, къ сожалѣнію, не умѣстилъ всего лица на листѣ бумаги.

Этимъ и ограничиваются мои воспоминанія о третьемъ классѣ, если не считать еще посѣщеній окружного инспектора Максимовича. Некрасивый, худощавый и высокій, старикъ этотъ, фигурой напоминавшій Донъ Кихота, былъ въ сущности очень добрый человѣкъ. Онъ, кажется, любилъ декламацію стиховъ, ибо какъ на русскомъ, такъ равно и на французскомъ урокахъ, стоило ему войти въ классъ, какъ тотчасъ вызывался кто-нибудь изъ знающихъ хорошо стихи учениковъ, чтобы декламировать. Чаше всего это доставалось на мою долю. На французскихъ урокахъ большею частью я декламировать стихи Беранже:

On parlera de sa Gloire, sous le chaume bien longtemps.

L'humble toit dans cinquante ans ne connaîtra pas d'autre histoire.

и т. д.

На русскихъ урокахъ декламировалъ „Шильонскій Узникъ“—Жуковского. Максимовичъ слушалъ; иногда у него показывались слезы, а иногда онъ поправлялъ и, сильно шамкая своимъ старческимъ ртомъ, самъ начиналъ показывать какъ нужно съ чувствомъ произносить стихи. Эту шамкающую декламацію мы, разумѣется, передразнивали потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

III.

Въ четвертомъ классѣ мнѣ пришлось познакомиться и съ новыми предметами и со многими новыми учителями. Въ этомъ классѣ предстояло перейти къ изученію алгебры, начать заниматься геометріей и желающіе могли начать изученіе греческаго языка, который тогда не былъ безусловно обязателенъ и для классиковъ.

Алгебру или, лучше сказать, особый курсъ теоретической арифметики преподавалъ въ четвертомъ классѣ одинъ изъ друзей Карла

Ивановича, очень хорошій кажется человекъ и не дурной педагогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой оригиналъ, если не сказать чудака—Шнейдеръ. Начиналъ онъ свой курсъ алгебры съ особаго курса ариѳметики, имъ самимъ составленнаго и изложеннаго въ особомъ учебникѣ, озаглавленномъ „ариѳметика изложенная по генетическому методу“. Въ учебникѣ этомъ излагалась вся ариѳметика, начиная съ четырехъ основныхъ правилъ, но изложенная особымъ манеромъ и особо объясненная.

Начиналось даже съ того какъ люди начали считать и обозначать условными знаками—числами то, что они считали. Затѣмъ объяснялись римскія цифры, обозначеніе которыхъ основывалось на изображеніи палочекъ—пальцевъ и всей руки V, или двухъ рукъ X, затѣмъ уже излагались преимущества принятыхъ всѣми цивилизованными народами арабскихъ цифръ и т. д.

Каждое дѣйствіе и ариѳметическое правило выводилось и доказывалось подобно тому, какъ выводятся и доказываются теоремы въ алгебрѣ и геометріи. Объяснялось, что помноженіе есть повторное сложеніе, а дѣленіе повторное вычитаніе. Надо отдать справедливость этому педагогическому приему. Дѣти на хорошо имъ знакомомъ, уже заученномъ ранѣе приучались къ тому математическому пониманію и способу доказательствъ, который имъ приходится примѣнять далѣе, при прохожденіи алгебры, что несомнѣнно должно было облегчить пониманіе и усвоеніе дальнѣйшаго.

Шнейдеръ былъ очень высокій и худощавый блондинъ, дѣлавшій огромные и быстрые шаги и при разговорѣ всегда очень сильно жестикулировавшій. На урокахъ онъ былъ очень строгъ и требователенъ, но математически справедливъ.

Каждый вѣрный отвѣтъ отмѣчался въ его карманной книжкѣ крестомъ, а невѣрный—ноликомъ. За каждые пять отвѣтовъ ставился баллъ, соотвѣтствующій числу крестиковъ. Ноли и единицы бывали нерѣдки. Получившихъ ноль или единицу онъ заставлялъ переписать отъ 25 до 40 разъ не выученный урокъ „Willst du etwas Dwornik studieren“ говорилъ онъ лѣнивымъ, не приготовившимъ урокъ.

Во время прохожденія своеобразнаго курса ариѳметики Шнейдера одинъ изъ моихъ товарищей по четвертому классу, сынъ одного очень богатаго коммерсанта Артуръ Брантъ *) заболѣлъ какою-то изъ дѣтскихъ болѣзней и пропустилъ около мѣсяца. Ему предстояло нагнать своихъ товарищей, что казалось особенно затруднительнымъ именно у Шнейдера, своеобразный курсъ котораго могъ передать только онъ или кто либо изъ его учениковъ. Родители Бранта обратились за совѣтомъ къ К. И., а онъ сговорившись со Шнейдеромъ рекомендовалъ меня, какъ репетитора по математикѣ. Съ товарища и одноклассника

*) Въ школѣ съ 1862 по 1872 годъ.

брать за даваемый ему урокъ гонораръ мнѣ казалось неудобнымъ, а потому я давалъ ему въ теченіе двухъ мѣсяцевъ уроки математики на дому даромъ, получивъ затѣмъ отъ его родителей въ подарокъ хорошенькій портфель. Съ этого времени къ моей репутаціи перваго шалуна въ школѣ прибавилась репутація и перваго математика.

Время отъ времени въ качествѣ преподавателей древнихъ языковъ и воспитателей выписывались нѣмецкіе молодые филологи, которые затѣмъ водворялись въ школѣ, т. е. поселялись въ самомъ школьномъ зданіи.

Въ теченіе моего пребыванія въ школѣ такихъ выписанныхъ нѣмецкихъ филологовъ перебивало три: Врубель, Уртель и Мальхинъ. Въ качествѣ преподавателя и воспитателя наименѣе удачнымъ оказался первый, а наиболѣе удачнымъ второй, именно Уртель, о которомъ сохранились какъ у меня, такъ и у моихъ товарищей самыя лучшія воспоминанія.

Первымъ въ хронологическомъ порядкѣ явился наименѣе удачный, какъ педагогъ, хотя можетъ быть и весьма хорошій ученый Врубель. Приѣздъ его совпалъ какъ разъ съ моимъ переходомъ въ четвертый классъ и благодаря именно ему моя попытка изучать греческій языкъ оказалась неудачной, въ связи съ тѣмъ, что вообще языки мнѣ давались труднѣе, чѣмъ предметы математическіе и естественныя науки, а также съ тѣмъ, что я былъ самый большой шалунъ и озорникъ своего времени въ школѣ. Врубель былъ очень оригиналенъ не только по нѣкоторымъ своимъ привычкамъ и манерамъ, но даже и по своей внѣшности. Небольшаго роста, очень сухопарый брюнетъ, съ огромнымъ горбатымъ носомъ, съ курчавыми, торчащими хохломъ впередъ и вверхъ волосами, онъ представлялъ собою фигуру довольно комичную и карикатурную, что несомнѣнно уже настраивало его учениковъ къ нѣкоторой насмѣшливости и шаловливости. При томъ совершенное неумѣнье справиться съ мальчуганами, не смотря на нѣкоторую вспыльчивость, при природной добротѣ, дѣлали его совершенно непригоднымъ къ педагогической дѣятельности въ школѣ. Комизмъ его фигуры, съ бритымъ и снабженнымъ лишь усами лицомъ, усугублялся неизмѣннымъ фраккомъ, съ которымъ онъ не разставался и на спинѣ и фалдахъ котораго шаловливые воспитанники безпрестанно ухитрялись нарисовать что-нибудь мѣломъ, не будучи имъ замѣчены и пойманы на мѣстѣ преступленія. Манера его говорить также была комична: на каждомъ словѣ всякаго своего разговора онъ вставлялъ слова „ja freilich“ (да конечно), пересыпая этими словами даже коверканную русскую рѣчь, на которой онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего приѣзда изъяснялся съ прислугой. Въ свободное время, когда онъ дежурилъ во время игръ пансіонеровъ и полупансіонеровъ, шумъ и гамъ были всегда невѣроятны, а маленькій ростъ его соблазнялъ старшихъ, болѣе силь-

ныхъ и рослыхъ воспитанниковъ къ тому, чтобы играя въ чехарду, перескакивать и черезъ воспитателя, а иногда схвативъ его въ охабку перенести его изъ одного конца зала въ другой.

Встрѣченный при приѣздѣ на станціи желѣзной дороги однимъ изъ пансіонеровъ старшихъ классовъ *) въ качествѣ переводчика и школьнымъ лакеемъ Власомъ, имѣвшимъ бритую фізіономію и отличавшимся небольшимъ ростомъ, онъ принялъ перваго за коллегу—преподавателя, а второго за одного изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ.

Соотвѣтственно такому своему предположенію, онъ на нѣмецкомъ языкѣ обратился къ тому и другому съ подобающими длинными и глубокомысленными привѣтствіями, на что лакей весьма резонно отвѣтилъ ему „ихъ динеръ“.

Хотя греческій языкъ и былъ въ то время необязателенъ, а языки вообще мнѣ не очень то давались, причемъ орѳографія и грамматика, у меня страдали даже и въ русскомъ языкѣ, не говоря объ иностранныхъ, я всетаки изъявилъ желаніе обучаться и греческому языку.

Такъ какъ на урокахъ греческаго языка бывало немного воспитанниковъ, причемъ остальные товарищи занимались въ это время какимъ либо инымъ предметомъ, то намъ приходилось уходить въ отдѣльныя небольшія классныя комнаты и сидѣть иногда за однимъ общимъ столомъ съ учителемъ. Этотъ столъ былъ необыкновенно хорошо приспособленъ для шалости.

Въ серединѣ его было проверчено нѣсколько круглыхъ отверстій, въ которыя были вставлены оловянные чернильницы, какъ нарочно приспособленныя для школьныхъ продѣлокъ. Устремивъ взоръ прямо на учителя, придавъ своему лицу самое невинное выраженіе внимательнаго и прилежнаго ученика, ничего не стоило вытянувъ ногу, толкать носкомъ своего сапога одну изъ чернильницъ, которая и начинала плясать и подпрыгивать, повидимому безъ всякой причины. Врубель тщательно старался узнать отчего это происходитъ; наклонялся къ чернильницѣ, заглядывалъ подъ столъ, но никакъ не могъ найти виновнаго къ великой потѣхѣ всего класса, такъ ловко я изощрялся въ этой шалости. Случалось даже, что чернильница подпрыгивала въ то время, когда наклонялся надъ нею Врубель, и его огромный носъ оказывался выпачканнымъ чернилами. При такихъ условіяхъ понятно, что въ концѣ концовъ я больше занимался шалостями, чѣмъ греческимъ языкомъ, и къ концу года по этому предмету никакъ не могъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ. Карлъ Ивановичъ и тутъ обнаружилъ необыкновенное вниманіе: онъ перевелъ меня въ пятый классъ съ тѣмъ, чтобы по греческому языку я занимался съ пятымъ и съ

*) Гансъ Шмидтъ.

четвертымъ классомъ одновременно; разумѣется это я выдержалъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а затѣмъ совсѣмъ отказался отъ греческаго языка, оставшись при одной латыни, что тогда было возможно.

Говоря о четвертомъ классѣ, не могу не вспомнить еще о преподавателѣ естественныхъ наукъ (зоологіи, ботаники и химіи) Вильямсѣ, который умѣлъ заинтересовать своихъ учениковъ, но не всегда умѣлъ прекратить ихъ шалости и шумъ. Онъ былъ очень добрѣ, хотя по временамъ и вспыльчивѣ, при чемъ, случалось, что выведенный изъ себя онъ говорилъ: „я васъ припычу“, выраженіе оригинальное и не-правильное, вызывавшее насмѣшки мальчугановъ. Въ общемъ, однако, дѣти очень его любили, а преподаваемыми имъ предметами онъ умѣлъ заинтересовать. Помню и до сихъ поръ довольно подробный курсъ споровыхъ растений, который за нимъ записывался и затѣмъ изучался. Онъ былъ изложенъ очень интересно и живо въ видѣ описаній наиболѣе типичныхъ со способами ихъ размноженія. Кажется, въ то время это была именно область новыхъ изслѣдованій и открытій, а потому и особенно интересная *).

По русской исторіи мнѣ приходилось учиться у преподавателя Незеленова, сдѣлавшагося впослѣдствіи профессоромъ. У него я учился недолго; онъ, будучи очень знающимъ, не умѣлъ заниматься съ дѣтьми, вслѣдствіе чего о немъ у меня не сохранилось особенно яркихъ воспоминаній.

Въ этомъ же четвертомъ классѣ мнѣ впервые пришлось услышать тогда вновь поступившаго преподавателя исторіи Штрунке, сдѣлавшагося впослѣдствіи однимъ изъ любимцевъ своихъ слушателей учениковъ, главнымъ образомъ благодаря своему умѣнью картинно и интересно рассказывать, такъ что его можно было заслушаться. Будучи довольно высокаго роста и имѣя представительную наружность, онъ говорилъ густымъ басомъ, по временамъ отхаркиваясь. Самый рассказъ его былъ необыкновенно живой и увлекательный. Яркими и чудными картинами съ рельефно вырисованными фигурами историческихъ личностей проходили передъ нами событія всемірной исторіи. Ведя свой, положительно талантливый и увлекательный рассказъ, онъ обыкновенно прохаживался по классу рѣзко жестикулируя правой рукой, непремѣнно съ зажатымъ между пальцами этой руки карандашомъ. Этотъ зажатый между пальцами карандашъ являлся для него какою то магическою палочкой, безъ которой, какъ будто, рассказъ его не могъ идти плавно и не могъ дѣлаться достаточно увлекательнымъ. Входя въ классъ, онъ раньше всего спрашивалъ, чтобы ему дали карандашъ и не имѣя его въ рукахъ, никогда не начиналъ даже спрашивать учениковъ, а не

*) Это была лучшая пора дѣятельности извѣстнаго изслѣдователя споровыхъ растений Воронина.

только рассказывать самъ. Мальчишечья привычка все подмѣчать и изъ всего сдѣлать предметъ, если не насмѣшки, то нѣсколько насмѣшливой шутки, побудилъ нашъ классъ и тутъ выкинуть штуку. Однажды когда Штрукке вошелъ въ классъ и по обычаю спросилъ карандашъ, ему подали такой коротенькій, что онъ никакъ не могъ помѣстить его между пальцевъ, для чего длина карандаша должна была по крайней мѣрѣ вдвое превышать толщину средняго пальца.

Онъ разсердился, швырнулъ его на полъ и попросилъ бѣльшій, тогда ему подали нарочно для сего купленный карандашъ длиною въ полсажени, при общемъ смѣхѣ всего класса. Онъ разсердился еще больше, но никого не наказалъ, а лишь сломалъ карандашъ пополамъ, зажалъ половину его между пальцевъ и затѣмъ сталъ рассказывать не менѣе увлекательно, чѣмъ всегда.

Въ томъ же четвертомъ классѣ мы перешли по русскому языку къ П. И. Рогову, о которомъ мною было уже говорено въ самомъ началѣ. Роговъ преподавалъ русскую литературу, а Штрукке въ старшихъ классахъ VI и VII—нѣмецкую. Оба они отличались способностью прекрасно говорить и оба старались ознакомить съ возможно большимъ количествомъ произведеній той и другой литературы, путемъ непосредственнаго чтенія лучшихъ произведеній ихъ въ классѣ.

Такимъ образомъ, какъ умѣнье ихъ преподавать, заинтересовывать и рассказывать, такъ равно и вліяніе ихъ на развитіе учениковъ представлялись во многомъ сходными и параллельными: можно сказать, что тѣмъ, чѣмъ былъ для меня и товарищей моихъ Роговъ по русской литературѣ, тѣмъ для насъ былъ Штрукке по литературѣ нѣмецкой. Оба они подчеркивали и выдвигали на первый планъ движеніе и развитіе человѣческой мысли. Роговъ какъ бы являлся отчасти истолкователемъ наиболѣе высокихъ стремленій въ русскихъ писателяхъ, Штрукке—въ нѣмецкихъ. Чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о характерѣ преподаванія этихъ двухъ учителей, надо припомнить, что это были шестидесятые годы, когда только что совершилось освобожденіе крестьянъ, въ которомъ отецъ мой былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей, вслѣдствіе чего я и въ русской литературѣ, благодаря Рогову, находилъ тѣ же мысли, которыя я слышалъ и дома.

IV.

Въ пятомъ классѣ я опять провелъ вмѣсто одного два года. Главной тому причиной была разумѣется моя шаловливость, не дававшая мнѣ возможности достаточно усердно заниматься, особенно языками, и тѣ затрудненія, которыя я испытывалъ, стараясь въ одинъ годъ справиться съ двухлѣтнимъ курсомъ греческаго языка; кромѣ того я опять довольно много хворалъ и пропускалъ уроковъ. Непосредственно я

оказывалъ плохіе успѣхи преимущественно въ латыни, изъ за которой я былъ оставленъ на второй годъ въ пятомъ классѣ, такъ какъ по математикѣ и географіи я начиная съ четвертаго класса уже менѣе пяти за успѣхи не получалъ.

Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія моего въ пятомъ классѣ мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми новыми учителями математики, физики и латинскаго языка. По геометріи я сразу попалъ къ преподавателю этого предмета Миттеллахеру, учителю очень недурному, хорошо знавшему свой предметъ и хорошо его объяснявшему, но не всегда умѣвшему прекратить шалости и обнаружившему ко мнѣ, лучшему математику, но и первому шалуну, большую снисходительность. По геометріи, какъ бы шаловливъ и невнимателенъ я ни былъ, будучи вызванъ къ доскѣ, даже совершенно неожиданно, я всегда отвѣчалъ вполне удовлетворительно. Дѣло доходило до того, что я шалилъ, шумѣлъ, ничего не слушалъ, а будучи вызванъ становился на руки и подходилъ къ доскѣ вверхъ ногами.

Ты сошелъ съ ума! говаривалъ мнѣ Миттеллахеръ. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ я, „сумасшедшій едва ли правильно отвѣтитъ на всѣ Ваши вопросы по геометріи, а я отвѣчу“, и дѣйствительно отвѣчалъ на все безукоризненно.

Однажды онъ поставилъ мнѣ, кажется, въ шестомъ уже классѣ, такую отмѣтку, которая осталась, какъ школьное преданіе, передаваясь изъ устъ въ уста въ памяти учителей и учениковъ очень долго, чуть ли не по сіе время. Онъ поставилъ мнѣ въ четвертныхъ отмѣткахъ изъ геометріи единицу за прилежаніе и пять за успѣхи. Такая оцѣнка моихъ познаній и моего прилежанія, очень лестная для моихъ способностей, вызвала однако съ моей стороны возраженія: Если я знаю отлично, по Вашей же оцѣнкѣ, хотя бы и ничего не дѣлая, то зачѣмъ же мнѣ дѣлать больше, все равно я лучше, чѣмъ отлично, знать не буду. Этотъ доводъ однако его не убѣдилъ и замѣчательное засвидѣтельствованіе того, что ученикъ оказываетъ блестящіе успѣхи, ровно ничего не дѣлая, осталось какъ въ классныхъ журналахъ школы, такъ и на выданномъ мнѣ свидѣтельствѣ за четверть года. По геометріи, а позднѣе и по космографіи, мнѣ пришлось заниматься у Миттеллахера до окончанія курса гимназій.

Гораздо большее число учителей мнѣ пришлось перемѣнить по физикѣ. Началъ я обучаться этому предмету у довольно симпатичнаго и хорошаго преподавателя Гейденшильда. Этотъ высокій, красивый блондинъ, однако, вскорѣ заболѣлъ скарлатиной и въ цвѣтущемъ, 35 лѣтнемъ возрастѣ, отъ нея скончался. Похороны этого преподавателя сильно врѣзались въ моей памяти со всей ихъ обстановкой: съ проводами нѣсколькими классами почти въ полномъ составѣ, съ рѣчью пастора, говорившаго все время о той ужасной потерѣ, которую по-

несла мать скончавшагося, лишившись послѣдней опоры, единственнаго сына; со слезами, всхлипываніями и крикомъ этой несчастной матери, при такихъ словахъ пастора, еще больше растравлявшихъ ее горе, вмѣсто того, чтобы дать ей утѣшеніе.

Его смѣнилъ человѣкъ, съ именемъ нынѣ прославленнаго въ китайскую и японскую войну генерала, но далеко не удачный преподаватель, объ удаленіи котораго пришлось хлопотать самимъ ученикамъ и преимущественно мнѣ и моему классу. Это былъ необыкновенно худой и необыкновенно высокій, говорившій пищащимъ сопрано, Ренненкампфъ. Лицо его своей формой напоминало гитару, въ видѣ этого инструмента мы и изображали его на карриатурахъ. Быть можетъ, онъ былъ очень хорошимъ и дѣльнымъ акцизнымъ чиновникомъ (таковымъ онъ служилъ), хорошо знакомымъ, вѣроятно, съ спиртомѣрами и акцизными правилами, но онъ совершенно уже отсталъ отъ науки, и взявшись за преподаваніе не имѣлъ, вѣроятно, ни времени, ни охоты заглянуть хотя бы въ учебники и сколько нибудь повторить то, что ему предстояло объяснять воспитанникамъ. Пока онъ въ пятомъ классѣ преподавалъ намъ физику, дѣло еще кое какъ сходило съ рукъ. Рассказывать онъ больше любилъ анекдоты, пояснялъ мало, но тѣмъ не менѣе физика съ грѣхомъ пополамъ проходила: все таки кое когда онъ еще что нибудь объяснить, и все таки спросить учениковъ; задавъ имъ что нибудь по учебнику Малинина и Буренина. Когда же ему пришлось замѣнить въ шестомъ классѣ выбывшаго учителя алгебры, кажется, очень хорошаго и дѣльнаго—Кизерицкаго, то дѣло пошло уже совсѣмъ плохо. Спросивъ, что мы проходили и какія рѣшали задачи, онъ ограничился тѣмъ, что задалъ къ слѣдующему уроку пять задачъ по задачнику и затѣмъ сталъ просто болтать съ классомъ о всякой всячинѣ. На слѣдующемъ урокѣ онъ провѣрилъ рѣшенныя задачи у двухъ или трехъ воспитанниковъ и убѣдившись, что у остальныхъ вышло то же самое, задалъ опять пять слѣдующихъ нумеровъ по задачнику, а затѣмъ сталъ опять разговаривать о постороннихъ вещахъ. Онъ рассказывалъ о своей службѣ по акцизу въ Твери, о томъ, что во время польскаго возстанія 63-го года въ Варшавѣ передъ его окнами былъ повѣшенъ еврей и т. п., никакого отношенія къ алгебрѣ не имѣющее. Постепенно задачи въ числѣ пяти къ каждому уроку стали провѣряться все меньше и меньше и, наконецъ, дѣло дошло до того, что вся провѣрка ограничивалась вопросомъ: „сдѣлали задачи?“ и по полученіи устнаго отвѣта, что сдѣлали, и что онѣ всѣми рѣшены вѣрно, задавались слѣдующіе пять номеровъ по задачнику и опять начинались разговоры. Тетради уже больше не показывались никѣмъ и задачи просто никѣмъ и не рѣшались, а только говорилось, что онѣ всѣми рѣшены вѣрно. Такъ продолжалось довольно долго; ученики ничего не дѣлали и учитель также. Однако, когда пришлось выставять

отмѣтки за четверть года, Ренненкампфъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ данныхъ для сужденія о познаніяхъ своихъ учениковъ. Взявъ списокъ, онъ смѣло поставилъ первымъ тремъ ученикамъ по пяти, какъ лучшимъ, и обнаружилъ уже желаніе четвертому поставить четыре и такъ сбавлять послѣдующимъ. Однако классъ хоромъ запротестовалъ, ибо четвертымъ оказался одинъ изъ лучшихъ математиковъ; запротестовали и на пятомъ, шестомъ и т. д. Кончилось тѣмъ, что всему классу за алгебру пришлось поставить по пяти, къ великому удивленію, какъ Карла Ивановича, такъ и другихъ преподавателей, что конечно, должно было уже навести на сомнѣнія, какъ случай никогда небывалый. Скоро и самъ классъ сталъ, подумывая о будущемъ, сомнѣваться въ цѣлесообразности такого порядка, при которомъ можно было равно ничего не дѣлать цѣлому классу и получать по пяти.

Однажды, когда случайно заданныя задачи оказались довольно трудными, мы рѣшили ихъ, причемъ у многихъ онѣ оказались дѣйствительно рѣшенными правильно. Рѣшеніе это однако мы скрыли отъ учителя, объявивъ, что самую трудную изъ пяти задачъ никто правильно рѣшить не могъ, а потому мы просимъ господина Ренненкампфа ее рѣшить и намъ объяснить. Рѣшая задачу на доскѣ, онъ спутался самъ и привелъ ее къ правильному рѣшенію, т. е. вѣрному окончательному результату (самое рѣшеніе было совершенно неправильно), путемъ сдѣланныхъ, яко бы незамѣтно, неправильныхъ сокращеній, нечаянныхъ стираній рукавомъ такихъ буквъ, которыя должны были исчезнуть и т. п. По окончаніи урока всѣмъ классомъ было предъявлено К. И. Маю какъ правильное рѣшеніе задачи, такъ и тщательно записанное за учителемъ рѣшеніе ея, имъ произведенное, а затѣмъ разъяснена система его преподаванія, состоявшая изъ одного задаванія задачъ. Разумѣется послѣ того, мы его больше не видали *).

Преподаваніе физики перешло къ очень хорошему учителю Филипенко, котораго за короткое время ученики успѣли очень полюбить и оцѣнить, но къ сожалѣнію у него пришлось учиться только полтора года, а въ послѣднемъ, восьмомъ (ober septima) классѣ его смѣнилъ Стрекаловъ, который тоже ничего не объяснялъ, а лишь задавалъ по учебнику, въ которомъ вычеркивалъ то, что въ курсъ не входило, а иногда вычеркивалъ и лишнее, т. е. такое, что надо бы было выучить и знать.

Во время моего пребыванія въ пятомъ классѣ, на мѣсто мало удачнаго Врубеля, появился лучшій изъ всѣхъ преподавателей древнихъ языковъ, съ которыми мнѣ приходилось учиться, Уртель. Это былъ

*) До этого мы нѣсколько разъ передъ приходомъ въ классъ Ренненкампфа писали на доскѣ: „Consilium abeundi tibi damus“, но онъ на это вниманія не обращалъ, а можетъ быть не замѣчалъ или не понималъ—не знаю.

выписанный изъ за границы молодой, но чрезвычайно знающій и способный филологъ. Приѣхавъ въ Россію, онъ очень скоро изучилъ русскій языкъ и сталъ интересоваться русской литературой, съ которой настолько ознакомился, что на урокахъ латыни, при оживленныхъ своихъ объясненіяхъ и толкованіяхъ, ссылался иногда на русскихъ писателей и особенно на Пушкина, котораго онъ особенно высоко ставилъ и цѣнилъ. Помню, какъ по поводу глубокомысленныхъ толкованій своихъ ученыхъ соотечественниковъ, относящихся къ какому-то странному и трудно понятному стиху одного изъ римскихъ поэтовъ (кажется, Горация), онъ сослался на Пушкина. „Любопытно, сказалъ онъ, что способны будутъ написать подобные комментаторы по поводу слѣдующаго мѣста изъ Евгенія Онѣгина:

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
Читатель ждетъ здѣсь рифмы розы?
Такъ на-жъ! Бери ее скорѣй!

Уртель умѣлъ сдѣлать изъ своихъ уроковъ, изъ чтенія произведеній классиковъ, даже изъ латинской грамматики, интересный предметъ. Все онъ пояснялъ, разъяснялъ, переносилъ насъ въ древній міръ съ его особою жизнью и понятіями. Иногда онъ читалъ намъ цѣлыя главы изъ Момзена *) и такимъ образомъ знакомилъ насъ съ бытомъ и обстановкой древнихъ. Не скучными и сухими, а живыми и понятными становились, благодаря его объясненіямъ, и стихи Горация, и Виргилія, и рѣчи Цицерона и прочее. Если я, будучи почти всегда самымъ плохимъ ученикомъ по латыни, все-таки научился этому языку, сталъ писать на немъ сочиненія иногда даже не дурныя и даже закончилъ блестящимъ балломъ изъ этого языка на выпускномъ экзаменѣ, то этимъ я всего болѣе считаю себя обязаннымъ Уртелю. Этотъ выдающійся и прямо талантливый педагогъ оставилъ насъ весною 1871 года и получилъ сразу очень завидное назначеніе. По присоединеніи Эльзаса къ Германіи, онъ былъ назначенъ директоромъ Страсбургской гимназіи, куда и поѣхалъ прямо отъ насъ, къ большому нашему огорченію. Назначеніе это доказываетъ, что его высоко цѣнили и въ Германіи, гдѣ во вновь присоединенную область старались назначать лучшихъ во всей Германіи профессоровъ и лучшихъ педагоговъ. Мои товарищи и я, мы можемъ считать себя счастливыми, что были учениками такого выдающагося педагога и участвовали вмѣстѣ съ нимъ въ постановкѣ въ нашей школѣ латинской пьесы, о чемъ мною подробно будетъ рассказано далѣе. Уртель былъ учителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспи-

*) Момзенъ знаменитый нѣмецкій ученый, изслѣдователь быта древнихъ, съ трудами котораго, едва ли кромѣ меня и моихъ товарищей, кто-либо познакомился еще въ гимназіи.

тателемъ. Само собой разумѣется, что его очень любили и уважали, хотя его фигура и въ особенности лицо, круглое, съ большими усами и въ очкахъ, издали нѣсколько напоминавшее кота, изображалось нами въ видѣ каррикатуръ.

Мнѣ пришлось проучиться у Уртеля въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, т. е. всего времени пребыванія его въ Петербургѣ, и лишь послѣдній годъ заниматься у смѣнившего его, также выписаннаго изъ Германіи, Мальхина. Мальхинъ былъ очень недурной преподаватель древнихъ языковъ, весьма свѣдущій, котораго, кажется, дальнѣйшія поколѣнія очень полюбили. Что касается меня и моихъ товарищей, то, конечно, намъ онъ не могъ такъ нравиться, какъ Уртель. Намъ не могли не броситься сразу въ глаза его меньшая, сравнительно съ его предшественникомъ, разносторонность и нѣкоторая узость и странность его взглядовъ. Рыжій и нѣсколько вспыльчивый, но по существу своему, всетаки, доброжелательный и любившій своихъ учениковъ, Мальхинъ не умѣлъ расположить ихъ къ себѣ столь же сильно и скоро, какъ его, прямо, талантливый предшественникъ.

Мальхинъ, кромѣ латыни и греческаго, сталъ преподавать еще и нѣмецкую литературу. Онъ оказался большимъ поклонникомъ древнегерманскаго эпоса и вообще средневѣковой германской литературы. Высшимъ и геніальнѣйшимъ произведеніемъ онъ считалъ Нибелунги и Парсиваль и очень насмѣшилъ весь мой классъ, а это былъ старшій, на первомъ урокѣ нѣмецкой литературы. Началъ онъ этотъ урокъ съ того, что съ пафосомъ воскликнулъ: „Nur Bosheit oder Unwissenheit kann das der deutschen Litteratur absprechen, dass sie die beste ist!..“ (Только злоба или незнаніе могутъ отрицать, что нѣмецкая литература лучшая!). Затѣмъ, послѣ паузы, изумленные такимъ крайнимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ слушатели были еще болѣе поражены доказательствомъ этого утвержденія: Англичане имѣютъ Шекспира, а мы, нѣмцы, Вольфрама фонъ Эшенбахъ! Французы — Корнеля и Расина, а мы — Вольфрама фонъ-Эшенбахъ! Испанцы — Сервантеса, а мы — Вольфрама фонъ-Эшенбахъ! Итальянцы — Данте, а мы — Вольфрама фонъ-Эшенбахъ! Греки — Гомера, а мы — Вольфрама фонъ-Эшенбахъ! Наконецъ, Русскіе имѣютъ Гоголя, а мы — Вольфрама фонъ-Эшенбахъ! Вотъ какую новость узнали мы на первомъ урокѣ Мальхина по нѣмецкой литературѣ. Раньше того, съ любимымъ нами Штрукке, мы читали и очень хорошо ознакомились съ лучшими произведеніями новой литературы. Читали Лессинга, восторгались Гете и Шиллеромъ, и вдругъ оказалось, что не ихъ, этихъ двухъ лучшихъ и болѣе намъ понятныхъ представителей нѣмецкой литературы, противопоставляютъ крупнѣйшимъ дѣятелямъ въ другихъ европейскихъ литературахъ, а мало намъ знакомаго и понятнаго Вольфрама фонъ-Эшенбаха. Мало того, изъ русской литературы выхватываютъ для сравненія съ нимъ не Слово о полку Игоревѣ, что было бы

удобоваримѣ, а автора „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“. Конечно, намъ такія воззрѣнія показались странными. Еще странныѣ показался намъ Мальхинъ тогда, когда одинъ изъ моихъ товарищей (Романовскій) и я навели на разговоръ о Дарвинѣ, теорію котораго мы стали ему доказывать. Мальхинъ ее не признавалъ. Будучи отличнымъ филологомъ, онъ, оказалось, ничего не зналъ въ наукахъ естественныхъ, вслѣдствіе чего въ спорѣ о теоріи Дарвина очень скоро оказался совершенно разбитъ гимназистами, немного лишь занимавшимися естественными науками у добрѣйшаго Вильямса. Не будучи въ состояніи выдержать спора, онъ подъ конецъ заявилъ: „наконецъ! если-бы это было такъ, то Аристотель сказалъ бы что-нибудь объ этомъ!“ Мы вспомнили опять нашего талантливаго преподавателя исторіи Штрукке, такъ хорошо рассказывавшаго, какъ схоластики среднихъ вѣковъ во всѣхъ спорахъ ссылались на Аристотеля, и Мальхинъ получилъ у насъ прозвище схоластика. Что касается латыни, то онъ преподавалъ ее хорошо. Мы писали ему также, какъ и его предшественнику, Уртелю, сочиненія на латинскомъ языкѣ и разговаривали съ учителемъ въ классѣ также на языкѣ древнихъ римлянъ, на которомъ онъ намъ излагалъ правила стихосложенія и на которомъ мы должны были отвѣчать. Помню, что уже черезъ много лѣтъ по окончаніи мною курса, на одномъ изъ годовыхъ обѣдовъ, на которыхъ сходились бывшіе воспитанники и преподаватели нашего учебнаго заведенія я встрѣтилъ Мальхина, и его присутствіе повліяло на меня такъ, что за многочисленными тостами и рѣчами, я сказалъ ему привѣтствіе на чистомъ латинскомъ языкѣ, и кажется, безъ ошибокъ, къ его великому удовольствію.

Кромѣ преподавателей главныхъ предметовъ, мнѣ остается еще упомянуть нѣсколько интересныхъ преподавателей, игравшихъ уже меньшую роль въ жизни нашей школы, но тѣмъ не менѣе оставившихъ по себѣ достаточно яркій слѣдъ въ моей памяти, чтобы дополнить ихъ образами рядъ моихъ наставниковъ и руководителей въ средней школѣ.

По закону Божію православнымъ воспитанникамъ младшихъ классовъ преподавалъ симпатичный и добрый, но достаточно требовательный и умѣлый діаконъ церкви при Академіи Художествъ Владиміръ Петровичъ Постниковъ. *) Онъ повторялъ весь курсъ со старшими учениками къ выпускному экзамену. Ихъ онъ въ шутку называлъ всегда женихами. Его всѣ очень любили и онъ пробылъ преподавателемъ школы съ самаго ея основанія по день своей кончины, въ теченіе почти сорока лѣтъ. Въ третьемъ классѣ намъ преподавалъ законъ Божій самъ знаменитый проповѣдникъ о. Василій Полисадовъ,

*) Состоялъ преподавателемъ въ школѣ К. И. Мая со дня основанія ея (1856 г.) по день своей смерти (28 января 1895 г.).

сынъ котораго Іона въ теченіе одного года былъ моимъ товарищемъ по классу.

Полисадова смѣнилъ Флоровъ, ученый протоіерей, интересовавшійся исторіей раскола и читавшій намъ, въ то время воспитанникамъ пятаго класса, подлинныя посланія, въ которыхъ раскольники препирались и переругивались, какъ между собою (различные толки), такъ и съ православными. Его смѣнилъ достойнѣйшій протоіерей о. Веніаминъ Тихоміровъ, бывшій священникомъ въ сенатской церкви, а затѣмъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Этотъ преподаватель былъ нами очень любимъ и остался моимъ духовникомъ по окончаніи мною школы почти до своей кончины. Преподаваніе его однако началось съ нѣкотораго небольшого недоразумѣнія, сильно его сконфузившаго на первыхъ порахъ. По своему горбатому носу и курчавымъ волосамъ я наружностью могъ сойти за любого восточнаго инородца или еврея, которыхъ я, кстати, умѣлъ недурно представлять, по этой причинѣ меня иногда поддразнивали, называя жидомъ.

Однажды отецъ Веніаминъ на первомъ же или на второмъ своемъ урокѣ при самомъ входѣ въ классъ засталъ моихъ товарищей за этимъ невиннымъ занятіемъ, т. е. дразненіемъ меня и называніемъ меня жидомъ. Отецъ Веніаминъ замѣтилъ это и тотчасъ же сказалъ нѣсколько теплыхъ и прочувствованныхъ словъ на ту тему, что христіане должны братски любить другъ друга и особенно тепло, по-братски встрѣчать всякаго вновь вступившаго въ ихъ среду и принявшаго христіанство. Весь классъ, хотя и дразнившій меня жидомъ, но отлично знавшій, что я чисто русскій и не только никогда евреемъ не былъ, но и не имѣлъ ихъ въ числѣ своихъ предковъ, дружно разсмѣялся и разъяснилъ учителю его ошибку, которая, пожалуй, могла бы меня обидѣть еще больше, чѣмъ поддразниваніе товарищей.

Какъ я сказалъ уже, въ школѣ К. И. Мая можно было заниматься и англійскимъ языкомъ, и имъ занималось дѣйствительно довольно значительное количество воспитанниковъ. Я старался возобновить въ памяти этотъ языкъ, столь хорошо мнѣ знакомый въ моемъ дѣтствѣ, благодаря гувернанткѣ англичанкѣ, а затѣмъ довольно основательно забытый въ періодъ времени съ 7 лѣтняго возраста до 12 лѣтняго. Понималъ я по-англійски дѣйствительно больше моихъ товарищей, свободно читалъ и чуть-чуть говорилъ на этомъ языкѣ, но англійская орѳографія мнѣ совершенно не давалась; на одной страницѣ я дѣлалъ до 25 ошибокъ, наравнѣ съ моими товарищами, едва лишь начавшими обучаться языку Шекспира. Кстати: съ четвертаго класса мы попали къ прекрасному человѣку и большому поклоннику этого геніальнаго писателя, преподавателю англійскаго языка Гису (Heath). Мы тогда и не предполагали, что мы имѣемъ честь состоять учениками будущаго помощника воспитателя нынѣ благополучно царствующаго Государя

Императора. Гиса ученики любили и онъ, кажется, очень любилъ дѣтей и молодежь. У меня и теперь сохранился его портретъ, который мнѣ удалось нарисовать перомъ во время его урока. Долженъ однако сознаться, что онъ для насъ, еще слишкомъ мало знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ, быть можетъ благодаря малому умѣнью его предшественника господина Темпеля, преподававшего намъ въ третьемъ классѣ, не вполне подходилъ. Онъ читалъ съ нами Шекспира, для чего мы не были достаточно подготовлены. Убѣдившись въ этомъ, онъ въ нѣсколько уроковъ старался насъ подготовить, повторивъ кое-что изъ самаго языка и грамматики, а затѣмъ опять принимался за Шекспира, котораго мы въ концѣ концовъ все-таки знали больше по русскимъ переводамъ и тѣмъ сочиненіямъ о немъ и его произведеніяхъ, которые мы писали П. И. Рогову, чѣмъ по чтенію его въ подлинникъ на урокахъ англійскаго языка. Что же касается англійской грамматики и орѳографіи, то она продолжала у насъ хромать. Гисъ вообще очень увлекался и перескакивалъ съ одного на другое. Замѣтивъ, что одинъ изъ моихъ товарищей, Романовскій, страдая какимъ-то органическимъ недостаткомъ, не можетъ выговорить буквы к, онъ нѣсколько уроковъ провозился съ нимъ, стараясь исправить этотъ недостатокъ, путемъ постепеннаго перехода отъ произношенія буквы х къ издававшемуся к.

По рисованію послѣ Ульянова мы попали къ очень доброму преподавателю, самому профессору исторической живописи въ Академіи художествъ Венигу. Почему человѣкъ, уже имѣвшій довольно крупное имя въ живописи, состоявшій профессоромъ въ высшемъ художественномъ училищѣ, согласился терять время на урокахъ, даваемыхъ имъ въ частной гимназіи, осталось для меня неяснымъ. На урокахъ Венига, конечно, было болѣе порядка, чѣмъ на урокахъ Ульянова. По крайней мѣрѣ, онъ никого не выгонялъ изъ класса, но при его добродушіи у него случалось, что я и нѣкоторые изъ другихъ моихъ товарищей, болѣе способныхъ къ рисованію, занимались изображеніемъ каррикатуръ на своихъ преподавателей на доскѣ. Венигъ, какъ художникъ, если каррикатуры были удачны и въ нихъ было схвачено сходство, самъ ими интересовался и потому допускалъ это. Случалось, что мы нѣкоторыхъ изъ нашихъ преподавателей рисовали въ видѣ животныхъ и т. п. *). Однажды такая забава кончилась для меня довольно крупной непріятностью. На урокахъ рисованія въ помѣщеніи самаго большаго класса — третьяго, стеклянная дверь котораго выходила на верхнюю площадку лѣстницы, занималось иногда по два класса вмѣстѣ. На одномъ изъ такихъ уроковъ Венига, я, стоя у доски, занимался какъ разъ рисованіемъ всѣхъ своихъ преподавателей въ каррикатурахъ

*) В. П. Постникова въ видѣ льва, Уртеля въ видѣ кота, Миттелыхера въ видѣ собачки и т. д.

и въ видѣ различныхъ животныхъ, когда я, къ ужасу своему, черезъ стеклянную дверь замѣтилъ, что самъ Карлъ Ивановичъ поднялся по лѣстницѣ и собирается войти прямо въ нашъ классъ, уже начиная нажимать ручку двери. Опасаясь не только за себя, но за самого Венига, которому едва ли было бы пріятно услышать упрекъ за то, что онъ допускаетъ на своихъ урокахъ рисованіе каррикатуръ на учителей, я съ особой поспѣшностью сталъ стирать на доскѣ компрометирующіе рисунки, но неловкимъ движеніемъ нечаянно уронилъ доску такъ, что она уперлась въ дверь и загородила входъ Карлу Ивановичу. Думаю, что Карлъ Ивановичъ узналъ о такомъ рисованіи каррикатуръ и хотѣлъ насъ поймать на этомъ, причемъ упавшая доска ему показалась сброшенной намѣренно. Пока подняли доску и такимъ способомъ освободили входъ, онъ успѣлъ сильно разсердиться и съ гнѣвомъ въ голосъ спросилъ: „кто уронилъ доску?“ Я тотчасъ же вышелъ и объявилъ, что я. „Пошелъ!“ закричалъ онъ на меня безъ обычнаго своего добродушія и даже нѣсколько подтолкнувъ рукою въ спину, и самъ отправился вслѣдъ за мною внизъ по лѣстницѣ. Здѣсь онъ завелъ меня въ какую-то комнату, наполненную старыми пыльными книгами и исполнявшую обязанности карцера, въ которой и заперъ меня на ключъ *). Заключеніе мое однако продолжалось не долго, не болѣе 20 минутъ, а именно до окончанія урока рисованія и начала слѣдующаго, когда Карлъ Ивановичъ выпустилъ меня и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что гнѣвъ его уже улегся.

Венига старшаго еще до моего выхода изъ школы смѣнилъ его братъ, Венигъ младшій, которымъ и закончился рядъ моихъ школьныхъ учителей рисованія.

Для полноты, долженъ упомянуть, что въ третьемъ классѣ мнѣ пришлось еще очень недолго заниматься исторіей у предшественника Штрунке-Бауэра, наводившаго на учениковъ тоску и скуку, а по естественнымъ наукамъ—у Лоренца. Затѣмъ въ старшихъ классахъ въ теченіе непродолжительнаго времени намъ преподавалъ химію Литинскій, отличившійся тѣмъ, что при одномъ химическомъ опытѣ, при коемъ долженъ былъ получиться газъ съ очень непріятнымъ запахомъ, разрѣшилъ всѣмъ ученикамъ курить (закурили, конечно, и не курящіе) и производилъ самый опытъ при 20° мороза на дворѣ, куда мы вышли безъ верхняго платья и даже безъ сюртуковъ, чтобы не запачкаться, черезъ открытое окно лабораторіи. Еще, кромѣ того, намъ пришлось заниматься чтеніемъ одного изъ классиковъ, кажется Овидія, уже въ седьмомъ классѣ съ очень ученымъ, но очень скучнымъ Шмидтомъ, котораго мы въ виду усыпительности его преподаванія прозвали по-

*) Запираніе въ карцеръ было очень рѣдкимъ событіемъ въ школѣ, случавшимся разъ въ нѣсколько лѣтъ.

нѣмецки Schlafmaschine (усыпительная машина). Наконецъ, гимнастику преподавалъ коренастый и сильный господинъ, кажется изъ унтеръ-офицеровъ, Муравьевъ.

V.

Между учениками школы въ мое время преобладали дѣти изъ сравнительно богатыхъ, преимущественно нѣмецкихъ семей, а русскіе составляли немного менѣе половины. Означенные нѣмцы, впрочемъ, преобладали между реалистами и большею частью выходили изъ 4-го, 5-го и 6-го классовъ, посвящая себя затѣмъ коммерческой дѣятельности. Что касается классиковъ, проходившихъ какъ седьмой, такъ и восьмой классъ, уже тогда существовавшій въ школѣ подъ названіемъ старшаго отдѣленія седьмого класса (*Ober septima* *), то между ними, наоборотъ, большею частью преобладали русскіе изъ очень просвѣщенныхъ семей. Были между ними часто дѣти профессоровъ университета и академіи художествъ. Въ числѣ ихъ въ мое время воспитывались: Савичъ (сынъ извѣстнаго астронома), два Хвольсона (дѣти профессора), Рѣдкинъ (сынъ профессора, впослѣдствіи ректора Университета), три Резанова (сыновья ректора архитектурнаго отдѣленія академіи художествъ), два Кракау (сыновья профессора архитектуры). Кромѣ того, незадолго передъ моимъ поступленіемъ, скончался необыкновенно способный мальчикъ, получавшій по пяти изъ всѣхъ предметовъ, сынъ извѣстнаго Константина Дмитріевича Кавелина. Между дѣтьми богатыхъ коммерсантовъ, учившихся въ школѣ въ мое время, могу назвать Брандта, которому я давалъ уроки, Мейера, Лампе и другихъ. Были и дѣти изъ богатыхъ русскихъ купеческихъ семей, довольно извѣстныхъ, какъ-то: Елисѣевъ, Дурдины, Овсянниковы и другіе. Попадались и дѣти аристократическихъ фамилій, но эти лица, большею частью, оставались недолго, переходя потомъ въ другія учебныя заведенія. Между ними были князь Ѳ. С. Голицынъ, графъ Орловъ-Давыдовъ и Д. С. Сипягинъ **).

Закончивъ эту краткую характеристику преподавателей и того контингента, изъ котораго набирались ученики школы, возвращаюсь къ прерванному, на переходѣ моемъ изъ четвертаго въ пятый классъ, описанію того, какъ я проходилъ школу, и что за это время въ ней совершилось.

Такъ какъ отношенія Карла Ивановича, какъ къ преподавателямъ, такъ и къ ученикамъ, по своей трогательной простотѣ, напоминали отношенія членовъ одной большой семьи между собою, то не мудрено,

*) Классы носили въ то время латинскія названія: *prima*, *secunda*, *tertia*, *quarta*, *quinta*, *sexta*, *Unter septima* и *Ober septima*. Въ названіяхъ двухъ старшихъ классовъ смѣсь латыни съ нѣмецкимъ.

**) Впослѣдствіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

что у насъ праздновались въ этой большой семьѣ и свои семейные праздники. Самымъ крупнымъ изъ нашихъ праздниковъ былъ день рожденія Карла Ивановича, приходившійся на 29 октября. Въ этотъ день обыкновенно утромъ всѣ ученики собирались въ школу немного ранѣе начала классовъ и гурьбой отправлялись во второй этажъ, въ квартиру своего любимаго директора съ цѣлью принесенія ему поздравленій. При помощи учителя хорового пѣнія, а такой предметъ входилъ въ число обязательныхъ для всѣхъ, у кого былъ хоть какой-нибудь голосъ или слухъ, разучивалась особо какая-нибудь кантата или пѣснь и она то и пѣлась ему въ видѣ грандіозной серенады. Самъ Карлъ Ивановичъ отвѣчалъ на наше привѣтствіе рѣчью, всегда живой и остроумной, всегда трогательной и подтверждавшей и укрѣплявшей ту связь, которая такъ тѣсно связывала его личную жизнь съ жизнью основанной имъ и руководимой имъ школы. Однажды онъ сравнилъ свою жизнь съ странствіемъ, свои дни рожденія со станціями, а привѣтствія своихъ учениковъ со вкусными закусками и бутербродами. Мы потомъ часто повторяли эту рѣчь, представляя, какъ онъ ее говорилъ. На поздравленія являлись и многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ. Затѣмъ классы въ этотъ день шли обыкновеннымъ порядкомъ и лишь къ завтраку ученики, вмѣсто обыкновеннаго молока съ чернымъ и бѣлымъ хлѣбомъ, получали шеколадъ и сладкое печенье.

Кажется, въ первый годъ моего пребыванія въ пятомъ классѣ нѣкоторымъ ученикамъ школы пришла мысль, въ видѣ сюрприза и подарка Карлу Ивановичу, устроить въ школѣ домашній спектакль, въ которомъ приняли бы участіе одни ученики. На устройство этого спектакля были собраны необходимыя деньги между учениками, изъ коихъ были выбраны и распорядители и кассиръ, а затѣмъ къ участію въ этомъ дѣлѣ были приглашены преподаватель русской словесности Роговъ, нѣмецкой—Отто и французской—Жонтъ. Были выбраны пьесы, я взялся быть декораторомъ, и работа закипѣла. Комитетъ изъ нашего класса завѣдывалъ какъ суммами, такъ и всею хозяйственною частью. Для такихъ юношей, почти мальчиковъ (всѣмъ намъ было отъ 14 до 17 лѣтъ), самое веденіе хозяйственнаго дѣла: закупки, заказы, напр., лампъ, самой сцены, т. е. помоста для нея, а также выборъ взятыхъ на прокатъ костюмовъ и проч. представляло не малый интересъ. Нами собрано было около четырехсотъ рублей, которые всѣ и были израсходованы. Русская пьеса была „Скупой Рыцарь“ Пушкина, французская—l'Avare—Мольера, нѣмецкая была менѣе интересна и значительна. Обѣ первыя пьесы требовали довольно дорогихъ костюмовъ, а потому главнѣйшая часть расходовъ и выпала на долю костюмовъ и гриммировки, а именно, около 200 р. Сцена, т. е. помостъ со всѣми приспособленіями, обошлась въ 120 р. Прокатъ лампъ стоилъ 35 р. и всего дешевле обошлись декораціи, такъ какъ рисовалъ ихъ я съ нѣкоторыми

товарищами, мнѣ помогавшими, а платить пришлось только за бумагу, клей, краски, кисти и т. п. Декораціи стоили около 17 рублей. О, какъ сильно это дѣло насъ тогда занимало! какъ интересны были совѣщанія и обсужденія того, что и какъ заказать и купить! Во всѣ эти распоряженія учителя вовсе не вмѣшивались. Интересны были и вечерніе часы рисованія декорацій въ одной полуподвальной квартирѣ дома К. И. Мая, тогда пустовавшей. Главнымъ декораторомъ былъ я, а главнымъ моимъ помощникомъ Дмитрій Александровичъ Резановъ ¹⁾. Также какъ и я онъ былъ однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ въ школѣ; сынъ ректора архитектурнаго отдѣла Академіи Художествъ Александра Ивановича Резанова, онъ также готовился быть архитекторомъ. Будучи его другомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошо знакомымъ съ его семьей, я пользовался вмѣстѣ съ нимъ богатыми изданіями по исторіи архитектуры, имѣвшимися у его отца.

Подвалъ въ замкѣ скупого рыцаря и пріемная герцога были написаны отчасти по подлиннымъ изображеніямъ средневѣковыхъ замковъ и построекъ и во всякомъ случаѣ съ вполне современными эпохѣ орнаментами и въ выдержанномъ стилѣ того времени. Амфилада сводовъ подвала, поддержанныхъ толстыми приземистыми колоннами съ романскими капителями, такъ-же какъ рѣзныя готическія двери и окна пріемной герцога, произвели большой эффектъ во время представленія. Не малый эффектъ произвела и улица нѣмецкаго городка ночью, нарисованная для нѣмецкой пьесы, и два маленькихъ декоратора были нѣсколько разъ вызываемы. Распредѣленіе ролей въ пьесахъ французской и нѣмецкой не сохранилось въ моей памяти, въ Скупомъ же Рыцарѣ, впослѣдствіи нѣсколько разъ ставившемся въ той же школѣ съ участіемъ двухъ моихъ сыновей въ главной роли пьесы, при первой постановкѣ, роли были распредѣлены такъ: Герцогъ—Бели ²⁾; Скупой рыцарь—Ростовскій ³⁾; Альбертъ, сынъ его—Апрѣлевъ ⁴⁾, а роль еврея ростовщика выпала на мою долю.

Насколько самъ К. И. зналъ о готовившемся ему сюрпризѣ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Вѣроятно, преподаватели ему сообщили, что будетъ домашній спектакль, устраиваемый учениками, но дальнѣйшихъ подробностей не объясняли. Самыя приготовленія къ спектаклю, репетиціи, хозяйственныя распоряженія и хлопоты, рисованіе декорацій, какъ нельзя болѣе способствовали сближенію учениковъ какъ между собою, такъ и съ принявшими участіе въ общемъ дѣлѣ преподавателями. Съ одной стороны веденіе практическаго дѣла, а съ другой,

¹⁾ Въ школѣ Мая съ 1861 по 1871 г., когда онъ окончилъ полный курсъ, впослѣдствіи архитекторъ, скончавшійся отъ чахотки въ 1884 году.

²⁾ Нынѣ богатый коммерсантъ; въ школѣ Мая съ 1861 по 1868 г.

³⁾ Впослѣдствіи участникъ банкирской конторы Стефаницъ, Ростовскій и К^о.

⁴⁾ Въ школѣ Мая съ 1867 по 1868 годъ.

бесѣды съ учителями во время репетицій, также способствовало общему развитію учениковъ и увеличенію въ нихъ интереса къ искусству. Самъ Карлъ Ивановичъ остался настолько доволенъ, что рѣшилъ повторить школьный спектакль и на слѣдующій годъ, принявъ крупную часть расходовъ на свой счетъ.

Не стану описывать въ отдѣльности, по каждому классу, какъ второй годъ моего пребыванія въ пятомъ классѣ, такъ равно и годы проведенные безъ задержанія въ шестомъ классѣ и младшемъ отдѣленіи седьмого. Вообще изъ всего времени пребыванія въ школѣ это было наиболѣе интересное и наиболѣе полезное для моего общаго развитія. Въ это время складывались болѣе близкія и сознательно дружескія отношенія съ товарищами; въ это время, благодаря любимому нами преподавателю русской литературы Рогову, мы, кромѣ офиціального, такъ сказать, курса русской литературы по Стоюнину, прочли въ классѣ въ подлинникъ и полностью всѣ рѣшительно сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова и многія сочиненія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, даже Писемскаго и другихъ *). Въ это время, благодаря талантливому изложенію Штрукке, мы знакомились не только съ хронологіей исторіи и голыми фактами ея, но и съ самымъ смысломъ событій, ихъ взаимною связью, а также съ исторіей человѣческой мысли и культуры **). Въ это же время, наконецъ, преподавая намъ древніе языки, Уртель знакомилъ насъ съ древнимъ міромъ, переноса насъ въ его обстановку, знакомя съ кругозоромъ древнихъ и съ ихъ внутренней жизнью и бытомъ. Было чѣмъ интересоваться, было о чемъ потолковать и съ учителями и между собою, было на чемъ вырасти у учениковъ и нѣкоторымъ идеальнымъ стремленіямъ, и нѣкоторому интересу ко всему высокому и прекрасному. Прибавьте къ этому почти товарищеское отношеніе къ намъ самого К. И. Мая, тѣ интересныя сообщенія изъ области естественныхъ наукъ, которыя намъ дѣлалъ онъ самъ и нѣкоторые другіе преподаватели—какъ Вильямсъ и физикъ Филипенко, и станетъ понятно и ясно—почему это время осталось у меня, и вѣроятно, у многихъ моихъ товарищей, въ воспоминаніяхъ, какъ наилучшее время нашей школьной жизни, наиболѣе дорогое по своимъ воспоминаніямъ и оставившее наиболѣе глубокіе слѣды въ нашемъ умственномъ укладѣ и развитіи. При этомъ въ нашемъ товарищескомъ кругу держались наиболѣе высокія и искреннія понятія о чести и порядочности, и большинство при значительномъ развитіи умственномъ, расширенномъ кругозорѣ и знакомствѣ, по книгамъ, со всѣми сторонами жизни, сохранило всю свѣжесть юной неиспорченности и непорочности до окончанія курса или выхода изъ школы.

*) Лучшія и большія сочиненія гр. Л. Толстого „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ тогда еще не были написаны.

**) Помню, какъ мы писали сочиненія о реформаціи и ея причинахъ.

Наибольшая близость наша къ П. И. Рогову, именно въ это время, запечатлѣлась и на фотографіи моего шестого класса, поднесенной Карлу Ивановичу 29 октября 1868 г. На этомъ портретѣ, кромѣ сидящаго посреди насъ Рогова ¹⁾ и моего, имѣются портреты шедшихъ вмѣстѣ со мной по классическому отдѣленію Николая Николаевича Корфа ²⁾, Севастьяна Романовскаго ³⁾, Евгенія Гамдорфа ⁴⁾ и Александра Петерса ⁵⁾, а также реалистовъ: Артура Брандта, Эдуарда Мейера, Вейхардта и Бейтина ⁶⁾.

Во второй годъ моего пребыванія въ пятомъ классѣ, т. е. въ зиму 1867—68 года, былъ второй со времени существованія школы домашній въ ней спектакль, на этотъ разъ уже при личномъ участіи Карла Ивановича какъ деньгами, такъ и хлопотами. За дѣло взялся Уртель и рѣшено было поставить пьесу на латинскомъ языкѣ подъ его личнымъ руководствомъ. Избрана была комедія Плавта „*Trinummus*“. Въ дополненіе къ ней должны были быть поставлены сцены изъ „Недоросля“ Фонвизина, подъ руководствомъ Рогова, и „Лагерь Валленштейна“ Шиллера, подъ руководствомъ Штрунке. Въ представленіи комедіи Плавта на латинскомъ языкѣ принимали участіе исключительно воспитанники обоихъ отдѣленій седьмого класса и шестой классъ, на меня же было возложено рисованіе декорацій. Для латинскаго спектакля требовалась лишь одна декорація, не мѣняющаяся въ теченіе всего спектакля. Она должна была изображать улицу въ древнихъ Аѳинахъ. Большимъ другомъ К. И. былъ профессоръ университета Люгебиль, который своими знаніями помогалъ въ дѣлѣ постановки этой пьесы. Мнѣ пришлось ходить къ нему за очень интересными указаніями, касавшимися древне-греческаго быта и ихъ построекъ. Задній планъ декораціи представлялъ собою видный вдали на фонѣ яркаго южнаго неба Акрополь, срисованный съ иллюстрацій, взятыхъ изъ цѣнныхъ изданій, принадлежавшихъ профессору Люгебилю. Все, и статуя Паллады Аѳины, и роскошные храмы, и спускающіяся съ горы къ городу ступени были изображены точно, по лучшимъ изданіямъ и изслѣдованіямъ. На переднемъ планѣ на лѣвой сторонѣ аѳинскій частный домъ съ одною дверью, безъ оконъ, лишь съ нишами, въ которыхъ стояли статуи, былъ также изображенъ археологически вѣрно, а на правой

¹⁾ Надо замѣтить, что въ то время классныхъ наставниковъ не было и классъ самъ просилъ одного изъ своихъ преподавателей сняться вмѣстѣ съ нимъ для поднесенія портрета Карлу Ивановичу.

²⁾ Владѣлецъ маіората въ Курляндіи; въ школѣ съ 1868—1873 г.

³⁾ С. Романовскій въ школѣ съ 1865—1873 г.

⁴⁾ Е. Гамдорфъ въ школѣ съ 1866—1873 г.

⁵⁾ Петерсъ въ школѣ съ 1863—1872 г.

⁶⁾ Брандтъ въ школѣ съ 1862—1872 г.; Мейеръ—съ 1863—1871 г.; Вейхардтъ—съ 1867—1871 г. и Бейтинъ—съ 1865—1871 г.

сторонѣ стоялъ бюстъ Гермеса, тоже срисованный изъ иллюстрированныхъ изданій, имѣвшихся у профессора. Много стараній было положено мною и моими помощниками Резановымъ и Гамдорфомъ на изображеніе этой декораціи. Весь ландшафтъ, украшенный южной растительностью, былъ освѣщенъ мягкими розовыми лучами заходящаго южнаго солнца. Нѣсколько бликовъ, оживившихъ сухія, но стройныя линіи классическихъ карнизовъ, колоннъ и ихъ капителей, были положены учителемъ рисованія Венигомъ младшимъ. Однако и тутъ пришлось въ послѣднюю минуту кое-что передѣлывать. Мною была нарисована для помѣщенія въ нишѣ аѳинскаго дома статуя Венеры, но К. И. нашелъ неудобнымъ помѣщать нагую статую и пришлось нарисовать новую статую уже во время генеральной репетиціи. Съ неменьшимъ тщаніемъ рисовалась мною и декорація для лагеря Валленштейна. Побывавъ въ 1864 году въ Германіи и Богеміи, я уже былъ знакомъ съ характеромъ мѣстности, а потому окрестности Пильзена вышли тоже достаточно хороши и соотвѣтственны ландшафтамъ Чехіи вообще. И тутъ въ послѣднюю минуту пришлось, однако, рисовать деревья и палатки, а то оказалось, что съ боковыхъ мѣстъ можно было бы видѣть школьныя стѣны. Не меньше тщанія было приложено и къ костюмировкѣ.

Самые костюмы обошлись очень дорого и были взяты на прокатъ чуть ли не изъ Императорскихъ театровъ. На генеральной репетиціи и на представленіи присутствовалъ самъ профессоръ Люгебиль; онъ самъ осматривалъ костюмы, прикалывалъ тоги и располагалъ складки ихъ такъ, какъ носили ихъ въ дѣйствительности древніе греки, слѣдилъ за точной и вѣрной подвязкой сандалій и пр. На представленіи присутствовалъ тогдашній попечитель округа И. Д. Деяновъ, П. Г. Рѣдкинъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ, для которыхъ были изготовлены книжки съ латинскимъ и русскимъ текстомъ классической комедіи. Латинская комедія началась прологомъ, въ которомъ выступили двѣ греческія богини, изображавшіяся одна уже упомянутымъ Дмитріемъ Резановымъ, а другая старшимъ Глезеромъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся инженеромъ и строителемъ Витебскъ-Жлобинской желѣзной дороги *). Оба юноши были очень эффектными и интересными богинями, въ греческихъ прическахъ съ діадемами, Резановъ—бѣлокурый, а Глезеръ—темноволосый.

Въ другихъ роляхъ выступали всѣ тогдашніе воспитанники обоихъ отдѣленій седьмого класса, въ числѣ пяти человѣкъ, и весь шестой классъ, въ числѣ шести. Послѣ латинской комедіи пошли сцены изъ „Недоросля“ (обученіе и экзаменъ), разыгранныя, главнымъ образомъ, тогдашнимъ пятымъ классомъ. Самого Недоросля не безъ нѣко-

*) Эдуардъ Эдуардовичъ Глезеръ въ школѣ съ 1864 по 1869 годъ. Глезеръ былъ тогда въ старшемъ отдѣленіи седьмого класса, а Резановъ—въ шестомъ.

тораго таланта изображалъ мой товарищъ Гамдорфъ; недурной госпожей Простаковой былъ другой мой товарищъ Романовскій, несмотря на то, что онъ совсѣмъ не могъ выговорить буквы К. На мою долю выпала роль Цыфиркина.

Послѣ „Недоросля“ пошелъ „Лагерь Валленштейна“. Гамдорфу пришлось опять проявить свои способности комическаго актера. Онъ изображалъ капуцинскаго монаха, говорящаго проповѣдь разнузданнымъ солдатамъ Валленштейна (самая большая роль), и игралъ очень хорошо. Мой товарищъ Петерсъ изображалъ маркитантку Густель, а мнѣ досталась небольшая роль одного изъ солдатъ. Рѣдкая для домашняго спектакля обстановка, какъ по декораціямъ, такъ въ особенности по костюмамъ; живописная картина древнихъ Аѳинъ въ розовыхъ лучахъ заходящаго солнца и эффектъ классическихъ, совершенно точныхъ, одѣяній произвели сильное впечатлѣніе. Затѣмъ разнообразіе мундировъ и латъ Валленштейновской арміи на фонѣ широкихъ полей Богеміи съ виднѣющимися вдали шпилями и колокольнями города Пильзена, способствовали усиленію этого впечатлѣнія, и три юныхъ декоратора наравнѣ съ преподавателями-режиссерами подвергались многократнымъ вызовамъ. Второй домашній спектакль удался какъ нельзя болѣе. Вѣроятно, эта постановка латинской пьесы сблизила тогдашній шестой классъ, съ которымъ мнѣ впослѣдствіи пришлось учиться вмѣстѣ во время нахожденія моего въ младшемъ отдѣленіи седьмого класса, съ Уртелемъ, съ которымъ они снялись на поднесенной К. И. фотографіи. Въ классѣ этомъ, составившемъ выпускъ 1871 года, были: Л. Глезеръ второй, будущій директоръ училища Св. Екатерины; М. Лингенъ, нынѣ преподаватель того же училища; Д. Резановъ, о которомъ я уже достаточно говорилъ; Ю. Рѣдкинъ, сынъ профессора и ректора университета, П. Г. Рѣдкина, нынѣ членъ Суда; Вестфаленъ, умершій вскорѣ по окончаніи курса въ университетѣ, и Гюберъ ¹⁾. Предшествовавшій этому выпускъ (во время представленія младшее отдѣленіе седьмого класса) состоялъ изъ Савича, сына извѣстнаго астронома, и Саковского ²⁾, нынѣ доктора медицины. Выпускъ же 1869 года, также принимавшій участіе въ латинскомъ спектаклѣ, состоялъ изъ О. Д. Хвольсона, нынѣ профессора физики, Э. Э. Глезера, инженера, и П. І. Сомова ³⁾, нынѣ профессора высшей математики въ Горномъ Институтѣ. Третій школьный спектакль, въ которомъ мнѣ пришлось принимать участіе, происходилъ, кажется, когда я былъ въ шестомъ классѣ, а можетъ быть даже въ седьмомъ. Мнѣ опять пришлось взяться за

¹⁾ Въ школѣ они находились: Л. Э. Глезеръ 1864—1871 г., М. К. Лингенъ 1860—1871, Д. А. Резановъ 1861—1871, Ю. П. Рѣдкинъ 1864—1871, Г. А. Вестфаленъ 1862—1871.

²⁾ М. А. Савичъ въ школѣ съ 1862 по 1870 г. и К. К. Саковский съ 1863 по 1870 г.

³⁾ О. Д. Хвольсонъ въ школѣ съ 1861 по 1869, Э. Э. Глезеръ съ 1864 по 1869 и П. І. Сомовъ съ 1861 по 1869 г.

кисть и рисовать декораціи. Подробности этого спектакля болѣе улетучились изъ моей памяти, чѣмъ подробности первыхъ двухъ. Помню лишь, что въ русской пьесѣ женская роль была дана Бруни ¹⁾, нынѣшнему инспектору въ Академіи Художествъ. Онъ въ женскомъ платьѣ оказался очень хорошенькой женщиной—Марьей Ивановной (такъ звали особу, которую онъ изображалъ). Вслѣдствіе этого, между товарищами за нимъ надолго сохранилась кличка Марьи Ивановны.

Какъ совмѣстныя хлопоты о спектакляхъ, такъ и вообще болѣе продолжительное совмѣстное пребываніе въ школѣ въ связи съ тѣмъ общимъ интересомъ къ литературѣ, рисованію и многому идеальному и изящному, способствовали сближенію товарищей между собою и группировкѣ ихъ въ болѣе тѣсныя товарищескіе кружки. На этой почвѣ завязывалось и болѣе близкое знакомство ихъ и ихъ семей между собою.

Ранѣе всего я сблизился съ семьей Резановыхъ, коихъ трое, а именно старшій Дмитрій, наиболѣе мнѣ близкій другъ изъ школьныхъ товарищей, второй Владиміръ ²⁾, умершій еще будучи ученикомъ гимназіи, кажется въ пятомъ классѣ (онъ былъ моложе меня), и третій Николай ³⁾, умершій въ 1880 г. уже ученикомъ Академіи Художествъ. Знакомство нашихъ семей завязалось случайно, благодаря лѣту, проведенному на Аптекарскомъ островѣ, на дачахъ, расположенныхъ очень близко другъ отъ друга. Здѣсь я познакомился со всей семьей Резановыхъ, въ которой было пятеро дѣтей. Кромѣ названныхъ трехъ учениковъ гимназіи К. И. Мая, у нихъ было еще двѣ сестры, Серафима и Ольга. Старшая изъ нихъ, Серафима, вышла впослѣдствіи замужъ за моего товарища Гамдорфа; она также, какъ и старшій ея братъ Дмитрій, скончалась отъ чахотки, достигнувъ тридцатилѣтняго съ небольшимъ возраста. Младшая ея сестра Ольга, также, какъ и оба младшихъ брата Резановыхъ, скончалась въ возрастѣ около двадцати лѣтъ. Трагическая судьба этой достойной и дружной семьи заключалась въ томъ, что все молодое поколѣніе моихъ сверстниковъ обоего пола, въ числѣ пяти человекъ, погибло въ болѣе или менѣе раннемъ возрастѣ отъ чахотки легкихъ. Впослѣдствіи у меня, такъ-же какъ и у моего товарища Дмитрія Резанова и его семьи, завязалось близкое знакомство и дружба еще съ нѣсколькими товарищами, въ числѣ коихъ находились Рѣдкинъ, сынъ профессора и ректора университета; Савичъ, сынъ профессора астрономіи, впослѣдствіи женившійся на второй сестрѣ своего товарища Ю. Рѣдкина; Гамдорфъ, мой однокашникъ; два брата Корфъ, Николай и Семенъ ⁴⁾, изъ которыхъ старшій, Николай, былъ

¹⁾ Н. А. Бруни, въ школѣ съ 1868 по 1875 годъ.

²⁾ В. Резановъ въ школѣ съ 1861 по 1870 г., когда онъ и скончался.

³⁾ Н. Резановъ въ школѣ съ 1868 по 1878 г.

⁴⁾ Нынѣ Ломжинскій Губернаторъ, въ школѣ съ 1869 по 1873 г.

со мной въ одномъ классѣ, а младшій, Семень, классомъ моложе. Къ этой компаніи отчасти примыкали бывавшіе у меня и Рѣдкина, мой товарищъ Романовскій, необыкновенный силачъ, этимъ славившійся въ школѣ, и Мальшевскій ¹⁾, бывшій классомъ меня моложе. Мальшевскій впослѣдствіи сдѣлался врачомъ-хирургомъ, сопровождалъ Скобелева въ его текинскомъ походѣ и иногда послѣ этого лечилъ знаменитаго генерала. Кромѣ того, иногда посѣщалъ насъ Александръ Александровичъ Кракау ²⁾, старшій братъ бывшего директора Школы К. И. Мая, нынѣ профессоръ Электротехническаго Института.

Къ нашей компаніи отчасти примыкалъ еще двоюродный братъ моей мачехи, жившій въ одномъ домѣ со мною, у своего дяди А. П. Заблоцкаго, І. В. Коссовичъ ³⁾. Сестра этого послѣдняго, также жившая въ одномъ со мною домѣ, очень сдружилась съ сестрами моего товарища и друга Резанова. Вся эта компанія сохранила и знакомство, и нѣкоторыя связи и по выходѣ ихъ гимназіи. Нѣкоторые изъ насъ, а именно, кромѣ Д. Резанова, Рѣдкинъ, Гамдорфъ и я, впослѣдствіи участвовали еще въ двухъ домашнихъ спектакляхъ, устраивавшихся у Резановыхъ.

Нѣсколько далѣе отъ этой компаніи, но все же въ нѣкоторомъ знакомствѣ состояли еще нѣкоторые товарищи и однокашники Мальшевскаго и Семена Корфа, а именно: Зиновьевъ ⁴⁾, нынѣшній Петербургскій Губернаторъ, и Александръ Александровичъ Макаровъ ⁵⁾, нынѣ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, имѣвшій еще младшаго брата, и нѣсколько братьевъ Бруни. Кромѣ того, намъ былъ близко знакомъ еще болѣе молодой товарищъ самаго младшаго Резанова—Николая, жившій у Резановыхъ въ квартирѣ, вслѣдствіе того, что родители его жили въ Петергофѣ, Владиміръ Гильтебрантъ ⁶⁾, нынѣ докторъ медицины, служащій въ Морскомъ вѣдомствѣ. Этотъ послѣдній былъ въ одномъ классѣ В. А. Кракау ⁷⁾, и Панаевымъ ⁸⁾. Если я перечислил нѣсколько товарищескихъ кружковъ, отчасти другъ съ другомъ соприкасавшихся, то потому, что связь между ними не ограничивалась одною школою и сохранилась болѣе или менѣе продолжительное время ⁹⁾. Она, т. е. эта связь, не исключала близ-

¹⁾ О. И. Малышевскій въ школѣ съ 1865 по 1873 г., умеръ въ 1897 г.

²⁾ Въ школѣ съ 1865 по 1873 г.

³⁾ Коссовичъ былъ въ школѣ съ 1865 по 1870 г., изъ пятаго класса перешелъ въ Морское училище, нынѣ капитанъ І-го ранга, командовавшій крейсеромъ „Паллада“ въ началѣ Русско-Японской войны.

⁴⁾ А. Д. Зиновьевъ въ школѣ съ 1864 по 1873 г.

⁵⁾ А. А. Макаровъ въ школѣ съ 1866 по 1874 г.

⁶⁾ В. А. Гильтебрантъ въ школѣ съ 1870 по 1877 г.

⁷⁾ В. А. Кракау въ школѣ съ 1868 по 1876 г.

⁸⁾ А. И. Панаевъ въ школѣ съ 1872 по 1877 г.

⁹⁾ Одна изъ сестеръ Бруни вышла замужъ за младшаго Макарова, погибшаго въ молодомъ возрастѣ на постройкѣ, а сестра Панаева замужемъ за Гильтебрантомъ.

кихъ товарищескихъ отношеній и съ остальными одноклассниками, съ которыми знакомство ограничивалось одной школой.

Выше уже былъ перечисленъ мною тотъ седьмой классъ, который составлялъ его старшее отдѣленіе въ то время, когда я находился въ младшемъ его отдѣленіи. Мы всѣ учились въ теченіе одного года вмѣстѣ и, слѣдовательно, наше товарищество было довольно тѣсно.

Точно также во время моего пребыванія въ старшемъ отдѣленіи седьмого класса мнѣ пришлось учиться вмѣстѣ съ составлявшими младшее отдѣленіе того же класса, а именно: Семенъ Корфъ, Зиновьевъ, Мальшевскій и Александръ Кракау, впослѣдствіи окончившіе курсъ въ 1873 году вмѣстѣ съ тремя моими полными товарищами Гамдорфомъ, Николаемъ Корфомъ и Романовскимъ. Причиной такого задержанія на лишній годъ трехъ моихъ товарищей были особая строгости, введенныя, въ годъ моего выпуска, тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Толстымъ.

VI.

Пришлось мнѣ кончать курсъ въ очень тяжелый для всѣхъ кончавшихъ со мною одновременно курсъ въ гимназіяхъ годъ. Въ этотъ годъ вводилась новая классическая система и прибавлялся къ семи существовавшимъ во всѣхъ гимназіяхъ новый, восьмой классъ. Въ этотъ трудный годъ почти во всѣхъ гимназіяхъ кончило курсъ по два, по три и рѣдко по четыре и пяти человѣкъ. Условія выпуска были таковы, что всѣ, получившіе менѣе $4\frac{1}{2}$ изъ древнихъ языковъ и математики и менѣе четырехъ въ среднемъ изъ остальныхъ предметовъ, считались лишь переведенными во вновь открываемый восьмой классъ и только получившіе столь хорошія отмѣтки оканчивали курсъ. Когда я поступилъ въ университетъ, первый курсъ оказался переполненъ семинаристами, а число гимназистовъ было весьма незначительно.

Тревожное настроеніе и безпокойство о томъ, что случится со мною и моими товарищами при выпускѣ, охватило и Карла Ивановича, и преподавателей, и насъ самихъ уже осенью 1871-го года. Въ сущности у насъ восьмой классъ, подъ названіемъ старшаго отдѣленія седьмого класса (*ober septima*), уже существовалъ, и К. И. могъ надѣяться, что мы получимъ право удовлетворить на экзаменѣ обыкновеннымъ требованіямъ, а не чрезвычайнымъ, предъявляемымъ къ воспитанникамъ седьмого класса. Въ этомъ смыслѣ и было возбуждено ходатайство передъ Министерствомъ. Ходатайство это казалось столь естественнымъ, что мы почти не сомнѣвались въ его успѣхѣ. Но не такъ посмотрѣло на дѣло Министерство, проникнутое тогда стремленіемъ всячески затормозить доступъ въ высшія учебныя заведенія, всячески придирается ко всему, къ чему только можно было придраться, нисколько не забо-

тятся о судьбѣ молодыхъ людей, которымъ, конечно, было очень тяжело совершенно неожиданно быть задержанными на лишній годъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Министерство придралось къ тому, что въ нашемъ восьмомъ классѣ число латинскихъ уроковъ на два урока въ недѣлю было меньше предполагаемаго во вновь открываемыхъ восьмыхъ классахъ. Несмотря на то, что въ дѣйствительности наши познанія по латыни, благодаря Уртелю, а затѣмъ Мальхину, были гораздо выше, чѣмъ въ казенныхъ гимназіяхъ, что мы свободно писали сочиненія по-латыни, отвѣчали въ классѣ по теоріи стихосложенія на чистомъ языкѣ древнихъ римлянъ, чего никто изъ современныхъ намъ гимназистовъ не въ состояніи былъ сдѣлать, существованія нашего восьмого класса не признали. Даже впечатлѣніе, еще свѣжее въ памяти попечителя округа И. Д. Делянова, отъ постановки латинской пьесы, не помогло. Чисто формальная придирика поставила нашъ восьмой классъ на одинъ уровень съ седьмымъ гимназическимъ. Очевидно, дѣло было не въ настоящемъ классицизмѣ, а въ стремленіи создавать систему затрудненій и придирокъ. Около конца ноября окончательно выяснилось, что съ насъ потребуютъ тѣхъ отличныхъ отмѣтокъ на экзаменѣ, о которыхъ уже было сказано выше; мало того, что на каждомъ экзаменѣ, кромѣ окружного инспектора, будетъ присутствовать по каждому предмету специально откомандированный экзаменаторъ изъ преподавателей казенныхъ гимназій, при чемъ выставленный имъ баллъ и будетъ считаться окончательнымъ, а баллы, выставяемые нашими собственными преподавателями, не будутъ имѣть никакого значенія. Все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественность экзаменаціонной обстановки въ видѣ обязательнаго зеленого сукна на столѣ, вицмундировъ экзаменаторовъ и пр., сильно насъ смущало, да не мало смущало, кажется, и самого К. И. и нашихъ преподавателей. Въ нашей гимназіи, при переходѣ изъ класса въ классъ, экзаменовъ почти вовсе не существовало. Переводили по годовымъ отмѣткамъ и экзаменовали лишь нѣкоторыхъ, немногихъ, по тѣмъ предметамъ, по которымъ они были слабоваты. Да и эти-то экзамены совершались очень просто и скромно. Ученики предупреждались о томъ, кто и изъ какихъ предметовъ подвергнется экзамену весною, а затѣмъ на урокъ приходилъ самъ Карлъ Ивановичъ и вмѣстѣ съ учителемъ спрашивалъ экзаменующагося по всему пройденному за годъ курсу. Въ случаѣ плохихъ съ его стороны отвѣтовъ, ему либо давалась точно такая же переэкзаменовка осенью, либо онъ оставлялся на второй годъ. Лучшихъ учениковъ переводили безъ экзаменовъ, а худшихъ, имѣющихъ плохія отмѣтки изъ значительнаго числа предметовъ, безъ экзаменовъ оставляли на второй годъ.

Гимназія наша въ то время еще полныхъ правъ казенной гимназіи не имѣла, но постепенно завоевывала себѣ эти права. Въ началѣ существованія школы, оканчивавшіе полный гимназическій курсъ (въ то время

современныхъ реальныхъ училищъ не было) сдавали экзаменъ при казенныхъ гимназіяхъ. Позднѣе было дано право присутствовать на этихъ экзаменахъ и нашимъ преподавателямъ, а въ мое время экзамены уже производились въ самой нашей гимназіи въ присутствіи окружного инспектора и казенныхъ преподавателей, лишь по нѣкоторымъ предметамъ. Конференція нашихъ преподавателей рѣшала передъ такимъ экзаменомъ, кого къ нему допустить и кого не допустить. При этомъ за все время существованія школы не было случая, чтобы допущенный къ экзамену на немъ провалился, чѣмъ К. И. имѣлъ полное право гордиться. Что же было дѣлать при этихъ новыхъ обстоятельствахъ и этихъ строгостяхъ? Конференція рѣшила, что при обыденныхъ условіяхъ всѣ пять человѣкъ, находившихся въ старшемъ отдѣленіи седьмого класса, выдержали бы экзаменъ, а при столь строгихъ требованіяхъ, равносильныхъ полученію въ казенныхъ гимназіяхъ серебряной медали, нельзя было поручиться ни за кого. Полагали, что Романовскій и я могли рассчитывать на полученіе пяти по математикѣ, но едва ли могли получить болѣе четырехъ изъ латыни. Остальные три *) могли получить по пяти изъ древнихъ языковъ, но не могли рассчитывать на столь же блестящій баллъ изъ математики. Рѣшили допустить къ экзамену всѣхъ пятерыхъ, въ надеждѣ, что, авось, кто-нибудь проскочитъ, уже не рассчитывая, что выдержатъ всѣ. Карлъ Ивановичъ самъ лично разговаривалъ съ нами объ этомъ, дѣлился и своими надеждами, и своими разочарованіями.

Чтобы подготовитъ насъ лучше къ трудному экзамену, рѣшено было произвести пробный экзаменъ въ своей средѣ, но при зеленомъ столѣ и торжественной обстановкѣ на праздникахъ Рождества Христова, а затѣмъ давать намъ по всѣмъ предметамъ экстренные уроки съ повторительнымъ курсомъ по вечерамъ и даже по праздникамъ. Понятно, что этотъ послѣдній годъ моего пребыванія въ школѣ намъ было уже не до развлеченій и не до домашнихъ спектаклей.

Впрочемъ, пробные экзамены на праздникахъ, какъ не серьезные, насъ все-таки не смущали; къ нимъ мы почти не готовились и сдавали ихъ спустя рукава. Хотѣлось и повеселиться на праздникахъ. Помню, какъ я и нѣсколько изъ моихъ товарищей явились на такой пробный экзаменъ изъ русскаго языка прямо съ бала, даже вовсе не спавъ всю ночь. Надо было явиться на экзаменъ къ 9-ти часамъ, а мы протанцовали до семи часовъ утра, не стоило ложиться спать и насъ порядкомъ клонило ко сну къ концу этого пробнаго экзамена.

Экстренные уроки доставили намъ, т. е. мнѣ и моимъ одноклассникамъ, случай познакомиться еще съ однимъ преподавателемъ, тогда еще недавно поступившимъ въ число учителей нашей школы, но затѣмъ

*) Гамдорфъ, Корфъ и Петерсъ.

прослужившимъ ей много лѣтъ до самой своей кончины, а именно съ М. Е. Доброписцевымъ. Онъ въ это время уже преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ классахъ гимназіи и ему было поручено повтореніе съ нами грамматики. Дѣйствительно, увлекаясь изученіемъ русской литературы, съ которой мы, благодаря П. И. Рогову, ознакомились весьма основательно, мы въ значительной мѣрѣ успѣли позабыть самыя грамматическія правила. Правда, мы писали очень недурно русскія сочиненія, лишь изрѣдка дѣлая небольшія ошибки въ орфографіи и въ особенности въ знакахъ препинанія, но самой грамматики со времени преподаванія ея Еленевымъ старшимъ (т. е. съ третьяго класса) не повторяли и удерживали лишь смутно въ своей памяти знаменитый его самоваръ. Нѣкоторое легкомысліе наше помѣшало прекрасному педагогу Доброписцеву повторить съ нами основательно эту часть; въ особенности плохо мы знали грамматическіе термины и названія. Помню, какъ уже на настоящемъ выпускномъ экзаменѣ, когда я сталъ затрудняться въ названіи наклоненій и т. п., К. И. самъ выручилъ меня тѣмъ, что сталъ спрашивать какъ соотвѣтственные наклоненія называются въ латинской грамматикѣ, причемъ только путемъ перевода съ латыни мнѣ удалось дать правильные отвѣты на тѣ вопросы по русской грамматикѣ, которые мнѣ были поставлены экзаменаторомъ Филоновымъ.

Репетиціи и дополнительные уроки шли въ общемъ довольно успѣшно и весело, по мѣрѣ приближенія къ веснѣ все учащаясь и получая все большее преобладаніе надъ нормальными уроками. Иногда даже было прямо интересно и весело собираться рано утромъ или вечеромъ, даже по праздникамъ, въ обширныхъ помѣщеніяхъ школы всего только впятеромъ, а по Закону Божію у Постникова даже втроемъ, такъ какъ двое изъ насъ (Гамдорфъ и Петерсъ) были лютеране. Въ ожиданіи прихода учителя, а иногда и на самомъ урокѣ, нѣкоторая игривость насъ не покидала, несмотря на общее напряженіе, и уже почти взрослые юноши, которыхъ Постниковъ называлъ женихами, случалось, что пошаливали. Такъ въ одно воскресенье утромъ, собравшись въ школѣ и видя, что никого нѣтъ, мы зажгли почти во всѣхъ классахъ лампы, а затѣмъ позвали слугу Власа и стали ему выговаривать, что онъ забылъ наканунѣ вечеромъ ихъ погасить. Заспанный и бывший наканунѣ не совсѣмъ трезвымъ, служитель повѣрилъ, что онъ дѣйствительно не загасилъ ихъ и что онѣ прогорѣли всю ночь. Онъ поспѣшно сталъ ихъ гасить, пока не пришелъ въ школьное помѣщеніе самъ К. И. или кто-либо изъ преподавателей, и благодарилъ насъ за то, что мы его предупредили во-время и не довели объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

На одномъ изъ экстренныхъ повторительныхъ уроковъ геометріи у Миттеллахера мой товарищъ Гамдорфъ отпустилъ очень удачный

нѣмецкій каламбуръ, нѣсколько смутившій этого преподавателя. Нашъ товарищъ Николай Корфъ былъ вообще очень старателенъ, но математика ему давалась съ трудомъ. Повторивъ и заучивъ прекрасно курсъ геометріи, онъ какъ-то очень бойко и безъ запинки доказывалъ равенство двухъ треугольниковъ; тогда учитель нарисовалъ на доскѣ два треугольника совсѣмъ въ другомъ положеніи — углами внизъ и поставилъ въ ихъ углы не начальныя буквы алфавита, какъ обыкновенно, а совершенно необычныя, вродѣ к, л, м, и т. д. Затѣмъ онъ попросилъ Корфа доказать то же самое, что онъ только что блестяще доказывалъ, на этихъ треугольникахъ и при этихъ обозначеніяхъ. Корфъ сбился и началъ путать, а Миттеллахеръ разсмѣялся. „Herr Mittlacher, darf ich auch mittlachen“, пресерьезно спросилъ Гамдорфъ, и тогда разсмѣялись всѣ, даже самъ отвѣчавшій и смущенный Корфъ.

Такъ близилась весна, приближалось время выпускного экзамена! Сильно, очень сильно было во мнѣ, да вѣроятно и въ моихъ товарищахъ, желаніе не застрять долѣе въ гимназіи, а рискъ подвергнуться этой участи былъ очень великъ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, какъ напримѣръ Резановъ и Рѣдкинъ, уже окончили курсъ, уже разстались съ гимназіей. Мнѣ было 16 лѣтъ и я прямо себѣ не могъ представить, даже въ воображеніи, какъ я еще годъ пробуду въ гимназіи, въ случаѣ неудачи на экзаменахъ. Возрастъ мой и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по тогдашнимъ временамъ былъ не малый. Ученики среднихъ учебныхъ заведеній старше двадцати лѣтъ теперь не рѣдкость, а тогда они были еще диковинкой. Помню, какъ одного совершеннолѣтняго воспитанника старшихъ классовъ *) мы, будучи тогда въ среднихъ классахъ, называли дѣдушкой. Заслужить такое прозвище никому изъ насъ не улыбалось.

Настали, наконецъ, дни экзаменовъ. Сначала должны были происходить экзамены письменные по древнимъ языкамъ, по русскому, нѣмецкому, французскому и по математикѣ. Задачи, темы для русскаго сочиненія и переводы должны были быть присланы изъ округа въ запечатанныхъ конвертахъ. Конверты эти должны были быть торжественно вскрыты окружнымъ инспекторомъ Савиновымъ, когда мы уже находились всякій на своемъ мѣстѣ. Разсажены мы должны были быть на разныхъ скамейкахъ, на большихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, отнюдь не имѣя съ собой ничего вродѣ учебниковъ, пособій, тетрадей и т. п. Придя и сѣвъ каждый на указанное ему мѣсто, мы получали только по листу чистой бумаги и должны были писать въ присутствіи инспектора округа, Карла Ивановича и учителей. Удаляться не дозволялось до окончанія и сдачи письменной работы. Если бы кто-либо вынужденъ былъ выйти, онъ долженъ бы былъ кончать работу уже

*) Бѣляевъ, въ школѣ съ 1862 по 1867 годъ.

красными чернилами. Естественно, что вся эта обстановка наводила нѣкоторый страхъ. Нѣкоторые мои товарищи даже выучили азбуку глухонѣмыхъ, чтобы имѣть возможность другъ друга спросить что-нибудь. Впрочемъ, я этой азбукой не занимался и ее не зналъ. Всего болѣе я боялся, конечно, латыни и въ особенности письменнаго экзамена, такъ какъ классные переводы на латинскій языкъ (*extemporalia*) мнѣ почти никогда не давались и въ самыхъ удачныхъ изъ нихъ я все-таки дѣлалъ отъ трехъ до пяти ошибокъ, что давало возможность надѣяться въ лучшемъ случаѣ на тройку. Долго и внимательно, около часа, я перечитывалъ сдѣланный мной переводъ съ русскаго на латынь. Въ немъ были и нѣкоторыя трудности, а нѣкоторыя слова были указаны заранѣе и по латыни, и какъ разъ очень рѣдко употребляемые и трудныя формы, особенно одинъ очень неправильный и рѣдкій глаголь. Не будучи увѣренъ въ „*averbo*“ этого глагола, я поставилъ на его мѣсто болѣе обыкновенный и болѣе употребительный и наконецъ сдалъ свой переводъ. Къ удивленію моего преподавателя Мальхина, онъ съ трудомъ нашелъ во всемъ моемъ переводѣ одну полуошибку. Онъ даже поразился тѣмъ, что мой переводъ оказался лучшимъ, и подошелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я поставилъ на свое мѣсто указанный изъ округа диковинный неправильный глаголь. Очень мнѣ не хотѣлось это исполнить, изъ опасенія сдѣлать ошибку. Я горячо заспорилъ, увѣряя, что ни одинъ римлянинъ не поставилъ бы въ этой фразѣ этого диковиннаго глагола, вмѣсто весьма обыкновеннаго. Мальхинъ со мною вполне согласился, но сказалъ, что надо подчиниться требованію изъ округа и что если я не хочу поставить этого глагола въ надлежащую фразу, то я долженъ поставить его въ скобкахъ, чтобы показать, что я его не ставлю не вслѣдствіе незнанія. Скрѣпя сердце я наугадъ поставилъ нужную форму глагола въ скобкахъ и подалъ свой переводъ учителю. О счастье! оказалось, что я не ошибся! Теперь я былъ необыкновенно счастливъ. Самое трудное пройдено! Выпускное экстемпорале удалось! Экстемпорале, которое мнѣ раньше никогда такъ не удавалось, которое и теперь еще иногда тревожить мой сонъ въ видѣ кошмара, въ видѣ самаго непріятнаго воспоминанія о школьныхъ годахъ. Такое экстемпорале въ самый нужный моментъ удалось! Какъ же мнѣ было не радоваться, не возликовать! По выходѣ изъ класса, я сталъ на руки, и на рукахъ, съ поднятыми въ воздухъ ногами, прошелъ всю школьную залу изъ одного конца въ другой, т. е. продѣлалъ второй фокусъ, который мнѣ тоже удался единственный разъ въ жизни, какъ и это экзаменаціонное экстемпорале. Другіе мои товарищи также, оказалось, написали экстемпорале достаточно успѣшно, хотя и сдѣлали въ нихъ отъ одной до двухъ ошибокъ, но всѣ были допущены къ продолженію экзаменовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ ошибки оказались какъ разъ въ

этомъ выкопанномъ нарочно архаическомъ глаголѣ, котораго я къ сожалѣнію теперь припомнить не могу.

Подробность относительно этого глагола весьма характерна и показываетъ, какое направленіе, можно сказать, инквизиторское и совершенно противоположное всему духу нашей частной гимназіи господствовало тогда въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія при Графѣ Толстомъ. Только желаніе во что бы то ни стало срѣзать на экзаменахъ какъ можно больше юношей могло побудить сочинявшихъ темы для письменныхъ экзаменовъ по древнимъ языкамъ откопать такой архаическій глаголъ и заставить его употребить въ переводѣ вопреки духу латинскаго языка и точности изложенія, только потому, что и лучшіе ученики могли сдѣлать ошибку именно въ этомъ глаголѣ.

При дальнѣйшихъ экзаменахъ тотъ же духъ придирчивости оказался и во многихъ, но къ чести ихъ далеко не во всѣхъ, присланныхъ на экзамены учителяхъ, которымъ инструкціи, очевидно, были даны въ томъ же направленіи. Экзаменовавшій насъ изъ латыни Костевъ *) поставилъ мнѣ четыре, но изъявилъ напередъ свое согласіе прибавить мнѣ необходимую половинку, если я благополучно сдамъ остальные экзамены, тѣмъ самымъ показавъ, что онъ не имѣлъ намѣренія проваливать во что бы то ни стало. Самую ужасную придирчивость проявили: извѣстный всѣмъ въ свое время, какъ очень строгій экзаменаторъ, преподаватель физики Краевичъ, и преподаватель математики коллежскій ассесоръ Вороновъ, такъ и подписавшій мой дипломъ не преподаватель, какъ другіе, а „коллежскій ассесоръ Вороновъ“. Этотъ господинъ заявлялъ нашимъ преподавателямъ, что онъ чиновникъ, которому приказано пропускать лишь необыкновенно способныхъ или необыкновенно хорошо знающихъ, а всѣхъ остальныхъ не пропускать. Онъ главнымъ образомъ и срѣзалъ, какъ говорятъ, трехъ изъ моихъ товарищей. Приемы этого господина на экзаменѣ заслуживаютъ особаго вниманія. Если бы я, будучи первымъ математикомъ въ школѣ, не обладалъ въ то же время извѣстной долей смѣлости, чтобы не сказать дерзости, благодаря тому, что былъ и первымъ шалуномъ во всей школѣ, то при его приѣмахъ могъ бы также провалиться на его экзаменѣ. Помню, какъ онъ экзаменовалъ моего товарища Гамдорфа и примѣнилъ къ нему свой, ни на что не похожій, приемъ. Въ то время, когда Гамдорфъ отвѣчалъ и выводилъ мѣломъ совершенно правильно и безукоризненно какія-то формулы на доскѣ, Вороновъ вдругъ остановилъ его, сталъ увѣрять, что то, что Гамдорфъ вывелъ — невѣрно, поправлялъ его и требовать замѣны нѣкоторыхъ буквъ и знаковъ

*) Явившись на экзаменъ, онъ себя представилъ К. И. нашимъ преподавателемъ словами: „Костевъ для латыни“ и также и подписался на моемъ аттестатѣ, на которомъ красуется его подпись „Костевъ для латыни“.

другими. Гамдорфъ посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и, вѣроятно, опасаясь разсердить строгаго экзаменатора, началъ поправлять свои формулы согласно его указаніямъ. „А, попались!“ воскликнулъ Вороновъ,—ваша формула была вѣрна, а я сталъ нарочно ее оспаривать, чтобы убѣдиться, насколько вы въ ней увѣрены“. И за это, только за это, другихъ ошибокъ у Гамдорфа ни въ отвѣтахъ, ни въ письменной работѣ не было, Вороновъ поставилъ ему три, что тогда, въ экстренный годъ, по математикѣ не было достаточно. Вызванный послѣ Гамдорфа и возмущенный поступкомъ Воронова, я держалъ себя смѣло и рѣшительно до дерзости и это меня выручило. Не столько знанія лучшаго математика въ школѣ, сколько его рѣшительность, самоуувѣренность, даже дерзость, произвели необходимое впечатлѣніе. Вороновъ началъ съ того, что указалъ на допущенную мною расхвѣянность въ письменной работѣ. Въ одной изъ задачъ, вычисляя площадь наружной поверхности цилиндра, я забылъ помножить на два поверхность круга, составляющаго его основаніе. Простите мою расхвѣянность, отвѣтилъ я, дѣйствительно, у меня получилась наружная поверхность ведра, вмѣсто общей поверхности цилиндра. Этотъ отвѣтъ, кажется, понравился. Тѣмъ не менѣе, когда отвѣчая на разные его вопросы я сталъ выводить на доскѣ различныя формулы, онъ сталъ меня поправлять, такъ же какъ онъ это дѣлалъ съ Гамдорфомъ. Тутъ я уже возмутился окончательно и дерзко сказалъ ему: „Не сбивайте пожалуйста! меня не собьете и если на то пойдетъ, то еще посмотримъ, кто кого собьетъ скорѣе!“ Оказалось, что эта дерзость и была нужна, чтобы получить у Воронова нужную отмѣтку. Конечно, самые трудные вопросы меня не смутили, а сбивать меня онъ уже далѣе не пытался и онъ поставилъ мнѣ четыре съ половиной, сбавивъ половину за ведро вмѣсто цилиндра въ письменной работѣ. Впрочемъ, пяти онъ все-таки никому не поставилъ. На экзаменѣ физики я держалъ себя также довольно дерзко. Дѣло въ томъ, что послѣдній годъ намъ преподавалъ этотъ предметъ Стрекаловъ; все преподаваніе его ограничивалось вычеркиваніемъ изъ учебника Малинина и Буренина того, чего учить не надо. Вычеркнутыми оказались и всѣ приборы и способы опредѣленія теплостойкости, а осталось одно лишь объясненіе того, что называется теплостойкостью и что такое единица тепла. При этомъ Стрекаловъ самъ даже не явился на экзаменъ къ немалому смущенію Карла Ивановича. Краевичъ, въ числѣ другихъ вопросовъ, спросилъ меня одинъ изъ приборовъ для опредѣленія теплостойкости. Не зная его, я сталъ изобрѣтать и кое-какъ при помощи чего-то мною придуманнаго дѣйствительно показалъ возможность опредѣлить теплостойкость. „Это не приборъ такого-то“, сухо замѣтилъ Краевичъ. „Да, отвѣтилъ я, это способъ и приборъ мой собственный, сейчасъ мною придуманный, а спрошеннаго Вами прибора мы не проходили“, отвѣтилъ я съ развяз-

ностью. По космографіи я отвѣчалъ совершенно безукоризненно, но такъ какъ мы проходили ее по нѣмецки у Миттеллахера, то термины я говорилъ по нѣмецки и нѣкоторыхъ изъ нихъ по русски не зналъ. „Я не понимаю по нѣмецки, скажите по русски“, сказалъ Краевичъ. „Здѣсь сидятъ преподаватели—Вамъ переведутъ“, отвѣтилъ я. „Вы должны знать это по русски.“ „Нѣтъ, отвѣтилъ я, объ этомъ Вы заявите по начальству въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а не мнѣ, а разъ допущено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, то я могу на немъ отвѣтить!“ По космографіи Краевичъ мнѣ поставилъ 4, а по физикѣ только $3\frac{1}{2}$, это былъ худшій изъ всѣхъ балловъ моего аттестата, хотя лучшій сравнительно со всѣми моими товарищами. Мой товарищъ Петерсъ получилъ три, а остальные трое получили по $2\frac{1}{2}$ и по 2. Такимъ образомъ, послѣ математики и физики насъ осталось двое; остальные трое уже окончательно не могли продолжать экзаменъ. Это обстоятельство сдѣлало для меня особенно страшнымъ экзаменъ изъ Закона Божьяго, гдѣ мнѣ предстояло выступить одному передъ всей комиссіей (Петерсъ былъ лютеранинъ) съ авторомъ многихъ учебниковъ протоіереемъ Рудаковымъ во главѣ. Многимъ я обязанъ былъ въ этомъ случаѣ Постникову, который передъ экзаменомъ просиживалъ со мною ночи, помогая мнѣ въ моихъ приготовленіяхъ и подбодряя меня. Наканунѣ экзамена онъ сказалъ: „повторите еще утромъ хорошенько раздѣленіе Царства Іудейскаго изъ Ветхаго Завѣта. Это считается очень труднымъ вопросомъ и если Вы на него отвѣтите хорошо—успѣхъ обезпеченъ, а я Вамъ его поставлю“. Сказано—сдѣлано, и я, конечно, въ послѣднюю минуту занялся раздѣленіемъ Царства. Экзаменъ мой длился болѣе часа. Добрѣйшій отецъ Веніаминъ Тихомировъ напередъ поставилъ мнѣ пять, показалъ мнѣ листъ съ этимъ балломъ для моего ободренія. Послѣ двухъ вопросовъ, поставленныхъ мнѣ Рудаковымъ, діаконъ Постниковъ спросилъ меня о раздѣленіи Царства. Въ концѣ концовъ и Рудаковъ поставилъ мнѣ пять. Остальные экзамены сошли съ меньшими затрудненіями и страхами. Такъ они закончились, наконецъ, и я почувствовалъ себя перешедшимъ изъ дѣтства и школы въ широкую жизнь.

По окончаніи экзаменовъ Петерсъ и я, двое пробившихся въ этой скачкѣ съ препятствіями, отправились къ Карлу Ивановичу въ кабинетъ. Онъ подалъ намъ по рюмкѣ крѣпкаго вина и выпилъ за наше здоровье. При этомъ онъ первый разъ говорилъ намъ Вы. Пока мы были учениками, онъ намъ, какъ и всѣмъ прочимъ, говорилъ ты.

Такъ разстался я со школой, въ которой пробылъ около восьми лѣтъ, а самъ Карлъ Ивановичъ обратился для меня и для большинства его учениковъ въ искренняго друга. Дѣйствительно, рѣдкій директоръ училища и педагогъ былъ такъ любимъ и такъ часто навѣщаемъ бывшими своими учениками, какъ Карлъ Ивановичъ. Въ день его ро-

жденія на поздравленіяхъ, кромѣ хора учениковъ, пѣвшихъ кантату, всегда можно встрѣтить множество бывшихъ воспитанниковъ училища, а на ежегодныхъ, долгое время повторявшихся и подчасъ очень многочисленныхъ обѣдахъ бывшихъ учениковъ, сходились и ученики и преподаватели и всегда съ особымъ удовольствіемъ встрѣчали директора и основателя школы Карла Ивановича.

Теперь, когда дѣти мои обучались и обучаются въ тѣхъ же стѣнахъ, въ которыхъ обучался и я самъ, когда нѣкоторые изъ нихъ уже окончили курсъ и сходились на такіе же наши обѣды, я уже пересталъ почти встрѣчать на этихъ обѣдахъ своихъ старыхъ товарищей и своихъ преподавателей. Многіе изъ нихъ уже отошли въ жизнь вѣчную, какъ и самъ Карлъ Ивановичъ, другіе разбросались по всему бѣлу свѣту, но думаю, что и имъ, этимъ разбросаннымъ, все еще дороги воспоминанія о той школѣ, гдѣ они учились и быть можетъ многіе изъ нихъ не безъ интереса прочтутъ мой незатѣйливый рассказъ, вспоминая давно минувшіе, но счастливые дни.

Д. Семеновъ.

VII. Письмо и воспоминанія К. К. Саковскаго.

Присылаю Вамъ небольшую записку съ воспоминаніями о К. И. Маѣ, но не знаю, насколько она Вамъ покажется пригодной для пополненія біографіи уважаемаго мною покойнаго моего преподавателя и въ послѣднее время пациента. Мучительная у него была болѣзнь, которую онъ переносилъ съ большимъ героизмомъ, такъ какъ страданія при этой болѣзни бываютъ ужасны. У него было суженіе мочевого канала вслѣдствіе старческаго набуханія простательной железы. Для того, чтобы не раздражать его частымъ введеніемъ катетра въ пузырь, устроенъ былъ катетръ à demeure, который по временамъ только освобождался отъ жома, чтобы выпустить скопившуюся мочу. Конечно, такое постоянное пребываніе катетра въ мочевомъ пузырьѣ съ проникновеніемъ въ него при этомъ внѣшняго воздуха не могло хорошо отозваться на самый пузырь, который вслѣдствіе этого воспалился, получился гнойный циститъ съ потрясающими ознобами, быстро ослабляющими старческій организмъ. Къ тому же отъ постоянного лежанія у него образовались застои въ легкихъ, поведшіе къ такъ называемой застойной пневмоніи (pneumonia hypostatica), ускорившей роковой исходъ. Почти безотлучно я у него проводилъ послѣдніе дни и ночи, измучившись видѣніемъ постоянныхъ его мукъ, отчего кровью обливалось мое еще тогда юное сердце. Вѣдь любилъ я его еще со школьной скамьи и часто онъ мнѣ помогалъ своими совѣтами, послѣ окончанія гимназическаго курса онъ относился ко мнѣ всегда благосклонно и давалъ мнѣ на лѣто всегда занятія у состоятельныхъ людей, что мнѣ очень помогало проводить университетскую жизнь въ полномъ довольствѣ и не отказывать ни въ чемъ, что, какъ Вы знаете, для студента очень много значитъ. Съ благодарностью я всегда о немъ вспоминаю и буду его помнить всю мою жизнь.

По окончаніи университетскаго курса я по возможности посѣщалъ его вечера, на которыхъ время проходило довольно интересно, такъ какъ тамъ часто бывали кромѣ преподавателей и нѣкоторыхъ прежнихъ учениковъ еще интересные люди, какъ напримѣръ, академикъ Радловъ и другіе.

Прогулка пѣшкомъ въ Токсово въ 1868 году.

Съ наслажденіемъ я вспоминаю объ экскурсіи съ К. И. Маемъ и Павломъ Игнатьевичемъ Роговымъ въ началѣ іюня мѣсяца 1868 года, послѣ окончанія занятій въ училищѣ. Насъ было всего человѣкъ пятнадцать учениковъ въ классѣ, всякому изъ насъ было поручено заготовить провіантъ, для предстоящаго пути и для четырехдневнаго пребыванія въ мѣстностяхъ, тогда еще мало обитаемыхъ и мало посѣщаемыхъ петербуржцами, такъ какъ не было еще хорошихъ путей сообщенія. Отправились мы въ понедѣльникъ днемъ въ сопровожденіи телѣги парголовскаго крестьянина, которая была нагружена взятыми съ собою съѣстными припасами и лишними вещами, которыя бы могли только отягчать насъ во время нашего перехода.

Шли мы дружно по островамъ на Коломяги, оттуда по Поклонной горѣ и черезъ Парголово на Юрки, гдѣ мы были къ вечеру. Выбрали мы самую живописную, но болѣе дальнюю дорогу, чтобы не тащиться изъ Лѣснаго по солнпеку на Мурино на протяженіи пяти верстъ. Пришедши въ Юрки, помѣстились тамъ на ночлегъ въ свободномъ училищномъ домѣ, такъ какъ занятія были прекращены по случаю начавшихся каникулъ, поужинали изъ своихъ припасовъ и расположились въ довольно просторномъ зданіи на полу, на которомъ нами было разложено сѣно. Несмотря на жесткое ложе и новизну обстановки, всѣ быстро уснули послѣ продолжительнаго двадцативерстнаго непрерывнаго перехода. Встали рано и пустились вскорѣ въ путь, чтобы въ самое жаркое время не совершать перехода по холмистой и живописной чухонской Швейцаріи, пересѣкаемой рѣчкою Охтою и ея притоками. Пришли мы въ Сярки, къ высокому холму, около 11 часовъ утра, гдѣ мы съ величайшимъ аппетитомъ напились холоднаго молока, закусывая его деревенскимъ чернымъ хлѣбомъ, что намъ показалось очень вкусно.

Переправились мы для сокращенія пути и для разнообразія черезъ довольно высокій и крутой холмъ и добрались черезъ нѣсколько часовъ до Токсова, гдѣ мы помѣстились въ пасторатѣ, такъ какъ пасторъ былъ знакомъ съ К. И. Маемъ съ прежнихъ его прогулокъ туда и съ пасторатомъ было соединено училищное зданіе. Провели мы время въ Токсовѣ прелестно, гуляли тамъ и любовались его озерами, въ которыхъ купались, такъ какъ время стояло солнечное и теплое, ѣздили верхомъ на финскихъ лошадяхъ.

Лишь на другой вечеръ, когда солнце уже стало спускаться, мы пустились въ обратный путь, чтобы не страдать отъ жары во время перехода. Обратный путь вечеромъ нами былъ совершенъ довольно скоро, такъ какъ мы освѣжились и отдохнули, шли и развлекали себя по пути пѣніемъ и разными шутками, что никому не мѣшало, такъ

какъ здѣсь не находилось никакихъ особенно селеній. Пришли мы въ Юкки уже на разсвѣтъ и помѣстились опять же въ училищномъ домѣ. Послѣ отдыха пошли опять полемъ на Парголово и Коломяги и прибыли въ четвергъ къ вечеру домой, хотя и уставшими, но зато освѣжившимися отъ продолжительности школьныхъ занятій, которыя кончались у насъ въ то время только въ первыхъ числахъ іюня.

Къ вопросамъ анкеты.

9. Отношенія К. И. Мая къ ученикамъ были всегда отеческія, отличался онъ отзывчивостью къ нуждамъ учениковъ и старался давать занятія нуждающимся ученикамъ на каникулярное время.

3. Особенно цѣнили К. И. Мая, Павла Игнат. Рогова, діакона Постникова, Ф. Уртеля и Э. Отто.

Поступилъ я въ училище К. И. Мая въ 1863 г. во 2-й классъ, гдѣ начинались занятія латинскимъ языкомъ, въ которомъ участвовали и всѣ коммерсанты, который они только бросили въ 6-мъ классѣ. Греческій языкъ въ то время не былъ обязательнымъ, а изучался только желающими, его курсъ начинался съ 4-го класса. Для того, чтобы не мѣшать общимъ предметамъ, изученіе греческаго языка было назначено на ранній часъ, въ 8 часовъ утра.

10. Спектакли устраивались разъ въ годъ, обыкновенно на рождественскихъ праздникахъ, и ставились даже античныя вещи, какъ напри- мѣръ „Тріумптус“, въ которомъ и мнѣ пришлось участвовать, играть старика. Изученіе этой пьесы стоило много времени и труда, особенно преподавателю древнихъ языковъ, но это дѣлалось все съ большою любовью, такъ какъ всегда на этихъ спектакляхъ присутствовалъ тог- дашній попечитель Деляновъ, поощрявшій античныя спектакли.

11. Гимнастикою занимались всѣ, а именно вольными движеніями и на аппаратахъ; въ теплые дни вольныя движенія производились на дворѣ училища. Учащіеся были раздѣлены на двѣ группы и упражня- лись по полчаса въ каждой, между тѣмъ другіе посвящали себя игрѣ во дворѣ.

12. Занятій было въ теченіе дня много, а именно съ 9 до 12 дня и съ 1 час. до 4 час., съ отдыхомъ между уроками въ 7 мин., такъ что урокъ продолжался болѣе 50 мин., а для изучающихъ греческій языкъ уроки начинались уже съ 8 час. утра, но зато въ субботу, даже и въ старшихъ классахъ, уроки кончались въ 12 час. дня, для млад- шихъ классовъ, до 4-го, и среда была днемъ неполнымъ, а занятія шли только до 12 часовъ дня.

17. Классные экзамены носили характеръ совершенно домашній, безъ всякой торжественной обстановки, не было никакихъ пригото- вленій къ нимъ и не прерывались ими занятія, а просто неожиданно въ концѣ учебнаго года являлся К. И. Май въ классъ со спискомъ учени-

ковъ и начиналось при помощи преподавателя спрашиваніе учениковъ въ классѣ. Такимъ образомъ испытанія производились совершенно неожиданно для учениковъ, а можетъ быть и для преподавателей.

18. Изъ преподавателей особенно выдавался преподаватель древнихъ языковъ Фр. Уртель, прелестный педагогъ и знающій свой предметъ въ совершенствѣ, почему и относились къ нему ученики съ большимъ уваженіемъ, не менѣе выдавался своими знаніями преподаватель исторіи и нѣмецкой словесности Г. Струнке, отличавшійся кромѣ того выдающимся ораторскимъ талантомъ. Не буду говорить объ извѣстныхъ ученыхъ и профессорахъ какъ Брюкнеръ и Доббертъ, которые до Струнке занимались временно преподаваніемъ исторіи.

Грозою учениковъ былъ Э. Шнейдеръ, преподаватель математики (ариѳметика, алгебра и физическая географія), который былъ весьма требователенъ и строгъ, но нельзя сказать, чтобы выдающійся педагогъ. Онъ былъ однокашникъ К. И. Мая въ университетѣ.

Выдающійся преподаватель математики (геометрія и космографія) былъ Миттеллахеръ, но очень скромный человѣкъ. Вообще во время моего пребыванія въ училищѣ (съ 1863 по 1870 г.) у насъ составъ педагогическаго персонала былъ весьма высокаго качества за нѣкоторыми исключеніями, которыя зато долго и не оставались, такъ какъ К. И. Май со вниманіемъ выслушивалъ учениковъ старшихъ классовъ и исполнялъ ихъ просьбы. Послѣ смерти Гейденшильда поступилъ учителемъ физики Р., который служилъ въ акцизѣ, почему и специализировался въ приборахъ, употребляемыхъ въ этомъ вѣдомствѣ, а другіе отдѣлы физики имъ были заброшены, но намъ ученикамъ 7-го класса, было этого мало, почему и обратились къ К. И. Маю съ просьбою замѣнить его другимъ преподавателемъ, у котораго мы бы могли изучать и другой отдѣлъ физики, что К. И. Май послѣ выслушанной просьбы и исполнилъ.

К. Саковский.

VIII. Воспоминанія.

Карль Ивановичъ Май... Кто изъ насъ, бывшихъ его учениковъ и воспитанниковъ, не улыбнется съ любовью, даже при мимолетномъ о немъ воспоминаніи?!.. 28 лѣтъ отдѣляютъ меня отъ выпускного экзамена и 34 года отъ момента поступленія въ его гимназію. Трудно было бы для человѣка, не обладающаго особенною остротою памяти, что либо припомнить, на такомъ разстояніи, изъ гимназической жизни, если бы не было въ ней „духа жива“, если бы она была обыденно сѣренькая, не была бы озарена немеркающимъ лучемъ животворной любви къ намъ, тогда еще дѣтямъ, и къ тѣмъ идеаламъ, вѣрнымъ служителемъ которыхъ былъ нашъ незабвенный Карль Ивановичъ!..

Не сомнѣваюсь, что найдется не мало характерныхъ воспоминаній у всѣхъ насъ, товарищей этой гимназіи. Позволю себѣ привести два эпизода, врѣзавшихся въ мою память до малѣйшихъ подробностей.

Я поступилъ въ третій классъ — „терцію“, и не успѣлъ еще ознакомиться съ товарищами и всей обстановкой, какъ произошло слѣдующее.

Былъ ясный сентябрьскій день; окна нашего класса (въ 3 этажѣ) были открыты; черезъ дворъ, во флигелѣ помѣщались квартиры; въ то время во всѣхъ, кажется, учебныхъ заведеніяхъ были въ ходу такъ называемыя „рогатки“; нашлась такая и въ нашемъ классѣ, у одного „опытнаго“ второгодника. Въ одну изъ перемѣнъ, желая показать намъ силу своего инструмента, онъ пробилъ стекло въ одной изъ квартиръ противоположнаго флигеля и ранилъ въ кровь щеку работавшей тамъ кухарки, едва не попавъ ей въ глазъ. Разумѣется, пришли жаловаться, указывая прямо на нашъ классъ. Почуявъ бѣду, рѣшено было „не выдавать“ товарища; самъ же онъ не пожелалъ сознаться. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ опросовъ, Карль Ивановичъ рѣшилъ запереть классъ, не выпуская, пока виновникъ не сознается самъ, предупредивъ, что не желаетъ, чтобы его кто-либо выдалъ.

Прошло часа три по окончаніи уроковъ, — результата не получилось. Неоднократно возвращался К. И., выясняя всю неблаговидность поведенія виновника, изъ-за эгоистичной трусости заставляющаго

сидѣть товарищей; наконецъ, онъ опросилъ честнымъ словомъ cadaго изъ насъ — нѣтъ ли рогатки и не стрѣлялъ ли изъ чьей-либо чужой. Отвѣтъ отъ всѣхъ получился отрицательный. Тогда, уже съ извѣстнымъ раздраженіемъ въ голосъ онъ объявилъ, что вынужденъ приступить къ *позорной* провѣркѣ *честнаго* слова cadaго изъ насъ, и сталъ обыскивать наши парты... Я и до сихъ поръ помню то жуткое чувство, охватившее всѣхъ насъ, когда рогатка нашлась у виновника этой продѣлки!..

Дрожащей рукою схватилъ К. И. рогатку... „Трусъ и лжець!“ и звонкая пощечина раздалась по классу, послѣ чего онъ вытолкнулъ провинившагося изъ класса... Мы были ошеломлены. Вернувшись въ классъ, К. И. взволнованный, со слезами обратился къ намъ: „вы жалѣете конечно вашего товарища; но наказаніе, которое понесъ несчастный при васъ, пусть запечатлится въ сердцѣ cadaго изъ васъ и знайте, что для позорной лжи нѣтъ мѣста въ этихъ стѣнахъ“... — Много лѣтъ спустя послѣ окончанія курса привелось мнѣ слышать, что потерпѣвшій это наказаніе — съ любовью вспоминалъ покаравшую его руку!..

Другой эпизодъ относится уже ко времени пребыванія моего въ 7 классѣ. Какъ полупансіонеръ, я обязанъ былъ оставаться въ гимназіи до 7 часовъ вечера, не имѣя права уходить раньше безъ разрѣшенія; двое моихъ товарищей по классу, пансіонеры, тѣмъ болѣе не могли безъ разрѣшенія пользоваться свободой выхода. Были послѣдніе дни масленицы; здоровое, жизнерадостное настроеніе, солнечная погода — пробудили въ насъ геніальную мысль: удрать „изъ заточенія“ на вейкахъ на балаганы и въ 8 часовъ вернуться. Обычно съ 5½ час. всѣ полупансіонеры и пансіонеры сидѣли по своимъ классамъ за приготовленіемъ уроковъ, при чемъ мы, какъ старшіе, занимались безъ надзора. Понятно, что интересъ былъ не въ балаганахъ и не въ вейкахъ: плѣнялъ насъ соблазнъ запрещеннаго плода и задора. И вотъ мы, втроемъ, бывшіе на хорошемъ счету, удрали, прокатились на вейкахъ, ни въ одинъ балаганъ не зашли, и вернулись даже раньше срока; но весело намъ было до крайности, особенно при воображеніи — какое впечатлѣніе произведетъ нашъ побѣгъ, какія состроятся фізіономіи и такъ далѣе. Оказывается, какъ намъ послѣ рассказывали пансіонеры другихъ классовъ, эффектъ получился дѣйствительно довольно сильный; эпизодъ оказался небывалымъ въ лѣтописяхъ гимназіи и нѣкоторые изъ воспитателей предлагали крайне серьезные мѣры наказанія... Но К. И., распросивъ подробно cadaго изъ насъ и видя, что кромѣ дѣтской выходки тутъ ничего серьезнаго не было, ограничился обращеніемъ къ намъ съ печальной рѣчью, высказавъ, какъ ему горько видѣть, что даже примѣрные ученики старшаго класса позволяютъ себѣ такіе поступки, которые, во-первыхъ, могутъ служить соблазномъ для младшихъ, а, во-вторыхъ, показываютъ, какъ мы мало дорожимъ

репутаціей гимназіи. Затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней обращался съ нами замѣтно суше. И конечно мы его глубоко поняли и, если не раскаялись въ своей продѣлкѣ,—все же мы были героями дня,—почувствовали только еще большую привязанность къ этому чудному наставнику — другу, котораго искренно старались не огорчать.

Въ этой „нѣмецкой“ школѣ, гдѣ и въ мое еще время преподаваніе было на нѣмецкомъ языкѣ, молитвы передъ ученіемъ пѣлись по-нѣмецки, пасторъ говорилъ проповѣди,—мы, россіяне, не только никогда не чувствовали отчужденія, но всѣ были въ своей родной, сплоченной семьѣ, видѣли, съ какимъ уваженіемъ всѣ преподаватели нѣмцы, не говоря уже про К. И., относились къ нашимъ „батюшкамъ“ (о. дьяконъ В. П. Постниковъ и о. В. М. Тихомировъ) и преподавателю русскаго языка — Доброписцеву — ярому руссаку. Пріѣхавшій изъ Берлина преподаватель латинскаго и греческаго языковъ, истый германецъ и рѣдко просвѣщенный классикъ, позволилъ себѣ какъ-то, раздраженный шалостью учениковъ, рѣзко отозваться о воспитаніи русской молодежи; обиженные заявили объ этомъ К. И., который, разобравъ въ чемъ дѣло, заставилъ его извиниться передъ классомъ.

Во время Русско-Турецкой кампаніи настроеніе у насъ у всѣхъ было самое патріотическое, въ значительной мѣрѣ поддерживавшееся Карломъ Ивановичемъ: и во время уроковъ географіи, и во время перемѣнъ, онъ всегда находилъ возможность поговорить съ нами о событіяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, нелицемѣрно радуясь успѣху и отбѣняя тяжелыя условія, которыя приходилось преодолевать нашимъ войскамъ.

Я вполне сознаю, что все здѣсь изложенное изображено слишкомъ блѣдными красками, но тѣмъ не менѣе, думается мнѣ, имѣетъ свое значеніе въ обрисовкѣ нравственной личности Карла Ивановича, какъ педагога съ живою, любящею душою. Это его свойство и породило въ насъ ту глубокую къ нему привязанность, которая, много лѣтъ спустя по окончаніи курса, продолжала собирать насъ ежегодно 29-го октября.

Въ скромной семейно-школьной обстановкѣ сходились и бывшіе, и настоящіе ученики, чтобы съ утра попривѣтствовать своего любимого наставника-друга. Утро начиналось ученическимъ исполненіемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ (иногда и русскихъ) хоровыхъ пѣсень, что очень любилъ Карлъ Ивановичъ, приведя въ одной изъ отвѣтныхъ рѣчей своихъ слова поэта:

Wo du singen hörst-da lass'dich ruhig nieder;
Böse Menschen haben keine Lieder.

Если осуществится благое намѣреніе Комитета Фонда — составить „Сборникъ“, то быть можетъ въ немъ найдется мѣсто для тѣхъ строкъ, которыя я *позволилъ себѣ посвятить памяти покойнаго К. И.* и которыя были прочитаны однимъ изъ товарищей на его могилѣ при установкѣ ограды:

Мы снова здѣсь, друзья, да узрять поколѣнья,
Что всѣ мы повторить готовы вновь и вновь,—
Какъ крѣпки узы тѣ, какъ прочны были звенья,
Что изваяла въ насъ къ покойному любовь!..

Наставникъ нашъ и другъ, съ любовью намъ служившій,
Прійми сей тлѣнный даръ невянущей любви
Ты, у нетлѣннаго Источника почившій,—
И какъ дѣтей своихъ здѣсь насъ благослови!..

В. Гильтебрандтъ.

IX. Воспоминанія.

Въ 1872 году (или 1873—вѣроятно, у кого-нибудь сохранилась афиша) на Рождествѣ состоялся въ школѣ спектакль, въ которомъ всѣ роли исполнялись учениками. Спектакль, при биткомъ набитой залѣ, сошелъ необыкновенно удачно. Главной пьесой была комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Р. Бенедиктова „Doctor Wespe“, въ которой проявили большой комическій талантъ Конст. Медемъ и Wilh. Neissler; первый игралъ роль слуги (Adam), а второй—старую дѣву. Надъ этими двумя типами Карлъ Ивановичъ хохоталъ до слезъ, какъ на генеральной репетиціи, такъ и въ день спектакля.

Пьесу однако едва не пришлось отложить. Роль ingénue долженъ былъ играть Ад. Мейеръ (драгоцѣннѣйшій сотрудникъ „Колокола“, авторъ поэмы „Malhineis“, прекрасный товарищъ, всего 2 или 3 года спустя скончавшійся въ Палермо отъ чахотки) и вотъ всего за нѣсколь-ко дней до спектакля, по случаю смерти брата, онъ долженъ былъ отказаться отъ участія въ спектаклѣ. Мальхинъ (преподаватель нѣмецкаго и древнихъ языковъ), репетировавшій пьесу, въ отчаяніи готовъ былъ рвать на себѣ волосы; трудно было найти замѣстителя, который бы въ короткій срокъ выучилъ громадную роль и, главное, сшилъ себѣ женское платье.

Въ этомъ критическомъ положеніи выборъ его остановился на мнѣ. Прискакавъ рано утромъ къ намъ въ домъ, на другомъ концѣ города, онъ уговорилъ меня выручить нѣмецкій спектакль, на который возлагалось столько блестящихъ надеждъ. Къ вечеру роль была выучена и черезъ 2—3 дня, на генеральной репетиціи, я удостоился благодарности самого Карла Ивановича, а отъ О. Д. Хвольсона бѣшеныхъ аплодисментовъ (про Мальхина нечего и говорить).

Кромѣ „Doctor Wespe“, играли „Женитьбу“ Гоголя и одинъ актъ Мольера (названія пьесы не помню). Въ „Женитьбѣ“ всѣ главные персонажи также очень были хороши, нѣкоторые прямо великолѣпны; особенно памятны мнѣ Подколесинъ (Ө. Филипповъ), Жевакинъ (В. Гильтебрандтъ), Яичница (М. Арцимовичъ), Кочкаревъ (В. Кракау), Арина

Пантелеймоновна (А. Панаевъ), Анучкинъ (В. Адамовичъ), сваха (П. Гемпнеръ) и Агафья Тихоновна (Евг. Кавось).

Французская пьеса прошла также удачно подъ режиссерствомъ Mr. Jonte; одинаково хороши были В. Кракау, А. Панаевъ и Е. Кавось.

* *

Въ 1876 году, въ VI классѣ, издавался журналъ „Колоколъ“. Редакторомъ былъ я, помощникомъ редактора Ѳ. Филипповъ (Невзыщинскій); вышло всего пять номеровъ, изъ коихъ сохранилось только четыре, и нѣсколько отдѣльныхъ произведеній; къ сожалѣнію, пропала и прекрасно нарисованная Т. Элерсомъ-Медемъ обложка журнала съ изображеніемъ К. И. Мая и майскихъ жуковъ, звонящихъ въ колоколъ.

* *

Относительно занятій гимнастикой могу припомнить только, что, будучи мальчикомъ слабымъ, я ея не долюбливалъ и за всѣ 6 лѣтъ пребыванія въ школѣ участвовалъ въ ней лишь нѣсколько разъ; вмѣсто гимнастики, во время большой перемѣны, мы съ Антоновымъ, Лихачевымъ и Г. Торнтономъ частенько посѣщали кондитерскую Раузера на Среднемъ проспектѣ; иногда присоединялись къ намъ Филипповъ и К. Медемъ. Съ теченіемъ времени, послѣ перехода въ VI классъ, мы оставили Раузера, гдѣ можно было имѣть только сладкіе пирожки, и стали ходить въ ресторанчикъ Кинши, понынѣ существующій на углу 1 линіи и Большого пр., гдѣ учились играть на билліардѣ и пить пиво.

Гимнастикѣ тѣмъ временемъ обучалъ всю гимназію (нежелающіе, начиная съ VI класса, гимнастикой не занимались) нѣкто Муравьевъ.

* *

Преподавателями въ мое время (1871—77) были по Закону Божію: В. П. Постниковъ, В. И. Тихоміровъ и пасторъ Юргенсенъ; по русскому языку: незабвенный М. Е. Доброписцевъ и В. И. Срезневскій; по исторіи: Струнке и Ив. Ив. Соллертинскій; по математикѣ Эд. С. Шифферсъ, (который до того любилъ удобства, что вмѣсто „параллелограммъ“ говорилъ палограммъ), Mittelacher и Я. И. Рабиновичъ. Mittelacher тщательно скрывалъ, кому онъ какія ставилъ отмѣтки и потому въ книжечкѣ своей проставлялъ какіе-то таинственные знаки (|, —|, |—, ○), которые по нашимъ соображеніямъ должны были изображать 5, 4, 3, 2—но получавшіяся по его предмету „цензуры“ часто оказывались совершенно неожиданными, напр. братъ мой Василій, получавшій во время уроковъ весьма разнообразныя отмѣтки, въ одной изъ цензуръ получилъ за Fleiss und Aufmerksamkeit — 0, а за Fortschritte und Kenntnisse — 5.

Древніе языки преподавали Э. К. Мальхинъ, Э. Цейдлеръ, Шейдтъ, Лизенбергъ; физику — О. Д. Хвольсонъ и Н. Г. Егоровъ; естественную исторію — добрый В. П. Вилліамсъ; французскій языкъ —

г.г. Charles Jonte и Jean Grisard, англійскій—г.г. Neath и Marwal; нѣмецкій языкъ и литературу—тотъ же Мальхинъ, кромѣ того, онъ былъ еще воспитателемъ и аккомпанировалъ на гармоніумѣ во время молитвы. Географію всегда и во всѣхъ классахъ (часто экспромтомъ, въ случаѣ неявки кого-нибудь изъ учителей) преподавалъ самъ Карлъ Ивановичъ.

* *

Нѣкоторыя фамиліи держались въ школѣ долгое время. На моей памяти одновременно обучались 3 брата Макаровыхъ, 3 брата Герке, 3 Корфа, 3 Торнтонъ, 3 Смита, 3 Будберга, 3 Шимкевича, 3 Быковыхъ, 2 Зиновьевыхъ, 2 Бруни, 2 Мэкки, 2 Кракау, 2 Варгуниныхъ, 2 Мясниковыхъ, 2 Резановыхъ, 2 Умновыхъ, 2 Постниковыхъ, 2 Блессига, 2 Гейсслера, 2 Шмита, 3 Гемпнера, 2 Лемана, 2 Керна, 2 Бухгольца, 2 Цима.

Товарищи обыкновенно называли другъ друга по именамъ или фамиліямъ, но бывали и спеціальныя клички: Busento (Dagobert Müller), Pinguin или Kerossinpurpe (Kern), ракъ или сметана (Ник. Смитъ), Zeus (Лихачевъ), мандрилла (Sagemehl), козодой (Поливановъ), самоварчикъ (И. Макаровъ), докторъ (Гильтебрандтъ и Э. Блессигъ, которые и сдѣлались докторами), Мишка (Ө. Малышевскій), жирафъ (Жираръ), фонарикъ (Земковъ), Fagocus (Th. Buchholtz), пупочка (Arth. Handyside), полковникъ (Панаевъ), козуля (Д. Зиновьевъ), кутька (Ив. Герке).

* *

Изъ лакеевъ долгое время служили въ школѣ два: Власъ (чижикъ) и Матвѣй; первый служилъ въ пансіонѣ, а второй пребывалъ въ шинельной и убиралъ классы.

Сергій Быковъ.

X. Zum 50-jährigen Jubiläum der May'schen Schule.

1906.

Aufzeichnungen von Dr. med. Ernst Bießig.

Der Aufforderung des Comité's, Erinnerungen aus meinem Schulleben mitzuteilen, komme ich um so lieber nach, als ich an meine Schulzeit (1869^{II} — 1877^I) gern zurückdenke, mit Dank gegen viele meiner Lehrer und besonders an unsern unvergeßlichen Direktor Karl May. Bei den folgenden Aufzeichnungen will ich mich möglichst an das Schema des Fragebogens halten:

ad I, 6) Als ein wesentlicher Vorzug unsrer Schule als einer Privatanstalt erscheint mir das Zusammenwirken von Schule und Haus, welches May stets nach Kräften pflegte. Über jede den Schüler betreffende Frage (Examina, Verletzung, Conflict, Strafen etc.) suchte er sich mit den Eltern des Schülers zu verständigen. Auf die Individualität des Einzelnen ging er verständnis- und liebevoll ein. Seine Fürsorge auch für das körperliche Wohl der ihm anvertrauten Knaben äußerte sich u. a. auch darin, daß er regelmäßig nach Schluß der Stunden im Vorzimmer beim Ausgang stand und, bei der Verabschiedung eines jeden Schülers mit freundlichem Händedruck, zugleich darauf achtete, ob ein jeder auch ordentlich und dem Wetter entsprechend für den Heimweg gekleidet sei. Er war auch immer erfreut, wenn seine früheren Schüler die alten persönlichen Beziehungen zu ihm im spätern Leben weiter pflegten.

ad II, 4) Wenn ich von den vielen trefflichen Charaktereigenschaften May's eine wesentliche nennen soll, so war es sein strenges Pflichtgefühl. Dieses suchte er auch uns, seinen Schülern, in erster Linie einzupflanzen. In seinem Verhalten gegen alle Schüler war er gleichmäßig und gerecht, keiner konnte sich einer Bevorzugung rühmen oder über Zurücksetzung beklagen. Wie liberal in der Auffassung der Disziplin May sein konnte, zeigt folgender Fall, der schwerlich in einer anderen Schule damals möglich gewesen wäre: (ad III, 19):

Im letzten Winter vor dem Abiturium hatten wir als Nachfolger eines allgemein geachteten und geliebten, tüchtigen Lehrers für wichtige Hauptfächer, einen neuen, wenig geeigneten bekommen. Dieser verstand es nicht, unser Vertrauen zu erwerben, und wir mußten befürchten, das Abiturium in diesen Fächern, in denen wir von seinem Vorgänger vortrefflich vorbereitet waren, nicht mit Ehren bestehen zu können. In unsrer Sorge und Unzufriedenheit beschloßen wir, eine Deputation von 3 Mitschülern zum

Direktor abzudelegieren, welche ihn ganz unummunden bitten sollte, uns einen andern, tüchtigeren Lehrer zu geben! May empfing uns Deputierten freundlich und versprach Wandel zu schaffen. Als dieses nicht bald geschah, baten wir nochmals. Auch diesmal nahm May unsere Bitte entgegen, und wir bekamen bald danach einen neuen Lehrer, der sich rasch unsere Sympathie erwarb und uns glücklich durch das Examen führte!

ad III, 4) (zugleich ad 14, und 18).

Wenn ich auf die einzelnen Unterrichtsfächer und deren Lehrer eingehen soll, so möchte ich folgende besonders dankbar und anerkennd hervorheben:

1. May. Geographie. Das fleißig geübte Kartenzeichnen war fraglos von größtem Nutzen, wenn auch oft allzuviel Zeit und Sorgfalt darauf gegangen sein mag. Wir begannen mit dem Nächstliegenden und gingen allmählich auf das Weitere über. Zuerst, in den kleinsten Klassen, zeichneten wir Pläne von der Klasse, dem Schulgebäude, von Wassily-Dstrow, von der ganzen Stadt u. j. w. Dann kamen kleinere und größere Länderkarten u. Ich glaube, daß gleich mir so mancher Mitschüler aus May's Stunden ein Vorliebe für geographische Karten behalten haben wird.

2. Strunke. Geschichte. Ein jeder von uns wird mit Freuden an diesen fesselnden Unterricht zurückdenken. Strunke's ganze Persönlichkeit, sein anregender, oft geradezu packender Vortrag wird jedem in dankbarem Gedächtnis bleiben. Besonders interessant trug er die alte Geschichte (mit Berücksichtigung der Kultur- und Kunstgeschichte) und die Renaissance- und Reformationszeit vor.

3. Malchin. Alte Sprachen. M. war vorwiegend Grammatiker und darin ein Meister. Er verstand es, uns für die Schönheiten der griechischen und die logischen Feinheiten der lateinischen Sprache das richtige Verständnis gewinnen zu lassen, trotz einiger Pedanterie in der Behandlung des teilweise trockenen Gegenstandes.

Bei seinem späteren Nachfolger:

4. Liesenberg — kam die Lectüre und der Geist des alt-klassischen Lebens mehr zur Geltung.

5. Zeidler. Deutsch. Z. verstand es, für den deutschen Aufsatz solche Themata zu wählen, die uns interessierten und über die wir gern etwas Gutes schrieben.

6. Доброписцевъ. Russisch. D. bot uns, allerdings etwas trocken, in seinen Dictaten eine vollständige Grammatik der russischen Sprache von großer Klarheit und Folgerichtigkeit.

Zu unsern besten Lehrern zähle ich aber noch die folgenden zwei:

7. Williams. Naturgeschichte (Zoologie und Botanik). Besonders der Unterricht in der Botanik, an der Hand von ihm selbst gefertigter farbiger Tafeln, die wichtigsten Vertreter unserer einheimischen Flora darstellend, war von großer Anschaulichkeit. Wir lernten die Grundzüge der Blütenanalyse und systematischen Bestimmung, wobei wir auch zu selbständigem Botanisieren angehalten wurden. Zoologie wurde leider nur sehr elementar in den unteren Klassen gelehrt. Dagegen wurde in der obersten ein kurzer Grundriß der Anatomie und Physiologie des Menschen gegeben.

Die Liebe zur Biologie, die mir fürs spätere Leben geblieben ist, verdanke ich, wie gewiß mancher meiner Mitschüler, nicht zum wenigsten jenen ersten von unsrem verehrten Lehrer Williams gegebenen Anregungen.

8. Schwoljon. Physik und Kosmographie. Dieser Unterricht war in seiner Klarheit und meisterhaften Behandlung schwieriger Probleme unübertroffen. Ein Vortrag, den ich viele Jahre später von meinem ehemaligen Lehrer Prof. Schwoljon zu hören Gelegenheit hatte (im J. 1896? über Roentgenstrahlen), weckte in mir wieder die lebhafteste Erinnerung an seine vortrefflichen Schulstunden.

Unsre Schule hat mir den Beweis erbracht, daß auch in einem klassischen Gymnasium die Naturwissenschaften sehr wohl zu ihrem Recht kommen können!

Sehr mangelhaft war dagegen in allen Klassen der Unterricht in den neuen Sprachen (Französisch und Englisch).

ad III, 11):

Der Turnunterricht wurde schon damals regelmäßig und, wie ich glaube reichlicher gepflegt, als in manchen anderen Schulen jener Zeit. Die halbe Freistunde war ihm jeden Tag gewidmet.

ad III, 12):

Wenn ich mich über etwas zu beklagen habe, so war es die notorische Überbürdung während unsrer Schulzeit. Es stand damals gewiß schlimmer damit als heutzutage, obwohl jetzt mehr darüber geklagt wird. Wir hatten Schule von 9—4 Uhr, manchmal auch von 8—4 Uhr, mit einer Freistunde (12—1), die zur Hälfte fürs Frühstück (Milch und Brod), zur andren Hälfte fürs Turnen bestimmt war. Bei gutem Wetter konnte man sich eine $\frac{1}{2}$ Stunde auf dem Schulhof tummeln. Mittwochs und Sonnabends schloß die Schule — wenn ich nicht irre — um 1 oder 2 Uhr. Zu Hause angelangt, mußten wir uns, um mit dem Aufgabenpensum fertig zu werden, sofort an die Arbeit setzen und gewöhnlich bis in den späten Abend hinein sitzen. Das war zu viel. Diese Überbürdung wäre zu vermeiden gewesen, wenn die Lehrer sich untereinander über das Maß, der zu jedem Tage aufzugebenden häuslichen Arbeiten, verständigt und auf unnütz zeitraubende Aufgaben verzichtet hätten. Unsre Ferien waren auch kürzer als jetzt, sie währten meist von Anfang Juni bis Mitte August.

Durchaus mangelhaft — nach dem heutigen Maßstab gemessen — war es bei uns mit der Schulhygiene bestellt. Besonders die künstliche Beleuchtung in den Klassen (Petroleumlampen) ließ viel zu wünschen.

ad III, 10):

Von einzelnen heiteren Vorkommnissen im Schulleben erinnere ich mich besonders eines sehr gelungenen Theaterabends (1876?), an dem von den Schülern der oberen Klassen 3 Stücke (russisch, deutsch [„Doctor Wesppe“] und französisch: Molière) aufgeführt wurden.

ad III, 20):

In der obersten Klasse (Septima) 1876—1877 gaben wir eine Zeit lang eine Schülerzeitschrift heraus. Sie trug den Namen: „КОЛОКОЛЬ“ und am Kopf eine Vignette (eine große Glocke, von einer Anzahl Maikäfer geläutet) und enthielt z. T. sehr gute humoristische Beiträge (Gedichte, Karikaturen u.), die sich durchweg auf unser Schulleben bezogen.

XI. Отвѣты по пунктамъ на присланную программу къ біографіи
К. И. Мая.

1) Дочь К. И., Анна Карловна нынѣ состоитъ замужемъ за д. с. с. Кемпе.

I.

2) Часто вспоминалъ.

3) Педагогическая дѣятельность безспорно была призваніемъ К. И., причемъ въ учебномъ отношеніи онъ былъ поклонникомъ классической системы, но не въ узкомъ смыслѣ, ибо высказывался за необходимость удѣлять должное мѣсто и естествовѣдѣнію. Въ педагогическихъ воззрѣніяхъ К. И., повидимому, придерживался главнымъ образомъ взглядовъ Песталоцци, причемъ часто ссылаясь на авторитеты Пирогова и Ушинскаго.

4. }

5. }

6. }

7. }

Не знаю.

8. Насколько помню, объ обстоятельствахъ, при которыхъ была открыта школа имени К. И., сказано въ его рѣчи, произнесенной имъ на 25-лѣтнемъ юбилеѣ его педаг. дѣятельности.

9. Отношеніе К. И. къ учебному начальству всегда отличались корректностью; онъ никогда не колебалъ, въ глазахъ своихъ учениковъ, авторитета начальства; но мы чувствовали, что это дѣлается всегда ради такта, а не изъ угодничества; такимъ образомъ, онъ не заглушалъ въ насъ критическаго отношенія къ распоряженіямъ начальства, но не давалъ ни малѣйшаго основанія перейти отъ сдержанной критики къ критиканству, а тѣмъ болѣе къ ни на чемъ не основанному осужденію. Во время моего пребыванія въ гимназіи К. И. (1868 — 1874 г.) произошла учебная реформа гр. Д. А. Толстого.

Сочувствуя ей въ идеѣ, онъ не раздѣлялъ многихъ увлеченій министра и бесѣды наши по этому вопросу всегда носили вполне корректный характеръ и не переходили должныхъ границъ, несмотря на

то, что вопросъ о классической системѣ тогда особенно волновалъ общество и печать и это волненіе отражалось на насъ. Мнѣ кажется, что такими отношеніями къ волновавшимъ насъ вопросамъ К. И. развивалъ въ насъ способность относиться съ здоровой критикой къ жизненнымъ явленіямъ, т. е. съ должнымъ тактомъ. Къ родителямъ отношенія К. И. были вполне цѣлесообразныя, причемъ онъ сумѣлъ поставить себя въ совершенно независимое положеніе относительно родителей, несмотря на то, что въ матеріальномъ отношеніи онъ самъ, въ извѣстной степени, былъ въ зависимости отъ нихъ.

Отношенія къ ученикамъ опредѣлялись *серьезной требовательностью*, безъ поблажекъ и снисхожденій, столь свойственныхъ „*добрымъ людямъ*“, доброта которыхъ обыкновенно въ результатъ приносить вредъ ихъ питомцамъ.

Мы знали, что съ насъ не потребуютъ невозможнаго, что мы *обязаны* строго исполнять наши обязанности и что снисхожденіе мы получимъ только тогда, когда это дѣйствительно необходимо.

Такое отношеніе создавало условія, при которыхъ не было мѣста выпрашиванію со стороны родителей и учениковъ разныхъ льготъ, изъятія, исключенія, отступленія отъ установленныхъ правилъ и требованій, однимъ словомъ мы понимали, что правила существуютъ для того, чтобы ихъ исполнять, а не для того, чтобы ихъ обходить, разъ чей либо личный интересъ этого требовалъ. Вотъ это развитіе чувства законности, по моему мнѣнію, самое цѣнное, что намъ далъ К. И.

10. Нѣтъ.

11. Въ послѣдніе годы жизни К. И., имѣя сравнительно больше досуга, охотно и съ любовью посвящалъ его сношеніямъ съ бывшими его учениками, интересуясь ихъ дѣятельностью, семейными и служебными положеніями.

12. Насколько помню, юбилей былъ описанъ въ особой брошюрѣ.

II.

1. Излюбленнымъ предметомъ К. И. и предметомъ преподаванія была географія, которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Будучи вообще весьма образованнымъ человѣкомъ, К. И. владѣлъ нѣкоторыми учебными предметами, какъ напр., латинскимъ языкомъ, въ такой степени, что могъ преподавать его экспромтомъ, часто внезапно замѣняя отсутствующаго преподавателя.

2. О теоретической подготовкѣ по педагогикѣ могу сказать, что она очевидно у К. И. была, ибо это проявлялось въ его практической дѣятельности.

3. Песталоцци, Пирогова и Ушинскаго.

4. Какъ человѣкъ, К. И. внушалъ къ себѣ уваженіе и довѣріе.

Обычное, среди дѣтей и молодежи, явленіе—подмѣтить смѣшныя

и слабыя стороны педагоговъ, выражались по отношенію къ К. И. только передразниваніемъ нѣкоторыхъ его привычекъ, напр. нюханье табаку, и никогда не имѣло злого характера.

Молодежь относится очень чутко къ справедливости и законности; оба эти чувства были у К. И. и, помню, на насъ очень производило впечатлѣніе, что онъ былъ требователенъ не только къ намъ, меньшей братіи, но и къ преподавателямъ, когда они манкировали своими обязанностями. Это, опять таки, развивало въ насъ чувство законности.

5. Твердость характера, напр., проявилась у К. И. и это на насъ произвело сильное впечатлѣніе, когда онъ быстро и энергично исключилъ изъ 6-го класса одного ученика, Д. М—ва, родственника министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, довольно распушеннаго юношу. К. И. заявилъ намъ въ день исключенія, что М—въ совершилъ такой проступокъ, послѣ котораго его пребываніе въ гимназіи нетерпимо; какой былъ проступокъ, я и теперь не знаю и помню, что это насъ и не интересовало, ибо мы были увѣрены, что причина достаточно вѣская, если К. И. распорядился такъ.

6. Насколько могу судить, по воспоминаніямъ давно бывшимъ, идеаломъ К. И. было просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ. *Въ совершенствованіи человѣка и въ культурѣ массъ* К. И., насколько могу судить, видѣлъ цѣль существованія человѣчества и залогъ его счастья.

III.

1. Нѣтъ.

2. Не знаю

3. Не знаю

4. Не знаю

} Какъ было дѣло въ началѣ,
ибо я поступилъ въ 1868 г.

5. Въ мое время наглядное обученіе было слабо развито; думаю, что главная причина недостатокъ матеріальныхъ средствъ на учебныя пособія и коллекціи.

6. Огромное большинство учениковъ были приходящими, но тѣмъ не менѣе весь строй гимназіи былъ таковъ, что воспитаніе отъ обученія не отдѣлялось. Подобное неестественное дѣленіе и не могло имѣть мѣсто въ школѣ, состоявшей подъ руководствомъ К. И. Намъ и въ голову не приходило, что въ школѣ только учатся, но не воспитываются, хотя, повторяю, пансіонеровъ было очень немного.

7. Нравственное воспитаніе заключалось въ поддержаніи такой атмосферы въ гимназіи, при которой разныя уклоненія въ отрицательную сторону становились само собою невозможными. Думаю, что въ этомъ отношеніи большую роль играла и семья. Дѣло въ томъ, что большинство учениковъ были изъ семей нѣмецкихъ, частью англійскихъ, главнымъ образомъ изъ числа довольно состоятельныхъ василье-островскихъ коммерсантовъ. Дѣти этихъ семействъ воспитывались въ

духъ серьезной семейной дисциплины, вносили зачатки этой дисциплины въ школу, гдѣ породили обстановку, также ставившую на первый планъ серьезное отношеніе къ учебному дѣлу.

Русскихъ учениковъ было сравнительно немного и если они въ семьѣ не получили такого направленія, то невольно подчинялись общему духу школы и большинства товарищей.

8. При такихъ условіяхъ состава учениковъ, казалось-бы, должна была установиться рознь между учениками въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ. Но этого не было и опять таки благодаря воспитанности и дисциплинированности массы. Въ мое пребываніе въ гимназіи происходила франко-прусская война; успѣхи германцевъ вызывали особенный восторгъ среди петербургскаго нѣмецкаго общества или, вѣрнѣе — среди такъ называемыхъ русскихъ нѣмцевъ; въ насъ, русскихъ, они встрѣчали оппозицію, но ни озлобленія, ни ухудшенія отношеній между товарищами вслѣдствіе этого не было.

9. На развитіе эстетическаго чувства особаго вниманія обращено не было; но на рисованіе (для любителей была и живопись), а также на пѣніе было обращено должное вниманіе.

10. Насколько помню школьный праздникъ былъ только одинъ — 29 октября, день рожденія К. И. Празднованіе было очень скромнаго характера и отъ уроковъ въ этотъ день не освобождали.

11. Гимнастика была поставлена хорошо, но на нее удѣлялось немного времени, въ большую перемѣну.

12. Занятія производились въ будніе дни съ 9 до 4, въ среды и субботы отъ 8 до 12; въ старшихъ классахъ иногда назначались добавочные уроки (кажется, исключительно по древнимъ языкамъ) отъ 8 до 9 ч. утра.

13. Учебная дисциплина поддерживалась, главнымъ образомъ, общимъ направленіемъ, царившимъ въ гимназіи, и особая карательная мѣра примѣнялась крайне рѣдко.

14. Большинство преподавателей исполняли свои обязанности вполне удовлетворительно и придерживались классной системы преподаванія; лишь немногіе не привлекали класса, какъ во время объясненія, такъ и во время спрашиваній къ общей работѣ. Нѣкоторые преподаватели излагали предметы весьма увлекательно, напр., учитель исторіи г. Струнке.

15. Требовалась постоянная годовая работа, а не поурочная; часто спрашивали уроки уже давно сданные, и помню, что инспекторъ гимназіи г. Отто примѣнялъ и такой пріемъ, какъ задаваніе вопросовъ изъ какого-либо учебнаго предмета во время рекреаций. Все это приводило къ тому, что ученики привыкали къ обобщенію учебнаго матеріала, а не учили только текущій урокъ.

16. Отмѣтки ставились за *успѣхи и прилежаніе* и свидѣтельства

объ успѣхахъ выдавались ученикамъ на руки для представленій родителямъ нѣсколько разъ въ годъ. Полные баллы, т. е. 5, выставлялись красными чернилами и это считалось особымъ отличіемъ; болѣе никакихъ наградъ за успѣхи въ ученіи не полагалось.

17. Лучшіе ученики переводились изъ класса въ классъ по годовымъ балламъ и увольнялись въ отпускъ ранѣе остальныхъ, которые оставались для дополнительныхъ занятій и экзаменовъ; эти увольненія служили одной изъ самыхъ поощрительныхъ мѣръ. На лѣто задавались работы и сильнымъ ученикамъ.

18. Большинство преподавателей были серьезными работниками, большинство товарищей—серьезные ученики.

19. Нѣтъ.

20. Кажется, нѣтъ.

21. Кажется, нѣтъ.

IV.

Не жилъ въ пансіонѣ и свѣдѣній не имѣю.

Въ общемъ долженъ сказать, что характерными чертами гимназіи К. И. Мая за время моего пребыванія въ ней были: порядокъ, серьезная чисто-учебная обстановка и постепенное развитіе въ ученикахъ чувства законности, безъ малѣйшаго угнетенія ихъ воли и самодѣтельности.

Вся обстановка приводила къ тому, что мы серьезно относились къ нашимъ обязанностямъ.

Конечно, были случаи лѣни, шалости, рѣзвости, даже распушенности, но это были единичные и весьма незначительные случаи. Въ школѣ царила истинная дисциплина, т. е. внутренній порядокъ, исполнительность, аккуратность. Многія событія государственной и общественной жизни подвергались откровенному обсужденію въ бесѣдахъ съ К. И. и преподавателями, иногда и на урокахъ, когда самый предмет преподаванія давалъ къ тому основанія. Такъ напр., обсуждался вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ классической и реальной системъ образованія, такъ какъ въ началѣ 70-хъ годовъ вводилась классическая система, какъ господствующая. Обсуждались событія войны 1870—71 г.г., отмѣна Парижскаго трактата; часто заходила рѣчь о Крымской войнѣ и реформахъ Императора Александра II, какъ напр., о введеніи общей воинской повинности. Во время такихъ бесѣдъ вырабатывался критическій взглядъ на событія и на дѣйствія людей и невольно прививалась способность разсуждать по возможности объективно, спокойно освѣщая факты и дѣйствія лицъ со всѣхъ сторонъ. У молодежи всегда есть жажда къ обсужденію многихъ явленій, особенно современныхъ, и если лишить ее бесѣдъ съ интеллигентными

и уравновѣшенными людьми, каковыми должны быть педагоги, то молодые люди будутъ искать разьясненія своихъ сомнѣній въ иныхъ мѣстахъ и не всегда найдутъ то, что молодежи дѣйствительно нужно.

Таково было благотворное вліяніе К. И. и иныхъ его сотрудниковъ; оно развивало въ насъ стремленіе *къ свѣту, добру и законности*.

Н. Епанчинъ.

21 ноября 1905 г.

XII.

Въ отвѣтъ на Вашъ циркуляръ, я, къ сожалѣнію, могу Вамъ служить весьма незначительнымъ матеріаломъ.

I.

- 1) К. И. былъ два раза женатъ.
- 2) Не знаю.
- 3) Не знаю.
- 4) Не знаю.
- 5) Изъ своихъ путешествій, о которыхъ онъ всегда съ удовольствіемъ говорилъ.
- 6) Не знаю.
- 7) Не знаю.
- 8) Не знаю.
- 9) Мнѣ не извѣстны его близкія отношенія къ кому-либо изъ учителей, начальству, родителямъ или ученикамъ. Онъ, кажется, съ ними никогда не былъ близокъ.
- 10) Не знаю.
- 11) Я его никогда нигдѣ не встрѣчалъ, потому думаю, что онъ жилъ исключительно у себя дома.
- 12) Помню его юбилей (кажется 25-й), когда онъ прощался со своими учениками и передалъ свою прежнюю должность г-ну Кракау. Прощаніе было трогательно. Онъ плакалъ, потому что любилъ свою дѣятельность, которую пришлось оставить по случаю старости и слабости.

II.

- 1) Я тоже объ этомъ не могъ судить, но думаю, что онъ былъ весьма многосторонній ученый.
- 2) Я думаю, что нѣтъ.
- 3) Г-на Доброписцева и г-на Кракау.
- 4) Онъ былъ добръ, но не ко всѣмъ ученикамъ одинаковъ. Онъ, конечно, любилъ прилежныхъ учениковъ больше другихъ, которыхъ

не пропускалъ мимо себя безъ улыбки. Шалуновъ же онъ прямо ненавидѣлъ и при каждомъ случаѣ на нихъ кричалъ.

5) К. И. не любилъ трусовъ. Онъ, на примѣръ, разъ серьезно разсердился на одного ученика (Сазикова), потому что онъ не сѣмѣлъ драться съ однимъ товарищемъ, а расцарапалъ ему все лицо ногтями. Разъ весь нашъ классъ устроилъ какую-то шутку съ учителемъ французскаго языка. Виновнаго не могли найти. Тогда К. И. сообщилъ всему классу, что онъ не будетъ давать уроковъ географіи, если классъ не выдастъ виновныхъ. Черезъ нѣсколько дней виновные сознались.— Я не помню, чтобы К. И. когда-либо пропустилъ своего урока.

6) Не слышалъ.

III.

1) Не знаю.

2) Не знаю.

3) Не знаю.

4) Не знаю.

5) Онъ самъ придерживался способа нагляднаго обученія, который и безусловно имѣлъ свои хорошія стороны. Я, на примѣръ, никогда не бралъ книги въ руки для приготовленія его уроковъ и всегда зналъ свой урокъ, потому что его система рисовать изучаемую сторону на классной доскѣ значительно облегчала ученіе. Я всегда любилъ его уроки и они мнѣ представляли меньше всего труда.

6) Воспитаніе, въ полномъ смыслѣ слова, было въ его училищѣ второстепенная вещь, но это нужно оправдать поведеніемъ Правительства, которое не давало свободу дѣйствій начальству училища.

7) Его почти что не было.

8) Разговоры на эти темы мнѣ никогда не приходилось слышать.

9) На это обращалось слишкомъ мало вниманія. Госпожа Май преподавала уроки пѣнія довольно хорошо, но въ общемъ, къ нимъ относились второстепенно.

10) Помню какой-то праздникъ, съ представленіями и параднымъ шествіемъ.

11) Гимнастика преподавалась весьма слабо, зато свобода на дворѣ во время завтрака, гдѣ позволялась игра въ снѣжки, благотворно вліяла на учениковъ.

12) Ученіе продолжалось отъ 9 до 12 часовъ и затѣмъ отъ 1 до 3 часовъ. Въ старшихъ классахъ въ нѣкоторые дни до 4 и даже до 5 часовъ. По субботамъ до 12 съ немногими исключеніями въ старшихъ классахъ. Между каждымъ часомъ (урокомъ) ученики отдыхали 7 минутъ.

13) Наказаніе заключалось въ оставленіи провинившагося по субботамъ послѣ 12 часовъ на 1, 2 и даже 3 часа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходилось оставаться одному въ комнатѣ. Нѣкоторые препода-

ватели посылали шалуновъ во время уроковъ въ кабинетъ К. И., гдѣ имъ доставалось отъ него.

14) Методъ преподаванія былъ, кажется, предписанъ Правительствомъ, и не отличался практичностью. Учителя задавали ученикамъ уроки, которые провѣряли въ слѣдующій урокъ. На объясненія хватало учителю очень мало времени, а дома ученикамъ приходилось слишкомъ много учиться. Они положительно не имѣли свободнаго времени и занимались съ ранняго утра до поздняго вечера, иногда до глубокой ночи. Это нельзя назвать правильнымъ. Обязанность учителя должна состоять въ болѣе легкой формѣ преподаванія. Въ этомъ отношеніи былъ К. И. выдающійся преподаватель. Онъ училъ, объяснялъ и провѣрялъ учениковъ въ одно время, рассказывая имъ при этомъ всевозможныя интересныя вещи изъ своей жизни, путешествій и изъ исторіи. Что онъ говорилъ, то запечатлѣвалось въ памяти и дома ужъ для него учиться не нужно было.

15) Повторенія давали возможность ученикамъ вторично пройти курсъ предмета, въ которомъ они были слабы и держать вторично (осенью) экзамень.

16) 5-ти бальная система.

17) Довольно строгій.

18) Не могу.

19) Помню, что въ послѣдніе годы моего пребыванія въ училищѣ оно носило отпечатокъ слабости и старости К. И. Учителя не были всегда тѣмъ, чѣмъ они должны быть. Они мѣнялись довольно часто и между ними были люди, не имѣвшіе права называться преподавателями или педагогами. Съ появленіемъ г-на Кракау дѣла измѣнились къ лучшему.

20) Кажется, нѣтъ.

21) Нѣтъ.

IV.

Въ общемъ я съ удовольствіемъ вспоминаю свое пребываніе въ училищѣ К. И. Мая и многому обязанъ лично г-ну Маю.

Евгеній Розенблатъ.

Рига,

14 марта 1905 г.

XIII.

Окончилъ я гимназію въ 1890 году; уже года за два К. И. почти-что фактически не былъ главою школы изъ-за болѣзни; выпускъ 1890 года былъ послѣдній официально только подъ его руководствомъ. Послѣ этого К. И. прожилъ около 4 лѣтъ и угасъ, такъ что мнѣ довелось лишь сознательно наблюдать время его угасанія; такъ какъ тогда я былъ въ младшихъ классахъ, я, конечно, не могъ относиться сознательно ко всему хорошему, что было въ гимназіи при управленіи Карла Ивановича.

Я давно уже живу вдалекѣ отъ Петербурга, я не знаю, кто состоитъ въ комитетѣ, но я помню тѣ горячія характеристики К. И., которыя печатались въ годъ его смерти; эти характеристики были полны и фактическихъ данныхъ, вѣроятно тѣ лица, которыя ихъ писали, или состоятъ сами въ комитетѣ, или не откажутся подѣлиться своими дальнѣйшими воспоминаніями о Карлѣ Ивановичѣ.

Семьи Bang, Steiner, Grube, второе поколѣніе которыхъ кончало при мнѣ или начинало учиться въ школѣ, въ которой учились его отцы, вѣроятно сохранили много воспоминаній о К. И. Вотъ родственныя К. И. семьи: Рейссъ—одинъ изъ членовъ ея Э. Ф. Рейссъ учился въ мое время, далѣе семья Цейдлеръ—одинъ изъ членовъ ея Р. Ф. Цейдлеръ, горный инженеръ, окончилъ школу вмѣстѣ со мною—тоже не откажутъ въ данныхъ о К. И. Знаю, что существовали между К. И. хорошія близкія отношенія къ В. В. Радлову академику, сынъ котораго учился у насъ, Алекс. Вас.; любилъ К. И. моего сотоварища П. Ю. Шмидта, который былъ, по моему, пансіонеромъ и многое вѣроятно можетъ сообщить о К. И., къ тому же ихъ вкусы сильно сходились: оба любили естественныя науки и въ частности географію.

Не будучи въ состояніи дать какихъ-либо цѣнныхъ данныхъ о характеристикѣ и біографіи К. И., я считаю долгомъ указать на то, чѣмъ навсегда останется дорога память К. И. для меня: онъ избавилъ насъ отъ казенщины, сдѣлалъ переходъ изъ семьи въ школу незамѣтнымъ, инспекціи въ гимназіи не было фактически со всѣми ея темными сто-

ронами, формализма не было, поверхностный наблюдатель могъ подумать, что мы были распущены, но у насъ непозволительныхъ шалостей не было, К. И. сумѣлъ свою частную гимназію уберечь отъ отбросовъ казенныхъ гимназій, что, къ сожалѣнію, наблюдается въ другихъ частныхъ гимназіяхъ, это избавило насъ отъ нравственной порчи и цинизма; наказанія болѣе суровыя, какъ-то карцеръ, не примѣнялись; при массовыхъ беспорядкахъ К. И. всегда являлся самъ и стыдилъ насъ, грозилъ намъ строгостью, но скоро приходилъ вновь и старался насъ довести до сознанія того, что это недостойно насъ; далѣе онъ самъ былъ такъ угнетенъ всѣмъ этимъ, что многое не дѣлалось нами изъ нежеланія обидѣть и доставить огорченіе Карлу Ивановичу.

Примѣровъ неуваженія личности мы въ гимназіи не видали, наоборотъ, самый маленькій имѣлъ право за руку поздороваться съ К. И., идя на общую молитву; при выдачѣ „четвертей“ онъ радовался за хорошія отмѣтки, скорбя о дурныхъ и подавалъ всегда совѣтъ, какъ улучшить ихъ, въ чемъ по мнѣнію учителя заключается бѣда, за то при измѣненіи въ слѣдующей четверти отмѣтки къ лучшему онъ радовался, кажется, больше самого ученика.

Этимъ я ограничусь. Прочитавъ всѣ вопросы, я сталъ вспоминать былое и многое припомнилось, но находясь совершенно одинъ, не будучи въ состояніи переговорить съ кѣмъ-либо, я могъ нѣкоторые факты освѣтить неправильно, а потому я предоставляю другимъ, находящимся въ лучшихъ условіяхъ, возстановить образъ дорогого Карла Ивановича.

Съ почтеніемъ, *Инж.-Техн. В. В. Оль.*

г. Егорьевскъ,
фабр. бр. Хлудовыхъ.

XIV.

Въ отвѣтъ на предложенные мнѣ вопросы могу сообщить слѣдующее:

I. 9 вопросъ. Отношенія К. И. къ *родителямъ и ученикамъ* были *самыя хорошія*, очень дружескія и въ этомъ отношеніи К. И. былъ директоромъ исключительнымъ.

III. 8 вопросъ. Въ религіозномъ отношеніи направленіе въ гимназій было очень симпатичное, а именно чувствовали духъ полной свободы и терпимости; наглядное выраженіе этого—общая молитва для всѣхъ учениковъ, за которой произносились и пѣлись молитвы какъ православными, такъ и лютеранами. Въ отношеніи къ отечеству, также слѣдуетъ отмѣтить, что не преслѣдовались какія-нибудь узко-патріотическія тенденціи.

Вопросъ 10. Школьные праздники, т. е. *спектакли* по случаю дня рожденія К. И., оставляли самое лучшее впечатлѣніе по своей искренности.

Вопросъ 12. Количество занятій было въ мое время очень велико (бывали дни, когда было 7 уроковъ въ день). Точно также уроковъ, задаваемыхъ на домъ, было очень много, такъ что если исполнять ихъ добросовѣстно, то у ученика не оставалось совершенно свободного времени въ будніе дни. Въ настоящее время количество занятій въ гимназіяхъ гораздо меньше.

М. Римскій-Корсаковъ,

Приватъ-Доцентъ СПб. университета,
окончившій гимназію Мая 1891 г.

17 марта 1905 г.

XV.

Въ гимназію К. И. Мая я попалъ уже въ то время, когда завѣдываніе и руководство ею всецѣло находилось въ рукахъ В. А. Кракау, а Карлъ Ивановичъ Май ограничивался лишь преподаваніемъ географіи въ младшихъ классахъ. Я поступилъ въ пятый классъ и потому мнѣ уже не пришлось непосредственно сталкиваться съ Карломъ Ивановичемъ, однако въ моей памяти сохранилось кое-что изъ характернаго какъ для самой личности К. И., такъ и для духа, который царилъ въ созданной покойнымъ педагогомъ школѣ.

Впервые мнѣ привелось видѣть К. И. выходящимъ на площадку лѣстницы во время одной изъ рекреаций. Маленькій, слегка сгорбленный, съ очками на лбу старичекъ, уже съ трудомъ переставлявшій ноги, показался на площадкѣ лѣстницы, а на встрѣчу ему толпились мальчуганы, раскланивались передъ нимъ, крича „здравствуйте, Карлъ Ивановичъ!“ а онъ протягивалъ два пальца своей дряхлой руки.

Я не буду рассказывать, какъ К. И. въ день своего рожденія приглашалъ къ себѣ на квартиру всю гимназію, которая всегда встрѣчала радушный пріемъ въ семьѣ покойнаго. Мнѣ хочется только указать еще два факта, характерныхъ для учениковъ гимназіи. На второй годъ послѣ моего поступленія въ гимназію, К. И. тяжело заболѣлъ и скончался. Это была утрата для всей гимназіи, и вотъ мои товарищи добровольно испросили согласіе у директора составить у гроба покойнаго К. И. почетный караулъ, который и стоялъ по 4 человѣка въ очереди послѣ уроковъ до поздняго вечера.

Другой фактъ, фактъ безпримѣрный въ школьной жизни, тоже произошелъ въ моемъ классѣ. Я какъ сейчасъ помню, какъ однажды одинъ изъ моихъ товарищей замыслилъ устроить какую-то шалость и какъ весь классъ запротестовалъ, говоря: „К. И. будетъ этимъ недоволенъ“.

И оживленная встрѣча стараго учителя, и выше приведенный протестъ класса — говорятъ о рѣдкой духовной дисциплинѣ и связи между бывшимъ руководителемъ и его воспитанниками.

Не одинъ К. И. пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ, но

и супруга его раздѣляла съ нимъ ту же счастливую долю. Какъ извѣстно, М-те Май преподавала въ приготовительномъ классѣ и своимъ родительскимъ попеченіемъ снискала по себѣ добрую память въ сердцахъ своихъ маленькихъ учениковъ. Она заслужила прозвище „Тети Май“, подѣ которымъ мнѣ всегда приходилось слышать рассказы товарищей о своемъ пребываніи въ приготовительномъ классѣ.

К. И. прекрасно постигъ душу своихъ молодыхъ питомцевъ и сумѣлъ внушить имъ любовь къ правдѣ, уваженіе къ себѣ и преподавателямъ, да и самый преподавательскій составъ, чуждый казенныхъ отношеній къ ученикамъ, внушалъ имъ къ себѣ полное довѣріе. Конечно, не обходилось дѣло безъ шалостей, за которыя почти и не наказывали, но дерзкія выходки какъ по отношенію къ преподавателямъ, такъ и къ товарищамъ неумолимо преслѣдовались, и дѣло кончалось тѣмъ, что провинившагося совсѣмъ удаляли изъ гимназіи.

На внѣшнюю, казенную дисциплину совсѣмъ мало обращалось вниманія. Ученики во время межъурочныхъ рекреаций пользовались полной свободой и возились въ волю. Все это вело къ тому, что и по окончаніи гимназіи большинство ея воспитанниковъ старалось сохранить съ нею связь да и во время своего въ ней пребыванія шли въ гимназію съ охотой и безъ тяжелаго чувства какого-то гнета и ненависти.

Не такъ давно мнѣ довелось видѣть, какъ бывшій ученикъ привелъ на экзаменъ младшаго братишку. Мальчуганъ не выражалъ на своемъ лицѣ ни смущенія, ни робости, напротивъ, его лицо сіяло веселой довѣрчивой улыбкой. Должно-быть, онъ слышалъ отъ своего брата про гимназію и создаваемаго ее К. И. одно только доброе и хорошее.

Г. Гаддъ.

С.-Петербургъ,
28 іюня 1905 г.

III.

Списокъ бывшихъ учениковъ школы К. И. Мая.

Абаза, Алекс. Алекс.
 Абрагамсонъ, Михаилъ.
 Абрамовъ, Тиридатъ.
 Абрамовъ, Троф. Іоаким.
 Абросимовъ, Леонидъ.
 Авиловъ, Алексѣй Ник.
 Адамовичъ, Васил. Ив.
 Адамовичъ, Максимъ.
 Азаревичъ, Юрій Яковл.
 Азбелевъ, Викторъ Ник.
 Баронъ Аккурти фонъ
 Кенигсфельсъ, Ан-
 дрей Вильгельмов.
 Аладовъ, Н.
 Александровскій, Петръ
 Александровичъ.
 Александровъ, Владим.
 Алексѣевъ.
 Алексѣевъ, Григорій.
 Алексѣевъ, Евгеній.
 Аллиманъ, Валентинъ.
 Аллиманъ, Евгеній.
 Альберсъ, А.
 Альбовъ, Александръ.
 Альбрехтъ, Алекс. Алекс.
 Альбрехтъ, Ал. Дмитр.
 Альбрехтъ, М.
 Амира, Д.
 Амбургеръ, Юлій Алекс.
 Андерсонъ, Джонъ.
 Андерсонъ, Карлъ Матв.
 Андреевскій, Ал. Филип.
 Андреевскій, Андр. Фил.
 Андреевскій, Ант. Фил.
 Андреевъ, Влад. Андр.
 Андреевъ - Черницкій,
 Борисъ Владиміров.
 Анджейковичъ, Оад.
 Антоновъ, Николай.

Антошинъ, Ник. Ник.
 Анучинъ, Мих. Дмитр.
 Апрѣлевъ, В.
 Арендсъ, Павелъ.
 Арендсъ, Георгъ.
 Арендтъ, Т.
 Арзубовъ, Павелъ.
 Арндъ, Вольдем. Март.
 Арндъ, Рейнгардъ Март.
 Аронъ, Л.
 Арцимовичъ, Мих. Викт.
 Асмось, Викт. Павлов.
 Аттасъ, Иванъ.
 Аубертъ, Анатолій.
 Аухъ, Оедоръ.
 Баженовъ, Ростиславъ.
 Балласъ, Николай.
 Баллодъ, Влад. Петр.
 Балмозенъ, Владиміръ.
 Бальцъ, Оедоръ Алекс.
 Бангъ, Вильг. Алекс.
 Бангъ, Максимъ Роберт.
 Бангъ, Робертъ Алекс.
 Бангъ, Эрнстъ Роберт.
 Барацъ, Анатолій Сем.
 Барботъ-де-Марни, Н.
 Барденовъ, Леонидъ.
 Бардтъ, Викторъ.
 Бари, Адольфъ Эдуард.
 Баротъ, Георгій.
 Баротъ, Егоръ Карл.
 Баротъ, Карл. Карлов.
 Баротъ, Оедоръ Карл.
 Бартелингъ, Н.
 Бартельсъ, Алексѣй Ив.
 Бартельсъ, Николай Ив.
 Бартеневъ, В.
 Бартеневъ, Георг. Павл.
 Бартошъ, Мих. Вас.

Басинъ, К.
 Бассаргинъ, Сергѣй.
 Бастианъ, Францъ Фран-
 цовичъ.
 Батюшковъ, Н.
 Баумгартенъ, Георгій.
 Баури (или Боури).
 Бауэръ, Иванъ.
 Бахметьевъ, Ник. Оед.
 Бахъ, Германъ.
 Бахъ, Павелъ.
 Башиловъ, Ник. Ник.
 Безкровный, Николай.
 Безобразовъ, П.
 Безобразовъ, Юрій Вла-
 диміровичъ.
 Бзовъ, Е.
 Безродный, Григорій.
 Бейтинъ Алекс. Христ.
 Бекель, Альфредъ Павл.
 Бекель, Карлъ Павлов.
 Бекель, Павелъ Павл.
 Бекеръ, Роб. Рудольф.
 Бекманъ, Г.
 Бекманъ, Лебрехтъ Кар-
 ловичъ.
 Бекманъ, Ф.
 Белау, Г.
 Белей, Николай.
 Белингъ, Борисъ.
 Белингъ, Евстафій.
 Беллегардъ, А.
 Бели, Ник. Ник.
 Беме, Адольфъ-Андрей-
 Густавовичъ.
 Бемъ, Альбертъ.
 Бемъ, Андрей Иванов.
 Бемъ, Фридрихъ-Эмма-
 нуиль-Карлъ.

- Бенуа, Александръ Ник.
Бенуа, Альбертъ Альб.
Бенуа, Карлъ.
Бенуа, Ник. Альберт.
Бенуа, Ник. Леонт.
Бенуа, Юлій Юліевичъ.
Бергманъ, В.
Бергъ.
Бергъ, Конст. Викт.
Бергъ, О.
Бергъ, Петръ Петров.
Бердниковъ, Борисъ.
Бердниковъ, Николай.
Березинъ, Д.
Берендсъ.
Беренсъ, Карл. Карл.
Бернгарди, Бернгардъ.
Бернгарди, Павелъ.
Беръ, А.
Бессовъ, И.
Бетлингъ, Александръ.
Бетлингъ, Пав. Оттон.
Бетлингъ, Эдуардъ.
Бетцъ, Вильг. Леоп.
Бетцъ, Вильгельмъ.
Бибииковъ, Алекс. Ал.
Билевичъ.
Биндеръ, Оедоръ.
Бирсъ, Георгій Иванов.
Битепажъ, Алек. Ферд.
Битепажъ, Иванъ Пав.
Битепажъ, Павелъ Пав.
Битепажъ, Францъ Пав.
Битепажъ, Эд. Павлов.
Бишофъ, Павелъ Карл.
Бишофъ, Карлъ Карлов.
Бланкъ, Владиміръ.
Блессигъ, Джонъ Вас.
Блессигъ, Роб. Фридр.
Блессигъ, Эрнстъ Фрид.
Бокитько, Владиміръ.
Богдановичъ, Модестъ
Николаевичъ.
Богдановъ, Борисъ.
Боговскій, Алекс. Демен.
Боговскій, Пав. Демен.
Богословскій, Сергѣй.
Бодиско, Алексѣй Дмит.
Бодиско, Сергѣй Дмит.
Болинъ, Алексан. Густ.
Болинъ, Густавъ Густ.
Болинъ, Карлъ Густав.
Бологовскій, А.
Бологовскій.
Бологовскій, Борисъ.
Больдеманъ.
Бонштедтъ, Эрнестъ
Любимовичъ.
Борисовъ, В.
Борисовъ, Н.
Борманъ, Георгъ (Григ.)
Николаевичъ.
Борманъ, Григ. Григор.
Боровскій, Иванъ.
Боровскій, Михаилъ.
Боровскій, Николай.
Боссе, С.
Ботманъ, Георг. Георг.
Ботманъ, Евгенийъ Вас.
Бочкаревъ, Н.
Брандтъ, Б. Г.
Брандтъ, А.
Брандтъ, Артуръ.
Брандтъ, А.
Брандтъ, Борисъ.
Брандтъ, Николай.
Брандтъ, Эдвинъ.
Брауеръ, Е.
Браунъ, Робертъ.
Брей, Владиміръ.
Бржозовскій, Вацлавъ
Людвиговичъ.
Бриксъ, Александръ.
Бринкенъ, Владиміръ.
Бродерсенъ, Густавъ
Густавовичъ.
Броссетъ, Лавр. Лавр.
Бруни, Алексан. Алек.
Бруни, Конст. Алексан.
Бруни, Николай Алек.
Брунъ, Иванъ.
Брунъ, Христофоръ.
Брусницынъ, Александ.
Брюггеманъ, Георгъ.
Брюлловъ ?
Бубликовъ, Георг. Евл.
Бубликовъ, Евлам. Евл.
Бубликовъ, Никол. Евл.
Бубновъ, Борисъ.
Будбергъ, бар. Алекс.
Александровичъ.
Будбергъ, б. Анат. Алек.
Будбергъ, бар. Андрей.
Будбергъ, б. Ник. Алек.
Будбергъ, бар. Никол.
Андреевичъ.
Будичъ, Веніам. Венціан.
Булгаковъ, Зенонъ.
Бургеръ, Алексан. Алек.
Буре, Евгенийъ.
Буренинъ, Конст. Викт.
Буторинъ, Александръ.
Бухгольцъ, А.
Бухгольцъ, Оедоръ Оед.
Бушико, Г.
Бушъ, Христіанъ.
Бызовъ, Георгій.
Быковъ, Василій Вас.
Быковъ, Дмитрій Оед.
Быковъ, Николай.
Быковъ, Николай Вас.
Быковъ, Сергѣй Вас.
Быстряковъ, Николай.
Быховскій, Дмитрій.
Бѣловскій, Владиміръ.
Бѣлоголовый, А.
Бѣлоголовый, Инокен.
Андреевичъ.
Бѣлоголовый, Левъ.
Бѣлоголовый, Николай.
Бѣлоголовый, Сергѣй
Андреевичъ.
Бѣлороссовъ, Василій.
Бѣлостоцкій, Михаилъ
Васильевичъ.
Бѣлостоцкій, Владиміръ
Ильичъ.
Бѣляевъ, Дмит. Львов.
Бѣляевъ, К.
Бѣляевъ, Никол. Пав.
Вагнеръ, Павелъ Алекс.
Ваксель, Аггей.
Валуйсковъ, Иванъ.
Вальдекъ, Владиміръ.
Вальтеръ, Альб. Франц.
Вальдштейнъ, Августъ.
Варбуртонъ, Вильямъ.
Варгунинъ, А.
Варгунинъ, П.
Варгунинъ, Сергѣй
Амвросіевичъ.
Вардель, Генрихъ.
Варзаръ, Дмитрій Вас.

- Варнекъ, Александръ.
 Варнекъ, А.
 Варыпаевъ, Борисъ.
 Васикъ, Александръ.
 Васильевъ, Борисъ.
 Васильевъ, Василій.
 Васильевъ, Евгений.
 Васильевъ, Николай.
 Вахтинъ, Борисъ.
 Вахтинъ, Леонидъ.
 Веббъ, Джонъ Вальтер.
 Веберъ, Л.
 Ведровъ, М.
 Ведровъ, Серг. Владим.
 Вейгаузенъ, В.
 Вейхардтъ, Георгій
 Августовичъ.
 Венгеровъ, Яковъ.
 Венигъ, Алекс. Карлов.
 Венигъ, Павелъ Карлов.
 Вереха, Николай.
 Верещагинъ, Аркадій
 Васильевичъ.
 Вернеръ, Михаилъ.
 Веселовскій, Андрей.
 Веселовскій, Констант.
 Вестли, Стефанъ Степ.
 Вестфаленъ, Георг. Анд.
 Виллевалдъ, Павелъ
 Богдановичъ.
 Вилмъ, Василій Васил.
 Вилькинсъ, Петръ Ник.
 Вилькинсъ, Альфредъ.
 Вилькинсъ, Вас. Егор.
 Вилькинсъ, Георгъ.
 Вильнецкій, Георгій.
 Вильтонъ, Вильямъ
 (Василій).
 Вильтонъ, Давидъ.
 Вильтонъ, Робертъ.
 Вильямсъ, В.
 Винбергъ, Анат. Влад.
 Винбергъ, Владим. Влад.
 Винбергъ, Конст. Влад.
 Винклеръ, Оеодоръ.
 Виреніусъ, Алексѣй.
 Висковатовъ, М.
 Вистингаузенъ, Максим.
 Константиновичъ.
 Вистингаузенъ, Л.
 Витманъ, Георгій Карл.
- Фонъ-Виттъ, Генр. Пет.
 Вишняковъ, Владиміръ.
 Воеводскій, Георгій.
 Воеводскій, Н.
 Вознесенскій, Григорій.
 Вознесенскій, Николай.
 Волгинъ, Сергѣй.
 Волковъ, Владим. Ник.
 Волоцкой, Никол. Мих.
 Вороніекъ, Левъ.
 Вольскій, В.
 Враги, Леонидъ.
 Врангель, А.
 Времева, В.
 Вульфъ, Алексѣй.
 Выводцевъ, Альфредъ.
 Габерцеттель, Андрей
 Робертовичъ.
 Габерцеттель, Викт. Оед.
 Габерцеттель, Леон. Оед.
 Габерцеттель, Мих. Роб.
 Габерцеттель, Роб. Роб.
 Гаддъ, Георгій Георг.
 Гаддъ, Юлій Георг.
 Гаевскій, Ник. Виктор.
 Галлеръ, Г.
 Галлиндо, Фридрихъ.
 Гальманъ, Фридрихъ.
 Гамдорфъ, Влад. Евг.
 Гамдорфъ, Евг. Карл.
 Гандейзицъ, А.
 Гандейзидъ, Д.
 Ганзенъ, Оскаръ.
 Гантоверъ, Борисъ.
 Ганфъ, Ф.
 Ганъ, А.
 Гари, Вильгельмъ.
 Гари, Вильгельмъ.
 Гармсенъ, Ф.
 Гартенъ, Готфридъ.
 Гартохъ, Иванъ Оска-
 ровичъ.
 Гартохъ, Оскаръ Оска-
 ровичъ.
 Грязинъ, Алекс. Ив.
 Грязинъ, Бор. Львов.
 Гауффъ, баронъ, А.
 Гауффъ, Оеодоръ.
 Гвейеръ, Алек. Самуил.
 Гвейеръ, Карлъ Самуи-
 ловичъ.
- Гвейеръ, Самуилъ Са-
 муиловичъ.
 Гедике, Робертъ Робер-
 товичъ.
 Гедике, Евг. Робертов.
 Гезенъ, Борисъ Вас.
 Гезенъ, Вик. Августов.
 Гезенъ, Оедоръ Август.
 Гейзе, Павелъ Густав.
 Гейзе, Юлій Логинов.
 Гейзелеръ, Генр. Егор.
 Гейзелеръ, Пав. Егор.
 Гейлеръ, К.
 Гейманъ, Александръ.
 Геймбургеръ, Егоръ
 Николаевичъ.
 Геймбургеръ, Констан-
 тинъ Николаевичъ.
 Геймбургеръ, Ник. Ник.
 Гейслеръ, Альбертъ
 Карловичъ.
 Гейслеръ, Вильгельмъ.
 Гейслеръ, Карлъ Фридр.
 Гельмгольцъ, Борисъ.
 Гельмерсенъ, Б.
 Гельмке, Павелъ.
 Генке, А.
 Генке, А.
 Генке, Е.
 Генке, Е.
 Георгій, Максъ.
 Георгій, Оедоръ.
 Геппенеръ, Александръ.
 Геппенеръ, Оскаръ Ив.
 Гептнеръ, Генрихъ.
 Гептнеръ, Нафанаилъ.
 Гептнеръ, Эдуардъ-
 Павелъ.
 Герасимовъ, Петръ.
 Геращеневскій, Борисъ.
 Геращенко, Николай.
 Гердесъ, Рудольфъ.
 Герке, А.
 Герке, Викт. Иванов.
 Герке, Гвидо Иванов.
 Герке, Ник. Иванов.
 Герке, Георгій Карлов.
 Гернгросъ,
 Герсдорфъ, Николай.
 Герсдорфъ, Сергѣй.
 Гертумъ, Эд.

Герцбергъ, Р.
 Гетшель, К.
 Гефдингъ, Гельге Ое-
 доровичъ.
 Гизе, Августъ Август.
 Гизе, Эрнстъ Август.
 Гизико, А.
 Гизико, Эрикъ-Аксель
 Алексѣевичъ.
 Гиль, Ф. •
 Гилькевичъ, Н.
 Гильтебрандтъ, Влади-
 міръ Аполлоновичъ.
 Гинце, Иванъ.
 Гинце, Максимилянъ
 Оскаровичъ.
 Гирсъ, Ник. Александр.
 Гиссеръ, Альфредъ.
 Гиссеръ, Антоній.
 Гиссеръ, Георгъ.
 Гитшовъ, Ант. Людвиг.
 Гитшовъ, Вильгельмъ.
 Гитшовъ, Людвигъ
 Людвиговичъ.
 Гитшовъ, Ром. Людв.
 Гитшовъ, Максъ.
 Глазовъ, Оедоръ.
 Глазыринъ, Констант.
 Глезеръ, Людвигъ Эд.
 Глезеръ, Эд. Эдуард.
 Глезеръ, Оедоръ Эд.
 Годшильдтъ, Р.
 Гойеръ, Е.
 Гойеръ, Евг. Густав.
 Гойеръ, Левъ Виктор.
 Головачевъ, А.
 Головачевъ, Серг. Дм.
 Головизнинъ.
 Головъ, Владиміръ.
 Голубевъ, Викторъ.
 Гольцъ, Павелъ.
 Гомбергъ, Э.
 Гонумбахъ, Владиміръ.
 Горбачевъ.
 Горвицъ, Викторъ.
 Горвицъ, Михайлъ.
 Гордѣевъ, Николай.
 Горячиловъ, Вячеславъ
 Алексѣевичъ.
 Готъ, Вас. Васильев.
 Готъ, Егоръ Васильев.

Готъ, Джонъ.
 Гофренъ, Карлъ.
 Гофренъ, Эд. Вас.
 Граапъ, Карлъ Оедор.
 Грагамъ-Нобсъ, С.
 Граціанскій, Ник. Петр.
 Граціанскій, Алек.
 Графъ, Ф.
 Граціанскій, Алек.
 Грече, Ник. Романов.
 Грейль, Куртъ.
 Грековъ, Т.
 Грибинъ, Михайлъ.
 Григорьевъ, Левъ.
 Григорьевъ, Т.
 Грикуровъ - Аствацату-
 ровъ, П.
 Грикуровъ, Г.
 Грикуровъ, Пав. Степ.
 Гриммъ, Германъ Дав.
 Гриммъ, Давидъ Дав.
 Гриммъ, Максимъ Дав.
 Гриммъ, Оскаръ Андр.
 Гриммъ, Эрвинъ Дав.
 Грищенко, Никита.
 Гродзкій, Эдмунд.
 Гроссъ, Георгій.
 Гроссъ, Георгій.
 Гротенъ, Александръ.
 Гротенъ, Георгій.
 Гротенъ, Егоръ Алек.
 Гротенъ, Конст. Алек.
 Гротенъ, Максъ.
 Гротенъ, Оед. Алек.
 Грубе, Вильгельмъ Ив.
 Грубе, Левъ Адольф.
 Грубе, Робертъ Иван.
 Грубе, Робертъ Роберт.
 Грубе, Эдгаръ Карл.
 Грубе, Эрнстъ Карл.
 Грязевъ, Ник. Никол.
 Губинъ, Евгеній.
 Губинъ, Михайлъ.
 Губинъ, Михайлъ.
 Гудвинъ, Ричардъ.
 Гукъ, Павелъ Ефимов.
 Гуляницкій, Серг. Алек.
 Гуржи, Петръ.
 Гурьевъ Всеволодъ.
 Гутбиръ, Арнольдъ.
 Гутковъ, Влад. Алекс.

Гуэ, Луи.
 Гюберъ, Фридрихъ.
 Гюнтеръ, Бруно.
 Гюнтеръ, Веніаминъ.
 Гюнтеръ, Вильгельмъ.
 Гюнтеръ, Германъ.
 Гюнтеръ, Ник. Максим.
 Гюнтеръ, Эрнстъ.
 Давидъ, Сергѣй.
 Давыдовъ, Борисъ.
 Даксъ, Юлій.
 Далеръ, Александръ.
 Данквертъ, Бурхардтъ.
 Девріенъ, Васил. Аль-
 фредовичъ.
 Девріенъ, Оед. Оедор.
 Дедюлинъ, Геннадій.
 Денисевичъ, Ив. Осип.
 Денисевичъ, Ник. Осип.
 Денисевичъ, Осипъ
 Осиповичъ.
 Денисевичъ, Юл. Осип.
 Денисовъ.
 Деконскій, Леонидъ.
 Деливронъ, Александръ
 Деливронъ, Мартинъ.
 Демидовъ.
 Деревенсковъ, Алексан.
 Деревенсковъ, Николай
 Дерфельденъ, Платонъ.
 Дехтеревъ, Владиміръ.
 Желлибрандтъ, Эдуар.
 Желлибрандтъ,
 Гаральдъ.
 Дмитровскій, Борисъ.
 Дмоховскій, Генрихъ.
 Добровольскій, Владим.
 Андреевичъ.
 Доброписцевъ, Борисъ
 Михайловичъ.
 Доброписцевъ, Владим.
 Михайловичъ.
 Доброписцевъ, Игорь
 Михайловичъ.
 Доброписцевъ, Кирил.
 Михайловичъ.
 Доброписцевъ, Юрій
 Михайловичъ.
 Долгополовъ, М.
 Доморацкій, Оедоръ.
 Дончевъ, Иванъ.

- Доссъ, Вильгельмъ.
 Доссъ, Фридрихъ.
 Дунаевъ, Георгій.
 Дунстеръ, Георгій Вас.
 Дурасовъ, Павелъ.
 Дурдинъ, Алекс. Иван.
 Дурдинъ, Владим. Иван.
 Дурдинъ, Иванъ Иван.
 Дурдинъ, Михаилъ Ив.
 Дурдинъ, Никол. Андр.
 Дутиковъ, Михаилъ.
 Дэлль, Георгій.
 Дюбуа, Анатолий Эд.
 Дюбуа, Владиміръ Эд.
 Дювернуа, Николай.
 Дюнойе, Гастонъ.
 Дюперронъ.
 Дюшенъ, Георг. Серг.
 Евгениевъ, Антонъ.
 Егеръ, Андрей Оедоров.
 Егеръ, Гарольдъ Карл.
 Егоровъ.
 Егоровъ, Николай.
 Елисѣевъ, Григорій.
 Елисѣевъ, Григ. Григ.
 Елисѣевъ, Сергѣй Григ.
 Елисѣевъ, Степ. Петр.
 Еліашевичъ, Владиміръ.
 Еліашевичъ, Сергѣй.
 Ельчаниновъ, Оед. Мих.
 Емельяновъ.
 Енохинъ, Илья Вас.
 Епанчинъ, Алекс. Алекс.
 Епанчинъ, Ник. Алекс.
 Ермолаевъ, Конст. Мих.
 Ершовъ, Г.
 Ершъ, Антоній.
 Ефимовъ.
 Ефимовъ, Александръ.
 Жаворонковъ, Василій.
 Жидейкинъ, Ник. Ив.
 Жило-де-Виль-фень,
 Иванъ (Георгій).
 Жираръ, Т.
 Жираръ-де-Сукантонъ,
 бар., Левъ Оедоров.
 Жирновъ, Оедоръ.
 Жолнеровичъ, Алексан.
 Александровичъ.
 Жукъ, Сергѣй Карлов.
 Журинъ, Борисъ Никол.
- Журинъ, Михаилъ Ник.
 Заварзинъ, Алексѣй
 Алексѣевичъ.
 Загемель, Макс. Дмит.
 Закъ, Анатолий Матв.
 Закъ, С.
 Залѣсскій, Маріанъ.
 Замараевъ, Никол. Вас.
 Замысловскій, Ник. Евг.
 Занинъ, Владиміръ.
 Занинъ, Евгений Сем.
 Заринскій, Николай.
 Званцевъ, Алексѣй.
 Званцовъ, Николай.
 Звѣрковъ, М.
 Звѣрковъ, Н.
 Здроевскій.
 Зеземанъ, Егоръ Егор.
 Зеземанъ, Оскаръ.
 Зеземанъ, Францъ Егор.
 Зейфертъ, Давидъ.
 Зейфертъ, Карлъ.
 Зейфертъ, Фридрихъ.
 Зеленковъ, Алек. Пет.
 Зелль, Викторъ.
 Земковъ, Оедоръ.
 Земмель, Альфредъ
 Генриховичъ?
 Зендеръ, Вильг. Вольд.
 Зигеръ-Корнъ.
 Зиминъ, Валеріанъ.
 Зиминъ, Веніаминъ.
 Зинковичъ, Иванъ.
 Зиновьевъ, Алек. Дмит.
 Зиновьевъ, Дмит. Дмит.
 Зискандъ, Іосифъ О.
 Зисмайеръ, Генр. Іосиф.
 Злакомановъ, Василій.
 Зуевъ, Владиміръ.
 Зуръ, Иванъ Иванов.
 Зѣнченко, Борисъ.
 Игнатовскій, Петръ.
 Игнатъевъ, Діонисій.
 Игнаціусъ, Сергѣй.
 Ивановъ, Александръ.
 Ивановъ, Иванъ.
 Ивановъ, К.
 Ивановъ, Максимъ.
 Ивановъ, Михаилъ.
 Ивановъ, Михаилъ.
 Ивановъ, П.
- Ивашинцовъ, Георгій.
 Ивашинцовъ, Романъ
 Дмитриевичъ.
 Ивонъ, Альфредъ.
 Ивонъ, Рене.
 Ивонъ, Эдуардъ.
 Изенбекъ, А.
 Изенбекъ, Вильг. Ром.
 Изенбекъ, Романъ Ром.
 Изенбекъ, Сергѣй.
 Изенбекъ, Ф.
 Измайловъ, Петръ Пав.
 Изотовъ, Александръ.
 Износковъ, Николай.
 Изыльметьевъ, Владим.
 Оедоровичъ.
 Икорниковъ, Юрій.
 Илимовъ, А.
 Илимовъ, Василій Вас.
 Иловайскій, В.
 Иловайскій, С.
 Ильинъ, Владиміръ.
 Ильсъ, Эдуардъ.
 Имеретинскій кн., Алек.
 Ипатьевъ.
 Ирвинъ, Д.
 Ирецкій, Борисъ.
 Исаевъ.
 Иславинъ, М.
 Ишинъ, Павелъ.
 Іессенъ, Алек. Леонт.
 Іессенъ, Георгій Оедор.
 Іессенъ, Карлъ Леонт.
 Іессенъ, Людвигъ.
 Іессенъ, Максимъ Оед.
 Іессенъ, Отто.
 Іогансонъ, Евфимій.
 Іогансонъ, Юрій И.
 Іорсъ, Николай Иванов.
 Іосса, Григорій Никол.
 Іосса, Андрей Никол.
 Кавелинъ, Дмит. Конст.
 Кавось, Евгений Цезар.
 Казанцевъ, Борисъ.
 Кази, Сергѣй.
 Кайзеръ, Владиміръ.
 Калашниковъ, Иннок.
 Калашниковъ, Николай.
 Калашниковъ, Пет. Пет.
 Калининъ, Иванъ Мард.
 Калинъ, Алек. Емельян.

- Калинъ, Григ. Емельян.
 Калинъ, Мих. Емельян.
 Калугинъ, Мих. Дмит.
 Каменскій, Александръ.
 Камкинъ, Константинъ.
 Кампіони, Антоніо.
 Капгеръ, А.
 Карлони, А.
 Карнѣевъ, Андр. Павл.
 Карнѣевъ, Борисъ Павл.
 Каррикъ, Дмитрій Вас.
 Карръ, Альфредъ Карл.
 Карръ, Артуръ Карлов.
 Карръ, Арчибальдъ Анд.
 Карръ, Вильямъ.
 Карръ, Генрихъ Генрих.
 Карръ, Георгъ Андр.
 Карышевъ, Владиміръ
 Александровичъ.
 Карѣевъ, Конст. Никол.
 Кастеринъ, Борисъ.
 Касторскій, Евгений.
 Кастріото-Скандер-
 бергъ-Дрекаловичъ,
 Георгій Владиміров.
 Катышевцевъ, Владим.
 Качаловъ, Левъ Никол.
 Качаловъ, Никол. Ник.
 Кебке, Гуго.
 Кебке, Феликсъ.
 Кедровъ, Константинъ.
 Кей, Александръ.
 Келлеръ, Карлъ.
 Келлеръ, Л.
 Кемперъ, Евген. Оедор.
 Кеневичъ, Александръ.
 Кенигъ, Алексѣй Егор.
 Кенигъ, Георгій Лео-
 польдовичъ.
 Кенигъ, Егоръ Егоров.
 Кенигъ, Леопольдъ Лео-
 польдовичъ.
 Кенигъ, Карлъ Леоп.
 Кеппенъ, Всеволодъ.
 Кергальвъ, Федоръ.
 Кернеръ, Генрихъ.
 Кернъ, Алекс. Георг.
 Кернъ, Алекс. Оедор.
 Кернъ, Ричардъ, Оедор.
 Кернъ, Оедоръ Оедор.
 Кернъ, Э.
- Кетли, Альфредъ Яковл.
 Кетли, Освальдъ Яковл.
 Кизеветтеръ, Г.
 Кизеветтеръ, Н.
 Кильштедтъ, Алекс.
 Кингъ, Алекс. Роман.
 Кингъ, Карлъ Васильев.
 Кингъ, Романъ Роман.
 Кинель, Александръ.
 Кириковъ, Оед. Оедор.
 Кирхнеръ, Алекс. Оед.
 Кирхнеръ, Романъ Оед.
 Кирштенъ, Э.
 Кирѣевъ, Дмитрій Мих.
 Кирѣевъ, Михаилъ.
 Кистеръ, Андрей Андр.
 Кистеръ, Василій Ник.
 Кистеръ, Влад. Андр.
 Киселевъ, Евгений Вас.
 Клапье-де - Колонгъ,
 Аполлонъ.
 Киселевъ, Вячеславъ.
 Клейнъ, Вильг. Август.
 Клейнъ, Павелъ Август.
 Клейнъ, Рихардъ Авг.
 Клемъ, Влад. Оскар.
 Клинге, Констан. Конст.
 Клинге, Оскаръ Конст.
 Клингельгеферъ, Ник.
 Оттоновичъ.
 Клодтъ бар., Бор.? Бор.?
- Клодтъ, Павелъ? Адоль-
 фовичъ?.
 Клокачевъ, П.
 Клокъ, Фридр. Оттон.
 Клюки-фонъ - Клугенау,
 Владиміръ.
 Клюпфель, О.
 Книримъ, Анатолий.
 Книфъ, Леонтій Карл.
 Кнопъ, О.
 Кнопъ, Эд. Эд.
 Ковальскій.
 Кожевниковъ, Д.
 Кожевниковъ, М.
 Козакевичъ, Влад. Петр.
 Козловъ, Владиміръ.
 Козловъ, Сергѣй.
 Коковцевъ, Дмитрій.
 Кокшаровъ, Ник. Ник.
 Колбасниковъ, Владим.
- Колосовъ, Г.
 Колчинскій, Николай.
 Колышкинъ, Всеволодъ
 Аристовичъ.
 Кольбе, И.
 Кольбе, Романъ (Ро-
 бертъ) Аристархов.
 Кольбе, Робертъ Роб.
 Колышко, Дмитрій.
 Комовъ.
 Кондаковъ, Петръ.
 Кононовичъ, Д.
 Конради, Германъ.
 Конради, Морицъ Мо-
 рицовичъ.
 Копнинъ, М.
 Копнинъ, С.
 Корвинъ-Круковскій, Т.
 Кореневъ, Я.
 Корневицъ, Вильгельмъ.
 Королевъ, Анатолий.
 Коростовецъ, Флавій.
 Корсаковъ, Михаилъ.
 Корфъ, В.
 Корфъ бар., Бор. Ник.
 Корфъ бар., Ник. Ник.
 Корфъ бар., Сем. Ник.
 Коршъ, Дмитрій Валент.
 Корякинъ, Михаилъ.
 Косолаповъ, Василій.
 Коссовичъ, Іосифъ Вас.
 Котельниковъ, Алексѣй
 Леонидовичъ.
 Котельниковъ, Леонидъ
 Леонидовичъ.
 Котляровъ, Николай.
 Котоминъ, Мих. Павл.
 Коттонъ, Джемсъ Вас.
 Коттонъ, Карлъ Вас.
 Коукль, Александръ.
 Коульсонъ, Г.
 Коульсонъ, Д.
 Коульсонъ, Эдуардъ Ив.
 Кракау, Алекс. Алекс.
 Кракау, Вас. Алекс.
 Крамеръ-фонъ, Аксель.
 Крамеръ, Альфредъ.
 Кранкенгагенъ, Іоганнъ.
 Кранкенгагенъ, Оед. Вас.
 Красильниковъ, Ал. Ал.

Красильниковъ, Петръ Александровичъ.	Лавровскій, Серг. Дм.	Линдесъ, Петръ.
Крафтъ, Александръ.	Лагецъ?, Ник. Юльев.	Линдесъ, Эд. Эдуард.
Крафтъ, Георгъ.	Лазаревъ?	Линдстремъ, В.
Крашенинниковъ.	Ламановъ, Алекс. Ник.	Лисенко, Владиміръ.
Красновъ, Викторъ.	Ламбертъ, С.	Литвиновъ, Н.
Красновъ, Евгений.	Лампе, Викт. Егор.	Лихаревъ, Алекс. Влад.
Краускопфъ, Фердинандъ Фердинандов.	Лонге, Николай.	Лихачевъ, Алек. Влад.
Крекшинъ, Констант.	Лауницъ, Конст. Карл.	Ловенецкій, Петръ.
Кремерсъ, Л.	Лашкевичъ, Бор. Ник.	Лодыженскій, В. Ник.
Кроакъ, Э.	Лебедевъ, В.?	Лодыженскій, Ив. Ник.
Кроассанъ, А.	Лебедевъ, Мих. Ник.	Локотниковъ, Серг. Як.
Кронъ, Ѳедоръ Иван.	Лебедевъ, Н.?	Лонгиновъ, Алекс. Кап.
Кругъ, Романъ.	Лебедевъ, Петръ Ив.	Лоренценъ, Георгъ Юл.
Кругъ, Эдмундъ Ѳедор.	Левашевъ.	Лубенскій гр., Адамъ.
Крузе, Лео.	Леве, Карлъ.	Лукашевичъ, Веніам.
Крузенштернъ, Н.	Леве, Фридр. Мартын.	Лукашевскій, Алек. Ив.
Крутиковъ, Алексѣй.	Левисонъ, Сергѣй.	Лукьяновъ, Н.
Крыжановскій, Констан.	Лейшке, Константинъ.	Лукьянскій, Борисъ.
Крыжановскій, Михаилъ Петровичъ.	Лелепъ, Петръ.	Львовъ, Конст. Мих.
Крыжинъ, Борисъ.	Леляновъ, Алекс. Павл.	Лэмбке, Э.
Крыжинъ, Евгений.	Леляновъ, Ив. Павл.	Людвигъ, Карлъ Адам.
Крыловъ, Владиміръ.	Леманъ, А.	Людеке, Александръ.
Крюгеръ, Ф.	Леманъ, Борисъ.	Людерсъ, В.
Крюковъ, Александръ.	Леманъ, Н.	Лютке, А.
Крюковъ, Мих. Іовичъ.	Липинъ, Николай.	Лютке, Н.
Крюковъ, Ник. Іовичъ.	Лембке, Фридрихъ.	Лютке, Ф.
Кубитовичъ, Конст. Ник.	Лемке, А.	Маасманъ, И.
Кубитовичъ, Ник. Ник.	Леммерихъ, Фридрихъ.	Маасманъ, Н.
Кубли, Адольфъ.	Лемпке, Р.	Мазингъ, Александръ.
Кудиновичъ, Алекс.	Ленцъ, Евгений.	Мазуровъ, Алек. Алек.
Кузенъ, Викторъ.	Ленцъ, Николай.	Мазуровъ, Владиміръ.
Кузнецовъ, Николай.	Лепенъ, Рене.	Майдель бар., Бор. Ник.
Кузнецовъ, Н.	Лермонтовъ, Геннадій Геннадіевичъ.	Макаровъ, Алек. Алек.
Кузнецовъ, Сергѣй.	Лерхе, Францъ.	Макаровъ, Анат. Анат.
Куликовскій, А.	Лесманъ, Фридрихъ.	Макаровъ, Влад. Анат.
Куликовъ, Александръ.	Лессигъ, Карлъ Дмит.	Макаровъ, Влад. Вас.
Куломзинъ, Дм. Анатол.	Лессингъ.	Макаровъ, Ив. Алек.
Кумани, Мих. Мих.	Ли, Михаилъ.	Макаровъ, Ник. Алек.
Кумбъ, Георгъ Егор.	Любимовъ, Владиміръ.	Македонскій, Алек.
Кунинскій, Ник. Конст.	Ливенъ, свѣтл. князь.	Макіе, А.
Кунинскій, Серг. Конст.	Ливенъ, свѣтл. князь Петръ.	Макіе, Е.
Купреяновъ, Борисъ.	Лидертъ, Романъ Алек.	Маклецкій, Николай Ильичъ.
Куриловъ, Викт. Венед.	Лилле, Б.	Маковъ, Левъ.
Курихинъ, Ѳед. Ник.	Лингенъ, Максимъ Карловичъ.	Максвель, Ф.
Курціусъ, Юлій.	Линденъ, Влад. Вильг.	Максимовъ, Алек. Алек.
Кутневичъ, Вас. Мих.	Линденъ, Фердинандъ.	Макферсенъ, Г.
Кухарскій, Викторъ.	Линдесъ, Александръ.	Макферсонъ, А.
Лавровскій, Дм. Дм.	Линдесъ, Арнольдъ.	Макферсонъ, Е.
		Макферсонъ, Ф.
		Макъ-Ельроу, Альберт.

Малагейнъ, А.
 Малагейнъ, П.
 Малакенъ, П.
 Мальхинъ, Вильгельмъ.
 Мальхинъ, Иванъ.
 Малышевскій, Ѳедоръ
 Николаевичъ.
 Мансбахъ, Е.
 Марквардъ, Альбертъ.
 Марковъ, Алек. Алек.
 Марковъ, Влад. Алек.
 Маркъ, Н.
 Марсейль, К.
 Мартиневскій, Аль-
 фредъ.
 Мартинъ, В.
 Масальскій, Владисл.
 Масленниковъ.
 Масловскій, Александ.
 Масловъ, Н.
 Матвѣевъ.
 Матисенъ, Андр. Егор.
 Матисенъ, Алек. Егор.
 Матисенъ, С.
 Маусъ, П.
 Машкауцанъ, Ѳедоръ.
 Медемъ, Алексѣй.
 Медемъ бар., Констант.
 Медемъ бар., Павелъ
 Романовичъ.
 Мейеръ, Адольфъ Эд.
 Мейеръ В.
 Мейеръ, Э.
 Мейеръ, Эд. Эдуардов.
 Мейнгардтъ, Дм. Ник.
 Мейнгардтъ, Ник. Ник.
 Мейнгардъ, Павелъ.
 Мейровицъ, Э.
 Меллеръ, Максъ Адол.
 Мельниковъ, Алек. Ник.
 Мельниковъ, Алек.
 Мельниковъ, Аркадій
 Петровичъ.
 Мельниковъ, Владим.
 Петровичъ.
 Мельниковъ, Мих. Пет.
 Мердеръ, К.
 Мержеевскій, В.
 Мериновъ, Алексѣй.
 Мессеръ, Павелъ Влад.
 Мессеръ.

Миллеръ, Александръ.
 Миллеръ, Борисъ Ник.
 Миллеръ, В.
 Миллеръ, Дм. Петров.
 Миллеръ, Ник. Логин.
 Миллеръ, Пав. Логин.
 Миллеръ, Романъ Ник.
 Мильганъ, Леопольдъ.
 Минквицъ, Георгій.
 Миницкій, А.
 Минлось, Ром. Роман.
 Минлось, Э.
 Минуть, Викент. Ник.
 Миняевъ, С.
 Михайловъ, Сергѣй.
 Михайловъ, Сергѣй.
 Михальскій, Бронисл.
 Александровичъ.
 Михальскій, Владиміръ
 Александровичъ.
 Михаэль, Петръ Франц.
 Мокѣевскій, Адамъ.
 Молво, Андр. Герман.
 Молво, Германъ Герм.
 Молво, Н.
 Молво, Ѳедоръ Герм.
 Молль, Владиміръ.
 Монкевицъ, Алексѣй
 Густавовичъ.
 Монкевицъ, Георгій
 Густавовичъ.
 Морганъ, Леон. Ник.
 Морганъ, Ник. Ник.
 Мордвиновъ, Д.
 фонъ-Мореншильдъ,
 Борисъ.
 Морозовъ, Александръ.
 Моррисонъ, Мих. Карл.
 Морсъ, Алек. Генрих.
 Мосягинъ, Серг. Алекс.
 Мотылевъ, Сергѣй.
 Мохра, Александръ.
 Мошнинъ, Влад. Алек.
 Муравьевъ.
 Муратовъ, Александръ.
 Муррей, Владиміръ.
 Мускинъ, Ник. Ник.
 Мысловскій, Алек.
 Мѣдниковъ, Ник. Алек.
 Мѣшковъ, Влад. Ник.
 Мѣшковъ, Л.

Мэкки, Карлъ Иванов.
 Мюзеръ, Андр. Андр.
 Мюллеръ.
 Мюллеръ, Самуэль.
 Мюргедъ, Джемсъ
 Джемсовичъ.
 Мюрфи, Е.
 Мюссаръ, Евг. Евген.
 Мякишевъ, Викт. Конст.
 Мякишевъ, Пав. Конст.
 Мясниковъ, А.
 Мясниковъ, Конст. Ив.
 Нагель, Н.
 Налетовъ, Алек. Мих.
 Нарышкинъ, Бор. Алек.
 Нарышкинъ, Георг. Алек.
 Нарышкинъ, Кириллъ
 Александровичъ.
 Нарышкинъ, Петръ.
 Наумовъ, Владиміръ.
 Наумовъ, Ник. Алек.
 Неандеръ, Карлъ Карл.
 Небо, Борисъ.
 Небо, Густавъ Ѳедор.
 Небо, Максъ.
 Небо, Ром. Ѳедоров.
 Небо, Фридр. Ѳедоров.
 Небо, Эдгаръ.
 Нейманъ, Павелъ.
 Немиловъ.
 Ненингеръ, А.
 Ненингеръ, Юрій.
 Нечаевъ.
 Нидермюллеръ,
 Никитинъ.
 Никитинъ, Александръ.
 Никифоровъ.
 Никкельсъ, Владиміръ.
 Николаевскій, Ник. Ник.
 Николаевъ, Александръ.
 Николаевъ, Александръ.
 Николаевъ, Бор. Алек.
 Николаевъ, Василій.
 Николаи, Ѳедоръ Ѳед.
 Нипаничъ, Валент. Ив.
 Ниссенъ, Никол. Андр.
 Ноббсъ, Перси.
 Ноббсъ, Эрикъ.
 Нордстремъ, Владим.
 Норманъ, А.
 Норманъ, Б.

- Номковъ, П.
Носовичъ, Михаилъ.
Нотбекъ.
Нофаль, Владим. Ирин.
Нофаль, Евгений Ирин.
Нувель, Вальтеръ Ѳед.
Нувель, Ричардъ Ѳед.
Нувель, Э.
Нувель, Эдмундъ.
Нѣмчиновъ, Георгій.
Обермилеръ, Алек.
Александровичъ.
Обермилеръ, Евгений
Александровичъ.
Обертъ, Евгений.
Обломковъ, Ѳед. Петр.
Оболонскій, Адрианъ.
Оболонскій, Александр.
Обуховъ, Дм. Емельян.
Овечниковъ, Николай.
Овсянниковъ, Н.
Овсянниковъ, Т.
Ограновичъ, Николай.
Оливъ, С.
Олсуфьевъ гр., Михаилъ
Олсуфьевъ гр., Юрій
Александровичъ.
Оль, Андрей Андреев.
Оль, Василий Васильев.
Оль, Иванъ Андреев.
Оль, Павелъ Васильев.
Ольшевскій, Бронисл.
Стефановичъ.
Онучинъ, Г.
Оргъ, Альбертъ.
Орловъ-Давыдовъ г., С.
Орѣшковъ, Николай.
Осиповъ, Николай.
Осиповъ, Петръ.
Остафьевъ, Борисъ.
Остафьевъ, Владиміръ.
Остолоповъ, Алексѣй.
Островерхій.
Оттерштедтъ, Карлъ.
Отто, Павелъ Эмильев.
Павлиновъ, Алек. Яков.
Павлиновъ, Андр. Яков.
Павлиновъ, Влад. Яков.
Павлиновъ, Ник. Яков.
Павлиновъ, Пав. Яков.
Павлиновъ, Серг. Яков.
Павловъ, Вячеславъ.
Падалка, Василий Дмит.
Палашковскій, Георгій
Сергѣевичъ.
Палашковскій, Сергѣй
Сергѣевичъ.
Пале, Артуръ.
Паллизентъ, Робертъ Ив.
Паломскій.
Панаевъ, Алек. Иппол.
Панке, А.
Панке, Е.
Панке, Р.
Панке, Т.
Парландъ, Андр. Андр.
Парландъ, Освальдъ
Андр. (Генриховичъ).
Парфеновъ, Александр.
Пашенко, Вадимъ Влад.
Пашенко, Степанъ Влад.
Пеетъ, Карлъ.
Пейкеръ, Е.
Пель, Оскаръ Васильев.
Перель, Ефимъ.
Переяславцевъ, Петръ
Андреевичъ.
Переяславцевъ, Ѳедоръ
Андреевичъ.
Перковскій, Леонъ.
Пермяковъ, Владиміръ.
Персонъ, Карлъ Фридр.
Петерка, Викторъ Алек.
Петерка, Георгій Алек.
Петерсъ, Алек. Алек.
Петерсъ, Рихардъ Алек.
Петипа, Юлій Маріус.
Петрашень, Вас. Вас.
Петрашень, Викт. Вас.
Петрашень, Иванъ Вас.
Петрашень, Никол. Вас.
Петри, Бернгардъ.
Петровъ, Иванъ.
Петровъ, Михаилъ Ник.
Петровъ, Павелъ.
Петрушинъ, Яковъ
Алексѣевичъ.
Пецъ, Адольфъ.
Пецъ, Александръ.
Пецъ, Вильгельмъ.
Пещуровъ, Мих. Алек.
Пикершиль, Р.
Пилкинъ, Павелъ.
Писаревскій, В.
Писаревскій, Е.
Писаревъ, Иванъ.
Пищальскій, Викторъ.
Плате, Александръ.
Плато, Е.
Плато, К.
Платоновъ, Ѳед. Христ.
Плацатка, Рудольфъ.
Плеве, Никол. Вячесл.
Плинъ, Иванъ.
Плотниковъ, Николай.
Погожевъ, Левъ.
Подменеръ, Николай.
Подчурскій, Викентій.
Подымовскій, Станисл.
Поккиненъ, Владиміръ.
Покубятто, Викторъ.
Полежаевъ, Серг. Ник.
Поливановъ, К.
Полидоровъ, Н.
Поликарповъ, Николай
Владиміровичъ.
Поликарповъ, Петръ
Аполлоновичъ.
Поликарповъ, Іона Вас.
Поммеръ, Владим. Алек.
Поммеръ, Сергѣй.
Пономаревъ, А.
Понфикъ, Л.
Понфикъ, Р.
Поплавскій, Владиміръ.
Поповъ, Александръ.
Поповъ, Алексѣй Дмит.
Поповъ, Андрей Петр.
Поповъ, Василий.
Поповъ, Діомидъ Вас.
Поповъ, Донатъ.
Поповъ, Петръ.
Поповъ, Петръ.
Портновъ, Васил. Дав.
Порѣцкій, Сергѣй Алек.
Фонъ-Постельсъ, Ѳед.
Ѳедоровичъ.
Постниковъ, В.
Постниковъ, В.
Потелеттъ, Анд. Юльев.
Потеста, Георгъ Христ.
Пращенко, Ник. Георг.
Прейсъ, Антонъ Антон.

Прейсъ, Густавъ Антон.
Прейсъ, Карлъ Петр.
Прейсъ, Морицъ.
Прейшовъ, Александръ.
Пренъ, Алек. Алек.
Пренъ, Джемсъ-

Ренальдъ Яковлевичъ
Пренъ, Георгій Робер.
Пренъ, Льюсъ.
Пренъ, Романъ Ром.
Пренъ, Эдмундъ Яковл.
Принцъ, Джонъ Генр.
Принцъ, К.
Принцъ, О.
Принцъ, Роб. Ефимов.
Пронинъ, Владим. Сем.
Пронинъ, Дмит. Сем.
Прохоровъ, Николай.
Прохоровъ, Пав. Яковл.
Пузановъ, Сергѣй Мих.
Пукаревъ, Л.
Пуликовскій, Николай.
Пулькиненъ, Ад. Анд.
Пульманъ, Эдуардъ.
Пуни, Иванъ Альбертов.
Пупкинъ, Густавъ.
Путиловъ, Евгеній.
Путята, Николай.
Пущинъ, Борисъ Никол.
Рагозинъ, Конст. Львов.
Радловъ, Алек. Вас.
Раздфиманъ? Илья.
Разживинъ, Алексѣй
Петровичъ.

Разникъ, Никаноръ.
Разсудовъ, Иванъ.
Райтъ, Фридр. Генр.
Раковъ, Георгій.
Раморино, Юлій.
Рапопортъ, Геральдъ.
Рапопортъ, Робертъ.
Раухъ, Августъ Яковл.
Резановъ, Влад. Алекс.
Резановъ, Дм. Алекс.
Резановъ, Ник. Алекс.
Рейнгартъ, Николай.
Рейссъ, Карлъ Оедор.
Рейссъ, Оедоръ Оедор.
Рейссъ, Эммануилъ Оед.
Рейхардтъ, Бруно Эду-
ардовичъ.

Ренненкампфъ, Е.
Ренненкампфъ, Э.
Рерихъ, Бор. Констан.
Рерихъ, Влад. Констан.
Рерихъ, Ник. Констан.
Реутовъ, Григорій.
Реутовъ, Ник. Степан.
Римскій-Корсаковъ, Ан-
дрей Николаевичъ.
Римскій-Корсаковъ, Бо-
рисъ Алексѣевичъ.
Римскій-Корсаковъ, Дм.
Римскій - Корсаковъ,
Владиміръ Николаев.
Римскій-Корсаковъ, Ми-
хаилъ Николаевичъ.
Римскій - Корсаковъ,
Петръ Войновичъ.
Римскій-Корсаковъ, Ое-
доръ Войновичъ.
Рингсъ, Иванъ.
Риттеръ, К.
Риттеръ, Ник. Яковл.
Риц-а-Порта, Шарль
Дементьевичъ.
Родимцевъ, Влад. Петр.
Рожинъ, Анатолий Вас.
Рожинъ, Павелъ Вас.
Розенблатъ, Евг. Оед.
Розенблатъ, Руд. Оед.
Розенмейеръ, Павелъ.
Розенплентеръ, Фридр.
Розенталь, Феликсъ.
Розеншильдъ, Влад.
Розенъ бар., Ник. Андр.
Розинскій, Густавъ.
Романовскій, Севаст.
Александровичъ.
Романовъ, Бор. Вадим.
Рославлевъ, Михаилъ.
Рославлевъ, Николай.
Ростовскій.
Ротерманъ, Эрнстъ.
Ротермундъ, А.
Ротермундъ, Адольфъ
Адольфовичъ.
Рубинштейнъ, Борисъ.
Рубинштейнъ, Мейеръ.
Рубинштейнъ, Яковъ
Антоновичъ.
Рудзскій, Алекс. Алекс.

Рудзскій, Викт. Алекс.
Рудзскій, Іосифъ Алекс.
Рудзскій, Карлъ Алекс.
Рудневъ, Бенедиктъ.
Рудневъ, Сергѣй.
Рудольфъ, Эрнестъ.
Русановъ, А.
Русиновъ, Ник. Валер.
Рѣдкинъ, Юрій Петр.
Рыдзевскій, Николай.
Рыкачевъ, Владиміръ.
Рыкачевъ, Мих. Мих.
Ряжскій, Николай.
Рязановъ, Юрій Дмитр.
Сабиръ, А.
Савичъ, Констан. Ив.
Савичъ, Мих. Алексѣев.
Савойко, В.
Савойко, И.
Садиковъ, Влад. Серг.
Сазоновъ, Александръ.
Сазоновъ, Петръ.
Саковскій, Карл. Карл.
Саковскій, Карлъ Карл.
Саксенъ, Карлъ.
Саламбековъ, Сергѣй.
Саломе, Артуръ Роберт.
Саломе, Романъ Роман.
Сандерсъ, Викторъ.
Сандерсъ Вильямъ.
Сандерсъ, Чарльзъ.
Саундерсъ, Д.
Сванцевъ, Н.
Сванъ, Альфр. Альфр.
Сегаль, Аркадій Иван.
Сеймернъ, Михаилъ.
Селезневъ, Анатолий Ив.
Селезневъ, Бор. Иван.
Селезневъ, В.
Селезневъ, Валент. Ив.
Селезневъ, Валер. Ив.
Селезневъ, Всевол. Ив.
Селенецкій, Р.
Селигѣевъ, Митр. Яковл.
Семеновъ, Борисъ.
Семеновъ, Дмитр. Петр.
Семеновъ, Евг. Иван.
Семеновъ, Мих. Дмитр.
Семеновъ, Ник. Дмитр.
Семеновъ, Рафаилъ Дм.
Семичевъ, Глѣбъ Вас.

Семичевъ, Дмитрій.	Спицинъ, Конст. Влад.	Тиме.
Сендеръ, В.	Спренгертъ, Н.	Тиме, Георгій Георг.
Сенкевичъ, Г.	Спѣхинъ, Григорій.	Тимофеевъ, Констан.
Сербиновичъ, И.	Спѣхинъ, Мих. Макс.	Тишбейнъ, Роб. Ант.
Серкъ, Аксель Петров.	Стамеръ, А.	Толкачевъ, Серг. Анат.
Серкъ, Оскаръ Петров.	Старынкевичъ, Конст.	Толстой, Владиміръ.
Серкъ, Петръ Петров.	Стасовъ, Андрей Дм.	Толстой, Георгій.
Серкъ, Юлій Петров.	Стаффордъ, С.	Томишко, Ант. Антон.
Серкъ, Яковъ Петров.	Стаффордъ, В.	Томишко, Ник. Антон.
Сѣветсъ, А.	Стемманъ, Е.	Торнтонъ, Альфредъ
Сиваевъ, Ник. Петров.	Стенъ, Андрей Герман.	Перси.
Сиверсъ, Ник. Валент.	Степановъ, А.	Торнтонъ, Артуръ.
Симашко, Н.	Стерки, А.	Торнтонъ, В.
Симонъ, Александръ.	Стефаницъ, Алекс. Ал.	Торнтонъ, Генри.
Симъ, Бруно Павлов.	Стефаницъ, Влад. Алекс.	Торнтонъ, Гербертъ.
Сипягинъ, Дмитр. Серг.	Стефаницъ, Ник. Алекс.	Торнтонъ, Джемсъ Ив.
Скалонъ, Алекс. Васил.	Сторре, Е.	Торнтонъ, Д.
Скалонъ, Васил. Васил.	Сторре, И.	Торнтонъ, К.
Скалонъ, Ник. Васил.	Стронгъ, С.	Толстой, Дмитрій.
Скараманга, Георгій.	Стронкъ, Генрихъ.	Торнтонъ, Эдгаръ.
Скерстъ, Оскаръ.	Струкъ, Гуго Никол.	Тотвенъ, Эдуардъ.
Скропышевъ, Владим.	Струкъ, Рудольфъ Ник.	Тоттинъ, Альб. Альберт.
Яковлевичъ.	Струкъ, Юлій Никол.	Тоттинъ, Эмили-Люд-
Скропышевъ, Михаилъ	Стукенъ, Дан. Васил.	вигъ Альбертовичъ.
Яковлевичъ.	Субботинъ, Алекс. Мих.	Траге, Л.
Скропышевъ, Николай	Субботинъ, Евген. Ник.	Трейманъ, Сергѣй.
Яковлевичъ.	Суворовъ, Мих. Ник.	Третьяковъ.
Слѣпушкинъ, Алекс.	Сурковъ, Арно.	Троицкій, Николай.
Смитъ, А.	Сурковъ, Бруно.	Тутенбергъ, Бруно.
Смитъ, Г.	Сухаревъ.	Тютчевъ, Нилъ Никол.
Смитъ, Г.	Сухаржевскій, Николай.	Тяпкинъ, Дмитр. Ник.
Смитъ, Ник. Классенъ.	Сушкинъ, И.	Тяпкинъ, Ник. Никол.
Смитъ, Э.	Сушинскій, Александръ.	Угетти, Сергѣй Антон.
Снарскій, Борисъ.	Суцовъ, А.	Угрюмовъ, Евг. Ник.
Пента-Соболевскій,	Сѣровъ, Валент. Алекс.	Укке, Владиміръ.
Серг. Григорьевичъ.	Тавостшернъ, Георгій.	Ульманъ, Карлъ Оттон.
Соколовъ, Б.	Тарасовъ. Александръ.	Ульманъ, Людв. Оттон.
Соколовъ - Безрукавни-	Тевяшевъ, Петръ.	Ульманъ, Отто. Оттон.
ковъ, А.	Теглевъ, Влад. Серг.	Умновъ, Алекс. Иван.
Соколовъ, Викт. Павл.	Тейхъ, Ник. Эдуард.	Умновъ, Борисъ Иван.
Соколовъ, Н.	Тенниссонъ, Владиміръ.	Умновъ, Конст. Никол.
Соловьевъ, Дмитрій.	Теодоровичъ Андр. Іоан.	Умновъ, Никол. Конст.
Соловьевъ, С.	Телѣгинъ. Николай.	Умновъ, Николай Иван.
Соминъ, Н.	Тернъ, Владиміръ	Умновъ, Серг. Никол.
Сомовъ, Алекс. Андр.	Тидеманъ, Максимъ.	Усовъ, Павелъ.
Сомовъ, Конст. Андр.	Тидеманъ, Р.	Ушаковъ, Ник. Петр.
Сомовъ, Павелъ Осип.	Тидемарнъ, Фридрихъ.	Файдель, Александръ.
Соперь, Артуръ Иван.	Тизенгаузенъ, Германъ	Файдель, Фридрихъ.
Сороко, Георгій.	Адольфовичъ.	Фальке, М.
Соусемъ, В.	Тизенгаузенъ, бар. Ое-	Фалькъ, Максимил. Льв.
Спасскій, Н.	доръ Германовичъ.	

Фанталовъ, Алекс. Ив.
 Фанъ-деръ-Флитъ, Александръ Оедоровичъ.
 Фанъ-деръ-Флитъ, Владимиръ Петровичъ.
 Фанъ-деръ-Флитъ, Н.
 Фанъ-Зассенъ, Ю.
 Фасмеръ, Максъ Роман.
 Федоровичъ, Григ. Ив.
 Федоровскій, Пав. Тер.
 Федоровъ, Николай.
 Фелькель, Э.
 Ферзенъ бар., Евгений.
 Ферморъ, Иванъ.
 Ферморъ, Ник. Никол.
 Ферстеръ, Карлъ Карл.
 Ферстеръ, Роб. Карл.
 Фетисовъ, А.
 Фетисовъ, Петръ Викт.
 Филатовъ, Алек. Алек.
 Филатовъ, Николай.
 Филиповичъ.
 Филипповъ, Алек. Алек.
 Филипповъ, Оед. Алек.
 Философовъ, Дм. Влад.
 Фишборнъ, Георгій Георгіевичъ.
 Фишборнъ, Эд. Георг.
 Флейшеръ, Алек. Ник.
 Флейшеръ, Николай.
 Флейшеръ, Оскаръ.
 Флейшеръ, Фридр. Эд.
 Флекингеръ-фонъ, Цесаръ Францевичъ.
 Флексъ, Эдуардъ.
 Флугъ, Алек. Карлов.
 Флугъ, Конст. Карлов.
 Фогель, Влад. Фридр.
 Фогель, Ник. Оедоров.
 Фогель, Эрнестъ.
 Фомины, Михаилъ.
 Фонесъ.
 Фохтсъ, Вильг. Васил.
 Фохтсъ, Г.
 Фохтъ, Георгій Карлов.
 Франтценъ, Альфредъ Николаевичъ.
 Франценъ, Конст. Эд.
 Францъ, Дм. Дмитр.
 Фрейбергъ, Алек. Алек.
 Фрелихъ, В.

Фридриксъ, Вольдем.
 Фризе, Оедоръ Эдуард.
 Фробенъ, Л.
 Фроне, Густ. Адольф.
 Фроне, Оед. Адольф.
 Фрумъ, Александръ.
 Фуке, Ф.
 Фуллонъ, А.
 Фусъ, Дм. Владим.
 Фюльграфъ, Иванъ.
 Хаминовъ.
 Хвольсонъ, Анат. Дан.
 Хвольсонъ, Орестъ Дан.
 Хорошавинъ, С.
 Храбростинъ, Бор. Ник.
 Христичъ, Леонидъ.
 Христоферъ, В.
 Христоферъ, М.
 Хрущовъ, Михаилъ.
 Хрущовъ, Сергѣй.
 Цандтъ, Адольфъ.
 Цандтъ, Антонъ.
 Цвѣтковскій, Николай Георгіевичъ.
 Цвѣтъ.
 Цейдлеръ, Густ. Оед.
 Цейдлеръ, Герм. Оед.
 Цейдлеръ, Людв. Оед.
 Цейдлеръ, Руд. Оед.
 Цейллернъ, Фридрихъ.
 Церапіеръ, Соломонъ.
 Цизе, Эрикъ.
 Цимаръ, Рудольфъ Рудольфовичъ.
 Цимъ, А.
 Цимъ, Вольдемаръ Ант.
 Цимъ, Густавъ Антон.
 Цимъ, Людвигъ Антон.
 Цимъ, Ник. Антонов.
 Цимъ, Р.
 Цоликоферъ, Владим.
 Цоппи, Эрнестъ Яковл.
 Цуръ-Милленъ, Мих.
 Цшохеръ, Альфредъ Оскаровичъ.
 Цшохеръ, Влад. Оскар.
 Цшохеръ, Левъ Оскар.
 Цшохеръ, Максимил.
 Цшохеръ, Оскаръ Вас.
 Чаплинскій, Болеславъ.
 Чебыкинъ, Александръ.

Чебыкинъ, Владимиръ.
 Чебыкинъ, Несторъ.
 Чебыкинъ, Павелъ.
 Чеглоковъ, Николай.
 Чемберсъ, Артуръ Як.
 Чемберсъ, Влад. Яковл.
 Червинскій, Борисъ.
 Червинскій, Леонидъ.
 Червинскій, Сергѣй.
 Черевковъ, Констант.
 Черемисиновъ, Влад.
 Черемисиновъ, Никол.
 Черкасовъ бар., Дмитрій Павловичъ.
 Чернавинъ, Владимиръ.
 Черни, Влад. Францев.
 Черновъ, Кириллъ.
 Чернышевъ, Констант.
 Чертковъ, Александръ.
 Четверкинъ, Семенъ.
 Чечуринъ, Дмитр. Серг.
 Чешеръ, Владимиръ.
 Чижовъ, Матвѣй Матв.
 Чижовъ, Сергѣй.
 Чижовъ, Оедоръ.
 Чистяковъ, А.
 Чурбаковъ, Викт. Григ.
 Чубинскій. Ник. Павл.
 Шадровъ, Павелъ.
 Шамо, Егоръ Егоров.
 Шамо, Францъ Егоров.
 Шанявскій, Вѣславъ.
 Шарлье, Иванъ Август.
 Шарлье, Рене-Августъ.
 Шармеръ, А.
 Шаронъ, Борисъ.
 Шатиловъ, Иванъ.
 Шау, Карлъ Карловичъ.
 Шау, Норманнъ Карл.
 Шаубъ, Василій.
 Шафъ, Вильгел. Оед.
 Шафъ, Густавъ Оед.
 Шварцгофъ, Фридрихъ Карловичъ.
 Шварце, Евг. Эрнест.
 Шварцъ, Владимиръ.
 Шварцъ, Эдгаръ Генр.
 Шевелевъ, Александръ.
 Шелудяховъ, Сергѣй.
 Шендзиковскій, Мих.
 Шенгейтъ, А.

- Шенрокъ, Александръ.
 Шеньянъ, Владиміръ.
 Шергольдъ, Борисъ.
 Шильдкнехтъ, Николай
 Александровичъ.
 Шимкевичъ, Алек. Ада-
 мовичъ.
 Шимкевичъ, П.
 Шимкевичъ, П.
 Шиттъ, Вильгел. Эд.
 Шиттъ, Корнелій-Отто.
 Шиттъ, Эд. Эдуардов.
 Шлейферъ, Алек. Ник.
 Шлейферъ, Фридрихъ
 Николаевичъ.
 Шлеммеръ, Е.
 Шленкъ, Гансъ.
 Шлиссеръ, Артуръ Ѳед.
 Шлиссеръ, Вильг. Ѳед.
 Шлиссеръ, Ѳед. Ѳед.
 Шмидтъ, Альбертъ.
 Шмидтъ, Гансъ.
 Шмидтъ, Георгій.
 Шмидтъ, Петръ Ѳед.
 Шмидтъ, Петръ Юліев.
 Шмидтъ, Ф.
 Шмидтъ, Эмиль Христ.
 Шмулевичъ, Констант.
 Шнейдемонъ, Ѳедоръ.
 Шольцъ. О.
 Шпергазе, Левъ Ив.
 Шпереръ, Ив. Людвиг.
 Шпереръ, Феликсъ
 Людвиговичъ.
 Шписъ, Робертъ.
 Шпорндеръ, Борисъ.
 Шприндъ, Эрнстъ Андр.
 Шрейдеръ, Владиміръ.
 Шрейдеръ, Евгеній.
 Штегеманъ, Алек. Генр.
 Штейнбергъ, Танх. Сол.
 Штейнеръ, Ал-ръ Алек.
 Штейнеръ, Алек. Густ.
 Штейнеръ, Ал-ѣй Алек.
 Штейнеръ, Георг. Алек.
 Штейнеръ, Густ. Алек.
 Штейнеръ, Густ. Густ.
- Штейнеръ, Осв Алек.
 Штейнеръ, Роб. Алек.
 Штейнъ, Серг. Владим.
 Штейнъ, А.
 Штемпель, Михаилъ.
 Штибенъ.
 Штоль, Карлъ Роберт.
 Штоль, Р.
 Штраусъ, Вильгельмъ
 Вильгельмовичъ.
 Штрембергъ, К.
 Штритеръ, Б.
 Штритеръ, Влад. Алек.
 Штруве, Ф.
 Штурмъ.
 Шуваловъ, Михаилъ.
 Шульманъ Абрамъ
 Абрамовичъ.
 Шумахеръ, Джонъ Ив.
 Шумахеръ, Вас. Иван.
 Шумахеръ, Эдмундъ
 Васильевичъ.
 Шумовъ, М.
 Шуппе, В.
 Шютцъ, Антонъ.
 Шютцъ, Карлъ.
 Шютцъ.
 Щербаковъ, Корнелій.
 Щербаковъ, В.
 Щербовъ, Пав. Евген.
 Эбелингъ, Александръ.
 Эбербахъ, Оскаръ
 Карловичъ.
 Эбертъ, Алек. Иванов.
 Эбертъ, Карлъ Иванов.
 Эбертъ, Рауль Иванов.
 Эдвардсъ, Викторъ.
 Эдвардсъ, Джонъ Мат-
 вѣевичъ.
 Эйлерсъ, Генр. (Најо).
 Эйлерсъ, Герм. Герман.
 Экгардтъ, Л.
 Элефантъ, Евгеній.
 Эллерсъ, Ром. Андреев.
 Эльбенъ, А.
 Эльбенъ, Романъ-Юл.
 Фридр. Васильевичъ.
- Эльбергъ, Михаилъ.
 Эндиміоновъ, Владим.
 Энденъ, Людвигъ.
 Энельтъ, Г.
 Энтговень, Кон. Людв.
 Эрдбергъ, Т.
 Эркъ, Ник. Павловичъ.
 Эссенъ-фонъ, Эд. Эд.
 Эстеррейхъ, Алек.
 Эстеррейхъ, Альфредъ.
 Эстеррейхъ, Евгеній.
 Эстеррейхъ, Констант.
 Эстеррейхъ, Эдмундъ.
 Эстремъ, Альфредъ.
 Эшенбахъ, Мих. Алек.
 Эшенбахъ, Э.
 Юбельмейеръ, Алек.
 Юрковскій, Алексѣй.
 Юрковскій, В.
 Юскевичъ, Констант.
 Яблонскій, Адамъ.
 Ягуновъ.
 Якиманскій, Вас. Мих.
 Якиманскій, Ив. Мих.
 Якоби, Морицъ Семен.
 Якобсонъ, Александръ
 Арнольдовичъ.
 Якобсонъ, Арнольдъ
 Арнольдовичъ.
 Якобсонъ, Генрихъ Ар-
 нольдовичъ.
 Якобсонъ, М.
 Яковенко, Бор. Валент.
 Яковенко, Влад. Ник.
 Яковенко, Николай,
 Яковлевъ, А.
 Яковлевъ, Алексѣй.
 Яковлевъ, Георгій.
 Яковлевъ, В.
 Яковлевъ, Е.
 Яковлевъ, И.
 Яковлевъ, Семенъ.
 Янковскій.
 Яричевскій, Александр.
 Ястребовъ, Петръ Ник.
 Яшневъ, Василій.
 Ященко, Андрей.

ГПБ Русский фонд

127

3154